



Альманах фантастики

АНТАСКОП

Сто восемьдесят третий год
от Рождества Жюль Верна

№002³

2011

Авторы:

Сергей Чекмаев
Владимир Кузнецов
Наталья Анискова
Майк Гелприн
Леонид Шифман
Ева Соулу
Александр Гудко
Артур Шайдуллин
Сергей Преображенский
Вячеслав Фролов
Сергей Удалин
Василий Быстров
Сергей Казиник
Владимир Марышев
Эдуард Яров
Сергей Гатаулин
Олег Марковский
Елена Морозова

ISSN 2219-6552

Барон Мюнхгаузен славен не тем, летал или не летал, а тем, что не врет!



ISSN 2219-6552 (The press)
ISSN 2220-2781 (The electronic edition)

<http://fantascop.ru>
<http://фантаскоп.рф>

Журнал (Альманах) Фантастики

ФАНТАСКОП

О журнале

(по ГОСТ 7.60-2003 — Альманах)

Проект «ФАНТАСКОП» родился в память о трагически погибшем 31.07.2008 Ташкине Дмитрие Сергеевиче, меценате, благотворителе, да и просто очень хорошем человеке. Страстным любителе неба, авиации и хорошей фантастики. Самолет в честь него мы сделать не можем, а вот альманах фантастики смогли.

Выражаем огромную благодарность всем его друзьям и близким людям, которые помогли в реализации этого проекта!

«ФАНТАСКОП» создан с некоммерческой целью и является самокупаемым (но не прибыльным) и направлен навстречу самой широкой читательской аудитории любящей современную фантастику и фэнтези.

Миссия журнала в литературе – призвать людей думать, а не обходится «жвачкой для мозгов», которой сейчас в изобилии. Именно по этой причине мы тщательно подбираем авторов и их произведения.

Мы приглашаем к сотрудничеству новых авторов работающих в данных стилях и желающих донести свое творчество до читателя. Так же приглашаем художников и фотодизайнеров для оформления журнала.

Свои работы и предложения Вы можете отправлять на info@fantascop.ru

Сайт журнала: www.fantascop.ru и на нем Вы найдете всю необходимую информацию.



ISSN 2219-6552 (The press)
ISSN 2220-278 (The electronic edition)

<http://fantascop.ru>
<http://фантаскоп.рф>

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Писатели-фантасты — жестокие люди. Они, подчас, ставят своих героев в действительно и буквально нечеловеческие условия. В этом смысле боевики и детективы — детский лепет по сравнению с фантастикой. Хотя бы потому, что тут для персонажей частенько не работают формулы «бей или беги!» или «подумай, а потом бей или беги!». Здесь им приходится привыкать к иным алгоритмам. Например: «не сойди с ума, потом подумай, а дальше фиг его знает, что делать, но — делай!». И именно это обстоятельство дает нам право считать фантастический жанр наиболее прогрессивным — предугадывание дальнейших ходов превращается в настоящий мозговой штурм.

Посудите сами: один герой боевика может научиться драться и накостылять злодею, которого автор-садист настроили не давать покоя ни днем ни ночью другому. Или, например, центральный персонаж имеет все шансы, помозговав как следует за чашечкой кофе, а также проявив дотошность и наблюдательность, распутать замысловатый клубок интриг и уловок темных личностей, которые затеяли недоброе, и тем самым расстроить их планы.

Но как поступить, если тебе постоянно снится, что ты... хряк, и через пару недель тебя отправят на мясокомбинат? К тому же — нутром чуешь и понимаешь по косвенным признакам, что обратный отсчет идет не только в царстве Морфея, но и в реальной жизни (Сергей Преображенский, «Скотный двор»). Или, например, что делать, если перед тобой возникает пьяный инопланетянин в желтых лосинах, который хочет за спирт «впарить» тебе, как приемщику металлолома... висящий над головой боевой космический крейсер Халпакской империи (Сергей Удалин, «Есть контакт!»)?...

Все это прекрасно прочищает и тренирует мозги. А мозги нам в нынешнее время очень даже нужны, причем — мыслящие неординарно. Желаем приятной тренировки!

*Искренне Ваш,
Александр Гудко*

РАССКАЗЫ

ПЕСОК, УХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ

Старая рация зашипела, поперхнулась и разразилась двуязычной матерщиной.

— ...ш-ш-ш ...твою мать! ...через десять ...хррр ...крытие! Быстро!

Моран сплюнул. На губе повисла маленькая соленая капля — во рту пересохло так, что даже плевать стало нечем. Он утерся рукавом и снова поднес к глазам бинокль. Мутные линзы приблизили жаркое песчаное море — с северо-запада падал хамсин. Простой, не черный, но все равно опасный. По-хорошему надо идти не к оазисам, а добратся до узкоколейки и нанять дрезину на Вади-Хальфу. По крайней мере, в старой и ржавой коробке есть фильтры и рыхлительный кондиционер. Но вокруг железной ветки уже вторые сутки рыщут банды миротворцев. Хрен его знает, что они там забыли, — вряд ли охотятся конкретно на него, но встрече будут рады, это точно. Даже, наверное, пристрелят не сразу. А когда падет хамсин, магрибский патруль, что с ночи идет по пятам, прижмет Морана к отрогам и... Проводников мало кто терпит — ведь они предлагают выбор.

В последний раз он провел через блок-посты целую группу беженцев, аж с двух списанных десантных самоходов. Только с двух — больше не нашлось желающих рискнуть, когда изъеденный черной сернистой пылью контейнеровоз начал тонуть в маслянистой помойке нильского устья. В этот раз не было даже жиденкой толпы зевак. Привыкли. Все равно никто из спасенных не выживет: на юге страшный голод, а на севере... на севере они никому не нужны.

Хотя именно эти, возможно, и пригодились бы. Беженцы почти не общались с Мораном, но он знал, что их вывезли централизованно: какой-то евросоюзный аграрный институт. Для щелнистых подзолистых почв Магриба — бесценная находка. Для черных снегов Европы — уже несбыточная мечта. Сеять там давно нечего, весь фонд разграблен и съеден подчистую, а если что и найдется, то все равно не взойдет за короткое шестинедельное лето со скупым солнцем и жадными сернистыми дождями.

Вряд ли хоть кто-нибудь на агонизирующем континенте представляет, что происходит тут, в арабской Африке. Возможно, там просто надеялись сохранить полезных спецов, возможно, откупились ими от равнодушного Магриба, получив взамен обещание принять еще сотню-другую тысяч беженцев. Или даже хотели основать у границы колонию на самообеспечение — еще одну тусклую жемчужину в дешевом ожерелье нильских оазисов, очередную доходную точку для рэкета писмейкерс и неокolonистов. На год, на два, пока чахлый пятачок возделанной земли не захлебнется под напором голодных толп.

На западе опять мелькнули черные пятна, несколько маленьких и одно большое, неуклюжее, но целеустремленное. Моран прикрыл рукой окуляры, чтобы не выдать себя отраженной вспышкой. Да, упущенный караван изрядно разозлил магрибов, раз уж они не пожалели горючки и выкатили на поиски целый краулер. А то и не один.

Он хотел выругаться, но пересохшее горло как будто натерли изнутри наждаком, и вместо звуков получился один хрип. Оставалось материться про себя, а смысл? Моран скатился с дюны и, пригибаясь, экономным шагом побежал на юг, к плоскогорью.

Хамсин нагнал его через полчаса.

Кое-как замотав рот платком, он натянул очки из НАТОвского пустынного комплекта — купил по случаю на базаре. Растянутый, сто раз чиненый ремешок снова разболтался, и раскаленные песчинки проникали внутрь, обжигали глаза и резали веки. Слезы высохли прямо на щеках, а потом и вовсе кончились. Обезвоженная роговица горела страшной болью, и он перестал открывать глаза. Все равно ничего не видно в бесконечной рыжей печи, прогретой до температуры плавления горизонта. Приклад «скаута» бил по спине в такт шагам, а в ответ так же размеренно и сильно колотило в бок.

Потом он упал. Сначала на одно колено, сухо закашлялся, смочив горячей и соленой кровью губы и платок. Вдохнул несколько раз, переждал, пока перестанут гореть легкие. Поднялся, но не прошел и сотни шагов — снова упал. Через полчаса он потерял счет этим падениям. В какой-то момент ему почудились голоса, но Моран не обратил внимания. Когда мириад песчинок хамсина шуршит друг об друга — еще и не такое услышишь. На всякий случай он включил рацию. Тангета приема хрустнула, словно раздавленный скорпион, когда он нажал ее. Динамик разразился шуршанием и свистом — монотонными и безнадежными.

До плоскогорья Моран не дошел. Просто не смог подняться в сотый, тысячный раз. С трудом нашарил на поясе флягу, свинтил крышку и, плотно обхватив горлышко сухими, коростными губами, жадно глотнул. Теплая и вязкая, как кровь, вода вперемешку с вездесущими песчинками обожгла ссохшееся горло и не принесла облегчения. Конечно, он знал, что пить нельзя, но ничего уже не мог с собой поделаться. Похоже, в этот раз пустыня возьмет-таки свое — и его прозвище, наконец, перестанет быть мрачной шуткой.

— Сюда! Он здесь!

Моран не слышал. Он не очнулся даже, когда его грубо перекатили на самодельные носилки и куда-то потащили. Польхнуло жаром раскаленного металла, а потом, почти сразу — кондиционированной прохладой. На долю секунды Моран пришел в себя — носилки как раз втолкнули в заднюю дверь джипа. Но тут она с грохотом опустилась, и звук набатом раскатился в проваренной голове. Как будто закрылась крышка гроба, милосердно отрезав остатки сознания вместе с душным пеклом хамсина.



— Фамилия? — холодно спросил офицер. Знаки различия у магрибских военных менялись в зависимости от подразделения, и Моран так и не научился в них разбираться. Наверное, этот был полковником. Слишком чистая форма для майора, а генеральское пузо отрастить еще не успел. Впрочем, тут любой офицер — величина. Восток — дело тонкое.

— Моран.

— Имя?

— Морт.

«Полковник» поиграл желваками, ткнул в разложенные на столе листы.

— Мертвец? У меня написано Антуан.

— Тогда зачем спрашивать? Имя я сменил, когда перебрался сюда. Наверное, это тоже записано.

— Слишком много доброжелателей, так?

— Угу. И каждый второй обещает, что я стану трупом. «Ты труп, Моран! Мертвец, понял?» Я решил их не разочаровывать.

— Гражданство?

— Было французское. Сейчас нет.

— Профессия?

— Беженец.

Офицер покопался в папке. Осторожно вынул из шивателя пару распечаток, развернул. Бумага была плохая, техническая, легко мялась и рвалась.

— Вы не беженец, Моран, вы проводник. Верховный Суд Магриба трижды выносил вам смертный приговор, заочно. Вы трижды мертвец. Я просто обязан поставить вас к стенке прямо сейчас.

Морт улыбнулся, поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее.

— Осторожнее с бумагами. Порвется — и на мне будет одним расстрелом меньше.

— Хватит и одного. В расстрельном взводе шестеро бойцов, кто-нибудь точно попадет.

— В каком вы звании? — вдруг спросил Моран.

Пленник держался слишком свободно. Даже нагло, с вызовом. В этом кабинете обычно потеют, дрожат от страха и молят о пощаде. А тут... Развалился, скалится во все тридцать два зуба. Сейчас еще сигарету попросит. Может, он просто не понимает, с кем имеет дело?

— Майор общественной защиты Великого Магриба. Меня зовут...

— Мне все равно, как вас зовут, майор. Давайте перейдем от допроса к предложениям. И перестаньте меня пугать — вряд ли ваши парни таскались за мной по всей Нубийской пустыне и даже вытащили практически с того света, чтобы тут же расстрелять.

— Он прав, Гамаль, — голос прозвучал откуда-то из-за спины. — Мы в равных условиях.

Моран обернулся. В полутемном проеме двери маячила странно несоразмерная тень. Он не сразу сообразил почему — видны были только ноги и туловище в промасленном хаки, голова же оставалась вне света. Как будто заглянул на огонек настоящий Человек-Невидимка.

Странно, но Морт не слышал шагов. И не почувствовал, как открылась дверь — по колебанию воздуха, по запаху. Хотя запахи в любом бункере одинаковые — сырой цемент, сдобренный вонью перегретой изоляции и человеческим потом.

— А вы кто, невидимка? Тоже майор? Техническая служба Магри...

Он не договорил. Неизвестный сделал шаг вперед, и Моран увидел его лицо. Глубокие бордовые борозды на щеках, изъеденный нос, тщательно зачесанные на каждую залысину остатки волос. На все ожоги их не хватило, и красная, зияющая лоскутами кожи, как старое одеяло, лысина блеснула в свете допросной лампы.

Черный дождь. Дьявольский вулкан выбросил в небо слишком много пепла и сероводорода — пять лет, прошедших со дня катастрофы, так и не смогли очистить атмосферу северного полушария. Как и прежде, сверху валяются пемза и пепел, а едкий сернистый дождь грызет все, что попадет к нему на пути. Иногда кому-то не везет. Домам, кварталам, кораблям. Людям тоже. Впрочем, Европе еще повезло. Говорят, в Штатах дела обстоят куда хуже.

— Доктор Клеменс, профессор экономики и права, Брюссельский университет. У Магриба есть к вам предложение, Моран. Говорят, вы водили людей по пустыне еще до вулкана, — нелегальных эмигрантов, исламистов, любителей сафари...

— Я их не спрашивал, кто они. Главное, чтоб платили.

— Разумно. Сейчас вы ведь тоже не спрашиваете? Ведете, куда скажут, «главное, чтоб платили». Мы готовы предложить вам сделку. Хорошая цена, высокая.

Моран ухмыльнулся.

— Полное прощение? Амнистия Великого Магриба?

— Не только. Деньги. Уважение и защиту. Неоколонисты, джаны и писмейкерс тоже ведь давно приговорили вас, Моран. В конце концов, вы бы попались не нам, так Люшеру, бандам, работоторговцам. Мы предлагаем шанс все изменить. Не просто сохранить жизнь, а сделать шаг назад от скитаний вечного изгоя. Вернуть репутацию, заслужить уважение.

Минуту Моран молчал. Потер горло, в котором сухим колом еще стоял недавний жар.

— Первый вопрос — сколько.

— А второй?

— Кого и куда проводить?

Три дня через пески — это не сахар. Сначала рыжая щебнистая нубийка, потом — уныло-серые пустоши Насера: бывшая египетская граница осталась за спиной, с последней дневки отряд шел по самому краю земель Магриба.

Несмотря на настойчивые приказы Клеменса, назначенного главой экспедиции, Моран с самого начала выбрал обходной путь. Безлюдный, подальше от патрулей миротворцев, лагерей неоколонистов и прочей швали. Конечно, два взвода с заводским, не самопальным оружием отстреляются от любой банды... если умеют нажимать на спусковой крючок. Но эти, вчерашние молокососы — поровну арабов и белых, — на серьезных бойцов не тянули никак. Да, они годились гонять по пескам мародеров, отстреливать голодных одичавших собак и шерстить мирных нубийцев. Ну, еще охранять торговые караваны, особенно если поставить над ними опытного сержанта. А воевать им пока рано. Великий Магриб спешно формирует армию — объявил призыв среди местных, ассимилирует беженцев помоложе и покрепче, но настоящей боевой силой перепуганные мальчишки станут нескоро.

Большая загадка, почему ему дали именно новобранцев. Клеменс два часа заливался соловьем о целях похода, уверял в его особой важности чуть ли не для всего человечества. От прямых вопросов, правда, умело уклонился, ограничился малопонятными намеками.

«Скаут» Морану не вернули, так что он пока до конца не понял, ведет ли он группу, или она его конвоирует. Тыкать стволами в безоружных салаги вполне настропалились и — в случае чего — пристрелят, не задумываясь. Неизвестно, каких страшилок про него они успели наслушаться, одно только имя чего стоит: «Мертвец» Моран! Гордый британец Дик, что всю вторую половину дня шел впереди колонны, всегда опускал глаза, стоило проводнику обернуться. Чтобы, не дай бог, не встретиться с ним взглядом.

И все же непонятно. Боевая пятерка, летучий отряд грозного магрибского спецназа справился бы с любой проблемой. Да и отследить полдюжины профессионалов куда сложнее, чем четыре десятка новичков. Клеменс намекал, что целью экспедиции интересуются не только Магриб и хорошо бы опередить конкурентов. Ну-ну. Скверно, когда во-

енной операцией руководит гражданский. Разные задачи — проф уверен: он делает все, чтобы как можно быстрее и проще добраться до цели. А получается, что старательно привлекает внимание к группе.

Мысли тяжело перекачивались в гудящей голове. Ситуация Морану не слишком нравилась. Точнее — не нравилась вообще. Он бы давно сбежал, и никто из косоруких, неуклюжих мальчишек не смог бы его выследить и уж тем более — догнать. Да и побоялись бы. Только далеко ли уйдешь без ствола?

Клеменс выставлял на ночь часовых, и при должной удаче можно было вырубить заспанного новобранца, подхватить — что у него там? «Галиль» или M16 — и вперед! В первый привал Моран не стал рисковать, во второй не предоставилось случая: лагерь будоражили постоянные тревоги, а вот сегодня вечером... Можно попробовать.

Он специально выбрал для ночевки именно это место. Нагромождение выветренных камней, под ногами — щебень и песок вперемешку: опытный пустынный пройдет без шума, а непрофессионал выдаст себя шуршанием шагов за сто, сколько бы ни старался двигаться скрытно.

Перед тем, как отдать команду на отбой, Клеменс поинтересовался:

— Сколько еще идти?

Проф сидел, привалившись спиной к шершавому боку песчаника. Развернутая карта на коленях слегка подпрыгивала от ветра.

— Завтра дойдем. К вечеру, — сухо ответил Моран. Вечером он будет уже очень далеко.

Клеменс как будто успокоился, разгладились морщины на скверно зажившем лице. Морт только сейчас понял, в каком напряжении все это время пребывал начальник экспедиции. В нечеловеческом.

Что же там, в конце пути? Забытый оружейный схрон суданских повстанцев? Медикаменты? Продовольствие? Да нет, вряд ли. Слишком ценные призы, чтобы отправлять за ними всего лишь четыре десятка маменькиных сынков.

Через три часа, когда лагерь затих, Моран затаил загодя собранный мешок, бесшумно поднялся. Укрылся за камнем, осторожно размял руки и плечи, разгоняя кровь. После вулкана африканские ночи стали еще холоднее, особенно перед рассветом, и во время переходов стылый воздух пробирал до костей. Только движением и можно согреться.

Он еще чуть подождал, пока глаза окончательно привыкнут к звездной полутьме. От нагретого за день песка поднимался теплый воздух, и где-то на уровне пояса слегка подрагивало суетное прозрачное марево. На фоне тускло поблескивающей полоски горизонта угловатую фигуру часового не увидел бы разве что слепой. Он стоял на небольшом каменном уступе — прекрасная цель для снайпера с ночной оптикой. Бедняга ежился, прятал руки подмышками, испуганно озирался. Время от времени вспоминал, что он все-таки дозорный, и тогда поднимался на цыпочки, пытаясь высмотреть опасность.

Прячась в нагромождении камней, Моран медленно пополз к нему. Когда часовой поворачивался в его сторону, он замирал, потом снова полз. С каждой секундой уступ становился все ближе. Десять метров, пять, четыре... Рука сама нащупала подходящий булыжник. Так даже лучше, чем дергать парня за ноги. Еще успеет заорать, чего доброго. Или оружие загремит на камнях.

Кусок щебня удобно лег в ладонь, и в этот момент часовой захрипел, выронил оружие и схватился за горло. Короткий метательный нож вошел точно в сонную артерию. Захлебываясь кровью, новобранец упал с камня лицом вперед.

Моран не терял ни секунды. Подхватил отлетевший в сторону «галиль», передернул затвор, ушел с линии огня. Пока раненый хрипел и копошился в песке, отвлекая внимание нападавших, Морт выбрал отличную позицию в небольшой расщелине. Теперь они были у него как на ладони — с десятков быстрых теней, скупых на движения, как это всегда бывает, когда мышцам мешает тяжесть бронежилета.

Писмейкерс! Миротворческая банда, чтоб их!

Скупой очередью в три патрона Моран снял первого, самого активного. Пустыня очнулась криками и ответным огнем. Наверное, лагерь за спиной уже переполошился, но он все равно заорал изо всех сил и полоснул от души в гулкую полутьму, сверкающую ответными вспышками.

Не убежишь теперь. Поздно.

Моран сидел прямо на песке, навалившись животом на еще теплый «галиль», и курил. Солнце уже показалось из-за края пустыни, золотистые полосы рассыпались по унылой серо-рыжей скатерти, добавив немного веселого цвета.

В ночной перестрелке миротворцев положили всех — как только огонь стих, он специально проверил следы: никто не ушел. Магрибцы потеряли семерых, да еще пятеро тяжелых стонали сейчас под пологом импровизированной палатки. Клеменс вызвал по рации подмогу — эвакуировать раненых. Морану было все равно. Сбежать не удалось, единственная радость: обзавелся не самой плохой пушкой. Хрен теперь кто ее отнимет, молодежь смотрит на него, как на героя, и даже проф проворчал что-то одобрительное.

Можно попробовать на следующем привале.

— Моран? — легок на помине, доктор стоял за спиной. — Вы точно уверены, что это писмейкерс? Слишком неумело воюют.

Трупы лежали рядом на утопанной площадке. Вчера вечером магрибские солдаты расчистили себе место для сна, теперь на нем спали их противники. Только побудки уже не будет.

НАТОВский пустынный камуфляж, подсумки, жилет разгрузочный: экипировка у них отличная, ничего не скажешь, а вот люди — так себе. Мразь, отбросы, крысы тыловые. Настоящих вояк в первые годы повыбило, когда писмейкерс пытались взять ситуацию под контроль. Когда еще работала связь и из штаб-квартиры миротворческих сил приходили какие-то приказы.

— Они растерялись от неожиданности, — отозвался Моран. — Думали, что перережут нас сонными. Часового сняли весьма грамотно, а потом... все пошло наперекосяк.

Он не стал говорить, почему. И так понятно, что если бы не его «бессонница», на площадке такой же ровной шеренгой вытянулись бы трупы совсем в другой форме.

— Да и умельцев всех они давно закопали. Теперь одна шваль осталась, казначеи бывшие, писари да кашевары. Стволы и снаряжения море: склады ломаются, патронов — лет на десять и горючки хоть залейся. Вот они силой себя и почувствовали. Пугать местных, беженцев грабить и к стенке ставить — это они мастера. Вон, смотрите, док, двое в солдатских ботинках, один в кроссовках, а остальные и вовсе в шлепанцах. Курортнички, пижоны, мать их...

О главном Моран промолчал. Писари писарями, но и из штабных, похоже, кто-то выжил. С головой в нужном месте, а не только там, где сидеть надо. Быстро все просчитали. Едва ли не быстрее магрибских умников, если успели догнать их группу.

Клеменс присел рядом. Изжеванные кислотой рубцы явственно проступили на побледневших щеках.

— Сигарету, проф?

— Нет, спасибо, я не курю. Скажите, Моран, — он немного помялся, — вы хотели сбежать ночью?

Проводник поднял бровь, чуть улыбнулся краешком губ. Ай да док!

— Я видел: вы не стали разбирать рюкзак вечером. Да и бессонница ваша неспроста.

— Откровенность за откровенность, профессор. Да, я надеялся тихо уйти. Ни в какие высшие цели я не верю, а ваши пацанята все равно ничего и никого не в состоянии защитить. Деньги Магриба пахнут вполне конкретной подставой, которая мне совершенно не улыбается. Сами разберетесь, в общем. Теперь у меня есть неплохой ствол, два рожка, — Моран похлопал себя по трофейным подсумкам. — Жилет подберу получше. И вы меня не удержите, если я сам того не захочу. Поэтому сейчас ваша очередь. Что мы ищем?

Клеменс долго смотрел ему в лицо, молчал. Потом пожевал синими губами и глухо сказал:

— Будущее.

— Будущее кончилось несколько лет назад, профессор. 12 июня, когда чертов вулкан засыпал пеплом полмира. Возможно, вы слышали об этом.

— Это стопроцентное будущее, Моран. Не панацея. Это всего лишь надежда.

Солдаты деловито обустроивали лагерь, копались с трофейным оружием. Наименее брезгливые снимали с трупов бронжилеты, разгрузочные пояса, хорошие армейские ботинки. Среди них Моран заметил Дика. В ночном бою парня задело в плечо, и теперь он гордо щеголял грязной кровотокающей повязкой. Тем, в палатке, повезло куда меньше. Одному придется ампутировать ногу, а второй — если спасатели не успеют до вечера — загнется от перитонита. Полсотни самодельных дробинок в животе не слишком полезны для жизни. Передозировка свинца.

— Надежды нет, проф, это я понял три года назад. Сначала казалось, что у нас есть шанс смыться на юг, пока пепел, кислота и черный снег травят Старый Свет. Но Африка не резиновая, док. Все, кто пытается сбежать сюда из Европы, в конце концов, передохнут от голода. Никакой Великий Магриб не способен прокормить столько людей. Мы просто растягиваем агонию.

Подбежал вестовой, протянул две жестяные кружки с дымящимся кофе. Варил кто-то из арабов — напиток был чудовищно крепким и горьким, как сама дерьмовая жизнь. Моран даже хмыкнул про себя: расфилософствовался, мол, умник.

— Там гуманитарный склад ООН. Сначала, еще до вулкана, туда везли помощь для суданских голодающих. Потом, когда в Евросоюзе поняли, что северное полушарие обречено, на склад стали отгружать стратегические запасы продовольствия долгого хранения. Крупы, муку, молочный порошок, консервы...

— Ерунда, док. — Моран отхлебнул огненную гущу, поморщился. — Какого размера должен быть тот склад, чтобы прокормить миллионы? С пол-Африки? А даже если и так, то на сколько его хватит? На год? На три? Я же говорю: отсрочка. Потом все равно загнемся.

— Зачем же вы тогда водите беженцев? Чтобы в Африке стало побольше голодных? Здесь их и так хватало во все времена.

— А мне все равно. Пока у меня есть деньги — есть что жрать. С каждым днем еда становится все дороже. И вряд ли что изменится, даже если весь этот ваш склад пустить на продажу...

— Я не сказал, что там выход, — Клеменс смотрел в кружку, даже поболтал ее, как будто надеялся увидеть на дне что-то необычное. — Там — надежда. Вы помните последнюю группу беженцев, которых переправили через границу? Аграрный институт?

— Помню. Магриб, небось, до сих пор кусает локти?

— Великий Магриб по моему совету вывез около полусотни таких групп. Спецов по ирригационному земледелию, геномодифицированным культурам, переработке животных тканей... Почти все они осели на подконтрольных Магрибу территориях. Вашим, — он усмехнулся, — тоже предложат выгодные условия. Главное — чтобы они начали работать. А пока растущее население будет ждать результатов, как раз и пригодятся старые гуманитарные запасы. На год-два их точно хватит, даже если потоки переселенцев вырастут на порядок.

Моран хотел возразить, но профессор остановил его:

— Я знаю, что вы скажете, Морт. Мол, все равно африканское земледелие — это фикция. С той мизерной отдачей, которой можно добиться от здешних почв, прокормить четверть миллиарда беженцев не удастся все равно.

— Примерно так. Я не специалист и, конечно, не смог бы выразиться так красиво, но понимаю это безо всяких терминов. Нутром.

— Люди вроде вас считают, что все кончено. Что теперь, когда невооруженным глазом виден крах мира, не осталось ни цивилизации, ни границ дозволенного, ни цели, ни надежды. Особенно вы не верите в последнее, поэтому я и сказал вам, что наша цель — надежда. Я экономист, Моран, могу рассчитать производство и потребление, спады, вызванные засухой и неурожаем, прибыль и так далее. Но в моей научной группе есть отличные климатологи. Экологи. Они вычислили отпущенный нам срок. Через восемь, максимум десять лет атмосфера очистится от пыли и кислотных испарений. Еще через два года можно будет думать о восстановлении плодородного слоя в Европе и Средней Азии. Америка, к сожалению, вряд ли оправится в обозримом будущем, слой пепла там слишком велик, и почва отравлена на несколько метров вглубь. А у нас есть шанс. Экспансия пойдет обратно, начнется своего рода Новая Конкиста...

Он запнулся, наткнувшись на внимательный взгляд Морта.

— Что вы на меня так смотрите?

Вечером, когда два бывших сафари-джипа, наспех переделанные в броневики, вывозили раненых, на лагерь снова напали. Новобранцы показали себя достойно — и после небольшой перестрелки враг отступил, оставив на песке несколько трупов. Уголовного вида отморозок, зажимавший простреленную ляжку, отказался что-либо говорить, и магрибцы забрали его с собой. В гости к майору Гамалю. Моран и без допроса прекрасно понял, кто он, ибо на бандита из писмейкерс раненый походил не больше, чем верблюжье мясо на деликатес. Очередной фанатик, люшер, из той сильно больной на голову братии, что поклоняются бредням давно свихнувшегося психотерапевта. Ребята забавные, но ровно до того момента, как не начнут приносить тебя в жертву или закапывать в землю, назначив пленника деревом.

Желающих получить ценный приз становится все больше. Интересно.

Ночью Моран растолкал спящих, приказал быстро собраться и скорым шагом вывел их из каменного лабиринта. К утру они отмахали километров сорок — непривычные к такому ритму новобранцы натерли ноги и все остальное, что только можно натереть. Но Морт безжалостно гнал их вперед. Половину дневного перехода пришлось идти в знойной духоте, и солдаты выдохлись окончательно, давно выпив всю воду из походных фляг. За спиной роптали, но Моран оставался глух к недовольству. Лучше сухая глотка, соленый пот под мышками и водянистые мозоли, чем пуля в голове.

Когда до цели оставалось несколько километров, он объявил привал. Сказал профессору раздать воду из НЗ — специально припрятанного на такой случай. Клеменс кивнул и спросил:

— Почему вы остановились именно здесь? Никогда не поверю, что пожалели моих парней...

— Здесь проще обороняться. День, два, неделю, сколько понадобится.

Профессор посмотрел на него внимательно, но больше ничего не сказал. Поковылял прочь, тяжело припадая на правую ногу, — для него переход тоже даром не прошел. Догадался, что ли?

Первую стражу Моран отдал Дику с напарником, вторую — двум арабам, а вот третью решил стоять сам. Как чувствовал.

Миротворцы напали в самый сонный час: между тремя и четырьмя утра, когда даже у самых опытных часовых от усталости смыкаются глаза. Моран прекрасно разглядел нападавших, пока они накапливались в небольшой низине, медленно подползая к границе лагеря. Командира и помощника он снял двумя первыми же выстрелами, как в тире. А потом тишина снова взорвалась огнем, как несколько дней назад.

Справа бил очередями пулемет — в этот раз писмейкерс подготовились куда основательнее. Моран добежал до лагеря, ухватил за шкурку перепуганного солдатика. Дрожащими руками тот нервно дергал заклинивший затвор.

— Не спи, олух! — быстрым движением Морт выхватил у него оружие, выщелкнул дефектный патрон. Сунул винтовку новобранцу. — К тому камню, быстро! И чтоб ни одна живая душа не проскочила!

Дрожащий от страха солдат едва успел кивнуть, как страшный проводник пропал. И снова возник метрах в двадцати, упал на колено, дважды выстрелил куда-то во тьму.

Пулемет огрызнулся, но Моран не дал себя напугать. Еще одна очередь на два пальца левее вспышки, и смертельная машинка заглохла. Сейчас бы всем сменить позиции, уйти с открытого пространства, пока ищут нового пулеметчика. Да разве молокососы сами догадаются! Проклятье!

Он обернулся назад, крикнул:

— В укрытие! Быстро!

Сзади тоже что-то вопили, может, от страха или боли, но он не слушал. Бросился влево, прополз несколько метров, пока не наткнулся на убитого солдата. С мимолетным сожалением Моран подумал, что так и не успел узнать, как его звали.

Потом жалеть стало некогда — пулемет снова очнулся. Морт отбросил опустевший «галиль», взял из коченеющих рук убитого М16 и расстрелял полмагазина в опасную пустоту.

На левом фланге завязалась отчаянная перестрелка. Там опять кричали от страха, а может от ярости и проснувшейся жажды убийства. Ничего, сами разберутся, если хотят жить.

Через час все закончилось, хотя Морану показалось, что прошла как минимум вечность. Тишина пала неожиданно, только звенели под ногами груды расстрелянных гильз и стонали раненные. Оглохшие солдаты бродили среди трупов. Морт приметил Дика, волочившего за собой винтовку. Треснувший приклад оставлял в песке глубокие борозды.

Моран не успел удивиться или обрадоваться тому, что парень опять выжил. Кто-то завопил:

— Проводник! Сюда! Скорее, проф ранен!!

Доктор Клеменс не был ранен. Он был вполне основательно и безысходно убит — очередь прошла на пару сантиметров ниже сердца и разворотила легкое. Профессор еще дышал, на губах вздувались пузыри розовой пены, но ясно было, что осталось ему недолго.

Он пытался что-то сказать, хрипел, и вместе с каждым выдохом из груди толчками выплескивалась кровь. Какой-то солдатик старательно зажимал руками сразу три пулевых отверстия, второй неумело заматывал раны растрепанным бинтом. Ткань пропиталась кровью и не держала уже ничего.

— Моран...

Проводник наклонился над раненым. Под его тяжелым взглядом мальчишки перестали бинтовать профессора, а потом и вовсе куда-то пропали.

— Ты должен... знать. Груз... был в трейлерах. Около тысячи... трейлеров. Чтобы... можно было быстро перебраться... в нужное место. И все уже...

— Я знаю, профессор. Лежите спокойно. Скоро будет помощь, вам нельзя волноваться.

Клеменс кивнул — про помощь он все прекрасно знал: ниоткуда она не придет, просто не успеет — и больше не пытался говорить. А через двадцать минут — перестал и дышать. Запрокинул к небу изуродованное лицо и затих, остекленевший взгляд уткнулся в зенит.

Моран устроился рядом, сунул в рот недокурный с вечера бычок и скупыми, осторожными движениями начал разбирать автомат.

Он уже закончил счищать пороховую гарь и песчинки, когда рядом присел Дик.

— Док... умер?

— Умер, — согласился Моран.

— Значит — все? Мы можем уходить?

— Кто тебе сказал?

Его спокойствие показалось Дикю кощунственным.

— Нас осталось всего семеро! И док погиб! Мы не дойдем до цели и не сможем вынести груз.

Моран сомневался — говорить ему или нет. Молодой ведь и глупый, не поймет.

Но все-таки решил сказать: парень неплохо дрался, имеет право знать.

— Да нет там никакого груза. Давно вывезли.

— Как вывезли?

— Прицепили трейлеры ко всему барахлу, что еще может ездить — и вывезли. Дня три назад, думаю, пока мы топали по пустыне у всех на виду. — Моран посмотрел на свет вычищенный ствол.

— А... то есть... — челюсть у Дика натурально отвалилась. Он потер руками виски. — Как это? Зачем?

— Есть такой тактический прием. Защищать ложную цель. Считай, что мы приковываем внимание врага к пустому колодцу.

«Долго же до тебя доходит, мальчик».

— Это подстава! — заорал Дик. — Если никакого груза нет, то мы просто приманка!

— Не совсем.

Моран вставил на место пружину, затвор. Быстро собрал оружие.

— А что? Что мы тут защищаем, если склад давно пуст!

— Надежду, парень, — сказал Морт и передернул затвор. Нагнулся, зачерпнул горсть песка и стал внимательно смотреть, как рыжие ручейки убегают между пальцев. — Мы защищаем надежду.

Рассказ написан по мотивам вселенной игры lava-online.ru

НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ

*Его превосходительству Клименцу,
верховному принципалу межземельной Ассамблеи охраны таланта,
от полевого агента Стреца, резидента Ассамблеи на Земле-12.*

Докладная записка

Ваше превосходительство! Настоящим сообщаю, что курируемый мною абориген, известный как Музыкант и классифицированный как носитель таланта высшей категории, арестован по сфабрикованному властями обвинению в шпионаже и осужден на десять лет исправительных работ в лагерях.

В связи с вышеизложенным и, согласно профильной программе Ассамблеи по охране таланта, прошу Вашего позволения на инициацию экстренной спасательной операции по плану В-прим.

*Полевому агенту Стрецу,
резиденту межземельной Ассамблеи охраны таланта на Земле-12,
от верховного принципала Ассамблеи Клименца.*

Распоряжение

Настоящим ратифицирую экстренную спасательную операцию по плану В-прим. Приказываю аборигена, известного как Музыкант, изъять и доставить в реабилитационный центр «Вдохновение» на Земле-22.

Приказываю обеспечить носителю таланта обращение и уход по категории А-зеро.

*Его превосходительству Клименцу,
верховному принципалу межземельной Ассамблеи охраны таланта,
от полевого агента Стреца, резидента Ассамблеи на Земле-12.*

Докладная записка

Ваше превосходительство! Настоящим сообщаю, что спасательная операция успешно завершена. Однако при ее проведении возникли осложнения, связанные с идентификацией объекта. В результате, по причине недостатка оперативной информации и в условиях дефицита времени, полевой группой изъято два индивида, каждый из которых называет себя Музыкантом. Оба индивида доставлены в реабилитационный центр «Вдохновение» на Земле-22.

Марина рассеяно брела по дорожке, усыпанной мелким песком. Тянула носочек, как солдат на параде, время от времени сдувала со лба густую челку. Поодаль белело куском сахара пятиэтажное здание пансиона, впереди маячила белая же стена, опоясывающая парк. Фиолетовые папоротники, высокие деревья с зелеными листьями и развесистые кусты с листьями цвета индиго — краски перетекали друг в друга, смешивались. Слева от здания пансиона — гладкая круглая площадка, справа — сейчас Марине его не было видно — пруд, в котором плавали утки. На дорожку свисали ветви синелистого кустарника, похожего на оританскую ильху. Сходство это... Иногда Марина его не замечала, а иногда так оно отзывалось, такая накатывала тоска по дому, что хоть пальцы грызи.

В пансионе — Марина так и не привыкла к слову «санаторий» — было все, чего только душа пожелает. И со вкусом убранные комнаты, и обширная библиотека, и отменная кухня. Для желающих развлечься — игры, синематограф, спортивные площадки. Да и общество не оставляло желать лучшего — населяли пансион литераторы, музыканты, ученые, актеры.

Как ни странно, прислуги здесь не было. То есть совсем не было. Ни одного человека. Тем не менее, сама собой появлялась чистая одежда — причем любая, достаточно было только представить желаемое; возникала ниоткуда пища на столах; порядок в комнатах наводился по мановению невидимой руки. Первое время Марина удивлялась этому, ежилась тревожно, а затем свыклась.

Итак, в пансионе было комфортно и покойно. Живи, казалось бы, да радуйся, твори, пиши, совершенствуйся. Ан нет...

Марина перевела взгляд на круглую площадку, куда приземлялись диковинные машины, привозившие в пансион новых обитателей. Сейчас одна такая возвышалась на гладком покрытии. Около машины, — видимо, они только выжидали из нее — стояли двое мужчин, одетых в форму Ассамблеи, и двое в обычной одежде.

Марина вгляделась. Один — тонкий, как струна, и как струна же напряженный брюнет, чуть-чуть сутулый. Второй — тоже брюнет, худощавый, резкий в движениях. Если в первом сразу же угадывался человек интеллигентный и творческий — «своих» Марина узнавала за версту — то второй изрядно ее озадачил. Может, актер в образе?..

Чудны дела твои, господи. В креста и в бога, в натуре, век воли не видать, аминь.

Как меня с нар сдернули, это посреди ночи-то, да поволокли в кумовскую, я враз выкупил — запоганили мусора подлянку, не иначе. Они, суки, до гнилых дел мастера, как честному урке дело сшить — завсегда пожалуйста. Получи, бродяга, по рогам, четыре сбоку, и спасибо товарищу Сталину за наше счастливое дальше забыл.

Заталкивают меня в кумовскую, значит, а там уже хипеш такой, что прощай, мама. Сам кум сидит за столом с видухой такой, будто его только что отмудохали. И два дубака в дверях, при погонах и при пушках, рожи красные, видно, за ворот еще вчера залили. А при них какой-то хмырь, плесень болотная, задрот, и вся троица на меня пялится.

— Чего вылупились? — вежливо так спрашиваю. — Не хрен на меня шнифты пялить, я ваши понты в гробу видел.

Ничего мне не ответили, а тот дубак, у которого рожа покрасней, куму и говорит:

— И этот тоже Музыкант?

— Что значит «тоже», долдон? — спрашиваю и чувствую, уже нервничать начинаю. А когда я нервный, любая лагерная перхоть скажет — лучше со мной не связаться. — Это баба твоя «тоже», — говорю, — а Музыкант на зоне один.

Нет, как вам это нравится, а?! Фраера позорные. «Тоже», мля. У меня погоняло козырное, второго такого на весь Союз гребаных республик нету. Бродяги им меня наградили за то, что на блатной музыке лучше меня хрен кто разбазаривает.

— И этот Музыкант, — кум говорит. — Вам какой нужен-то?

Дубаки краснорожие, мать их в Кутаиси, репы чесать не стали.

— Обоих берем, — говорят, на, мол, тебе расписку.

Ну, а дальше такое началось, что хоть свисти, хоть роман тискай. Берут меня под руки белые и вместе с тем, с задротом, — в черный воронок. А из него — в железную хрень, смахивающую на квадратную жопу. Я сколько лет землю топчу, такого не видывал — железная жопа возьми в натуре и взлети. Хотите верьте, хотите плюньте, но любая шмара на малине вам скажет — Музыкант порожняк гнать не станет. Все равно не верите? А я забожусь на гада. Гадом буду, падлой последней, век воли не видать.

На следующее утро Марина проснулась поздно. Она, в который раз, полночи подбирала слова, что не шли ни в голову, ни на пальцы, приходила в отчаяние от собственной немоты, рвала бумагу — все без толку.

Наутро бумажных ключев, усеявших стол, уже не было, в комнате царил идеальный порядок. Солнце — призрачной и золотистой, чем дома, — покойно светило на жемчужно-сером небе. Марина пожелала голубое платье и отправилась умываться.

Спускаясь к завтраку, она столкнулась на лестнице с прибывшим вчера актером. Тот стоял на площадке и беззастенчиво разглядывал девушку. Марине даже неловко стало за свое короткое — чуть прикрывающее колени — платье.

— Здорово, сестренка. Мазу держу, что ты здесь козырная бикса.

— Здравствуйте. Вы не устали от сценического образа?

— Чего?..

— Может, хватит изображать мазурика? Разговаривайте нормально.

Актер ничего не ответил, только присвистнул вслед.

В столовой почти никого не было: только пани Зборовская — старожилка пансионата, она, кажется, обитала здесь лет сорок — и второй из прибывших вчера мужчин.

— Здравствуйте.

— Мариночка, душенька, добрый день. Я как раз сейчас рассказываю Сашеньке, в какое чудное, чудное место мы все попали, — зашебетала пани Зборовская, позвякивая массивными серьгами.

Сашенька выглядел растерянным.

— Да-да-да, совершенно чудный пансион, специально для нас, для творцов, властителей дум и душ... — продолжала пани Зборовская.

Дальше Марина не прислушивалась. Она и так знала: сначала пани будет говорить о прелестях жизни в пансионе, потом вскользь спросит Сашеньку о его творческих планах, а затем станет долго и со вкусом рассказывать о гениальной сюите, которую напишет, когда достаточно отдохнет от пережитых лишений.

Да, пани Зборовской — как, впрочем, и всем жильцам пансионата — досталось на родине: ее вытащили из гетто, где композиторша умирала от голода. Художника Рэндома вызволили из лечебницы для душевнобольных, поэта Байоси едва ли не с костра сняли.

На следующий день Марина вышла на террасу и с неудовольствием обнаружила там нахального актера. Он развалился небрежно в шезлонге и перелистывал какой-то альбом.

— Присаживайся, сестренка, в ногах правды нет, — бодро заявил актер.

Вот же какие дела на свете божьем бывают. Живешь себе, в хрен не дуешь, и вдруг тебя раз — и в дамки. Нет, поначалу я думал, что в блудняк угодил. Что сварили для меня мусора червивый компот. Но потом пригляделся, принюхался, хрен к носу прикинул и вижу — мать честная, да это же натурально рай на земле. Ни тебе нар, ни колючки, ни запретки, ни поверок, ни шмонов. Хавка такая, что самым козырным фармазонам, которые из кабаков не вылезают, даже не снилась. А главное — мусоров нету, ни одной гниды в погонах. Вот же счастье-то уркагану привалило за все его мучения горькие да страдания тяжкие от гребаной советской власти.

Хата у меня барская. Вместо шконки — натуральная кровать, простынь белая, чистая, муха не сидела. Вместо параша — унитаз. Ни решетки на окнах, ни глазка на дверях. Хавку не шныри носят, а сама собой появляется. Только подумаешь про нее, оглянешься, а вот она уже, сама чуть не в рот лезет. Благодать, да и только.

В общем, огляделся я мало-мало, оклемался, да и потопал с новыми корешами знакомиться. Вот тут-то запутка и вышла, тут-то я и заскучал. К кому ни подкатишь — вместо «здрасьте» рыло воротят, будто не козырный жулик закентоваться желает, а какой-нибудь чушкарь задроченный.

А чернявый один — тот меня натурально из себя вывел. Подваливаю к нему, вежливо так здороваюсь, называюсь, как людям положено: мол, Музыкант, статьи сто пятьдесят восьмая да сто пятьдесят девятая, пять лет без права переписки и пять по рогам. А он, гнида позорная, заместо того, чтобы назваться да статьи обсказать, глядит на меня как на фраера и, знай, трендит что-то, и слова вроде знакомые, а не понять ни хрена.

— Ты что же, баклан, — говорю, — мне метешь? У тебя что, котелок подтекает?

Тут он возьми да и повернись ко мне спинякой, будто к опущенному, с которым и базарить запаadlo. И потопал себе. Как я ему в портрет не накатил, как удержался — сам не знаю.

Короче, повертелся я еще чутка, расклады поприкидывал, да и выкупил. Косяка мусора упорили. Зона-то не для блатных, а для политических, а меня сюда по запарке сунули, не иначе. А раз так, то нечего совком щелкать, пользоваться надо, пока они не прочухались.

И только я намылился у одного штымпа котлы с руки свинтить, козырные котлы такие, на барахолке любой барыга за них три червонца, как с куста, отдаст, как гляжу — плывет ко мне шикарная маруха. Я едва не охренел, нет, ну полностью в моем вкусе, гадом буду. Портрет морды — хоть иконы пиши, а фигурка — так вообще хоть застрелись, хоть зарежись.

— Здророво, — говорю, — сестренка. Мазу держу, что ты здесь козырная бикса.

Тут-то она меня и огорошила. Ты, мол, говорит, подвязывай себя за блатного мазурика выдавать и ваньку не валяй, видали мы, дескать, таких актеров. Сказала, кормой вильнула и пошла себе, а я стою дурак дураком, будто последний фраер.

Ночью долго уснуть не мог, все о той шмаре думал. И чем больше думал, тем больше в заморочках путался. По всему видать, она меня за клоуна приняла, а не за серьезного человека при делах и авторитете. И так меня за живое это взяло, так проняло, что решил я завтра же к этой марухе подкатиться и что к чему разобраться. С тем и заснул.

Наутро шнифты продрал, из хаты вылез, смотрю — кресло стоит, будто в Сочи на пляжу. Уселся я, как король на имениях, и только о той шмаре подумал, как гляжу — пылит она ко мне личной персоной.

— Присаживайся, — говорю, — сестренка, в ногах правды нет. Я — Музыкант.

— Надо же, я думала — актер. А имя у вас есть, музыкант?

— Есть, Виталей зовут, только по имени редко кто кличет.

— Очень приятно, Виталий. А меня — Мариной.

— Козырное имечко.

— Послушайте, Виталий, — эта Марина мне говорит. — Не знаю, из какого вы мира, но не могли бы вы выразиться на приличном языке? Без жаргонизмов.

Вот тут-то я и вовсе охренел. Выразиться по-благородному я, конечно, могу — дурное дело нехитрое. Только что значит «из какого мира»...

— Я из Москвы, — говорю, — Марина. Коренной москвич, правда, сейчас без права проживания.

— Москва — это в какой стране?

— Что значит, в какой? Москва одна, столица Советского Союза.

— Какого союза?

Мать моя женщина, я едва со стула не гребанул. Какого, мля, союза, можно подумать, их много. В общем, тут такое началось, такую туфту она прогнала, что у меня едва крышу не снесло.

— Что ж, — говорю, — и коммунистической партии у вас нет?

— Нету.

— И великого вождя и учителя товарища Сталина, чтоб он сдох, нет?

Нету, говорит, никакого Сталина. Вместо него — Великий князь Рафаил, тоже та еще сволочь. Ни трудодней нет, ни колхозов, ни партии, ни строительства коммунизма.

— Может, у вас и преступности тоже нет? — спрашиваю. — И законов нет?

— Есть преступность, — Марина отвечает, а сама какая-то кислая вся. — И законы, к сожалению, тоже есть.

— Ну, слава богу, — говорю, — хоть что-то у вас есть. Законы наши, правда, в гробу я видал. У честного уркагана три закона, по которым он живет. Не верь, не бойся, не проси — вот и вся библия.

*Его превосходительству Клименцу,
верховному принципалу межземельной Ассамблеи охраны таланта,
от принципала реабилитационного центра «Вдохновение» Пелеца.*

Докладная записка

Ваше превосходительство! Настоящим сообщаю, что доставленный вчера индивид, называющий себя Музыкантом, носителем таланта не является. Согласно поступившей информации, за носителя таланта выдает себя некто Го-

ликов Виталий Юрьевич, уголовник-рецидивист, осужденный к пяти годам лишения свободы за кражи, разбой и мошенничество. Прошу санкций на изъятие Голикова и доставку его по прежнему месту нахождения на Земле-12.

*Принципалу реабилитационного центра «Вдохновение» Пелецу,
от верховного принципала Ассамблеи Клименца:*

Распоряжение

В санкциях отказываю. Фонды Ассамблеи предназначены исключительно для охраны таланта, расходовать их на профилактику криминальных преступлений считаю нецелесообразным. Приказываю взять Голикова под наблюдение и контроль по разряду Д-прим. В случае проявления опасности для окружающих — уничтожить.

Марина вздрогнула. Не верь, не бойся, не проси... Откуда он знает?

Откуда?! Перед глазами сами собой поплыли — отчего-то со стороны, как на экране синематографа, — картины былого. Вот она мечется по комнате — дома, на Оритане — грызет карандаш, а потом садится к столу и пишет, пишет, пишет... Вот она показывает стопку листов Яцеку, а тот восхищенно округляет глаза и немного погодя просит: «Дай почитать»... А вот за ней приходят...

Великий Князь Рафаил, правитель Оритана, полагал, что под контролем нужно держать все, все абсолютно. В том числе и искусство — чтобы ни словом, ни аккордом, ни мазком не выражали даже намек на недовольство. Тех же, кто пытался «чересчур самовыражнуться», гноили в тюрьмах — уже двадцать лет, что у власти был Рафаил. Оставалось либо не творить ничего, выходящего за рамки дозволенного, либо скрываться — писать в стол, рисовать в альбом и показывать то, что получалось, только самым близким, тем, кто не настроит донос в исполнительный отдел при Министерстве цензуры.

Марина работала журналисткой — писала статьи для правительственной газеты, бравурные отчеты о достижениях строителей великой цивилизации. А по ночам тоже писала — роман. Правдивый, без ретуши, но совершенно безумный — о мечте. «Не верь, не бойся, не проси» — так Марина решила его назвать. Она строчила, перечеркивала и правила, и стопка заполненных убористым почерком листов росла.

А потом Марина проговорилась. Вернее, поделилась замыслом романа с женихом. С кем еще делиться, как не с самым близким? Яцек пришел в восторг. Замысел он назвал гениальным, героя — молодого бунтаря — идеальным, а потом попросил рукопись — почитать. И, конечно же, Марина не отказала жениху. Она вручила ему упакованную в плотный конверт стопку бумаги и шепнула для проформы: «Только никому!». Следующей ночью за ней пришли — Министерство цензуры, исполнительный отдел.

Маринины раздумья прервал Виталий.

— Что суксилась, сестренка? Или сказанул не то?

— Нет-нет, Виталий, вы ничего лишнего не сказали, просто я... просто книгу одну вспомнила.

— И чего?

— А ничего. Я ее дописать не могу. И не смогу, наверное.

Месячишко просквозил, за ним другой. Пообвыкся я в этой хате, туда-сюда прошнырял, входы-выходы разнюхал, с людьми побалакал, авторитету поднакопил. А что: бывалый человек, у которого котелок варит, где хошь в уважухе, хоть на зоне, хоть на курорте.

К одному тут подваливаю, к задохлику, который ходит, будто гвоздя проглотил да себе под нос всякую хрень бубнит. Ну, как положено, спрашиваю: кто такой, есть ли заморочки или, может быть, непонятки.

— Понимаете, Виталий, — он говорит, — строфа не складывается. Сколько уже с ней бьюсь, и все без толку. Вот послушайте: «Позор тиранам, палачам! Позор кровавой диктатуре!» А дальше никак. Может, подскажите?

Что ж не подсказать, раз человек просит.

— Так не чесать пустой кочан, а когти надо рвать, в натуре, — говорю. — Чего, по нормальку вышло?

Обрадовался он, будто дачку с воли прислали, и давай мельтешить, весь на спасибы изошел.

В общем, вроде и по понятиям все, и жить бы можно, да такая штуковина со мной случилась, даже сказать запахло. Короче, втюрился я как последний фраер, такие дела. По самые рога втюрился, хоть, мля, стишки строчи про любовь. Ночами спать перестал, с лица взблел и даже похудел, скоро сам на задрота похож буду, на замудчивого. А чего делать — не знаю. Была бы то маруха с Сухаревки или там Марьиной рощи, подкатил бы вежливо так да и спросил: «Как, мол, мадамочка, насчет пупками потереться?»

Только у Марины такое не спросишь. Вот же непраха — угораздило, так угораздило. Не просто приличная дамочка, а писательница, да такая, куда там лагерным трепачам-романистам. А от названия того романа, что она сочиняет, у меня мураши по коже. «Не верь, не бойся, не проси», — мои слова, я по этим трем заповедям, считай, жизнь прожил. На нож за них лез и на толковище мазу держал. Не верь никому, урка, кроме блатного друга, — любой ни за понюх табаку продаст. Не бойся, лучше сдохнуть, чем прогнуться, с покойника спросу нету, а с бздиловатого — тройной. И не проси, не унижайся, перед властью не лебези, то, что твое, бери сам.

Короче, прокантовался я, как дерьмо в параше, неделю, за ней другую. А как третья пошла — все, чувствую, нет сил больше, кончились. Спалился духовой жиган Музыкант, вяжите меня тепленького. Прикинул я хрен к носу, да и решил — надо идти сдаваться. Скажу ей, как есть, как на духу, а дальше будь, что будет.

Марина затревожилась с новой силой после того, как рассказала о романе Виталию. Он не говорил «идеально» и «гениально», а просто пришел в восторг — как мальчишка. Марина видела, как загорелись глаза Музыканта, когда тот услышал название романа.

— Ну, ты и закрутила! Козырный ход! — восхитился он, ознакомившись с фабулой. И затем спросил: — Мне считаешь?

— Вслух? — удивилась Марина.

— Ну, а как еще?

Марина согласилась, не раздумывая, — этот странный Музыкант из Москвы вызывал у нее безотчетное доверие. По вечерам они устраивались на диванчике в угловой гостиной — туда почти никто не заходил, а вот Марина любила кофейно-бежевый уют этой маленькой комнаты — и читали. Виталий жадно слушал, а когда Марина заканчивала главу, комментировал, переспрашивал, хвалил. Они разговаривали о Москве, Оритане да и просто обо всем. Чем лучше Марина узнавала Виталия, тем больше удивлялась — до чего он похож на главного героя ее романа. Как будто тот с Музыканта был списан!

Так прошли две недели, а потом рукопись закончилась.

— Вот и все, — сказала Марина, закрыв последнюю — недописанную — страницу.

— Как — все? На самом же охренительном месте оборвалось...

— Так. Все... Не дописала и не допишу уже.

— Почему?

— Здесь не могу, здесь никто ничего не дописывает. Слишком тихо в этом пансионе.

— А если не здесь?

— А где же, Виталий? Отсюда я могу только вернуться на Оритан.

С того вечера Марина потеряла покой окончательно. Ей казалось, что она должна — нет, обязана! — дописать роман. Почему, зачем? Этого Марина не могла толком объяснить даже самой себе.

Теперь ночи напролет она то металась по комнате, натываясь на мебель, то сидела над чистым листом — пыталась уловить нужное слово, за которым начнет разматываться клубок остальных, невысказанных.

Бесполезно. Ни слова. «Голяк», — сказал бы Виталий.

В конце концов, Марина решила. Она высидела час в приемной, разглаживая пальцем ворсинки серого плюша на подлокотнике кресла, и была допущена в начальственный кабинет.

Принципал Пелец блеснул выпуклыми серыми глазами и лысиной. Он скептически глянул на Марину, поджав губы.

— С каким архиважным вопросом вы пришли, госпожа Валевская?

— Я... Я хочу вернуться, — поспешно выдохнула Марина.

— Куда вернуться? — уже более заинтересованно спросил Пелец.

— На Оритан.

— Куда?!

— Домой. На Оритан, — все было сказано, и не о чем стало волноваться, поэтому Марина отвечала спокойно — как выученный урок.

Зато принципал вскинулся. Объяснял, увещевал, ругался, махал руками и даже опрокинул стакан с водой. Лужа в считанные секунды исчезла со стола, будто ее и не было.

— Так вы окончательно решили, госпожа Валевская? — устало спросил Пелец.

— Окончательно.

— Что ж, тогда завтра отправим вас. На Оритан, это же надо...

Марина аккуратно прикрыла за собой дверь кабинета. Теперь — прощаться с Виталием. На ловца и зверь — Музыкант встретился ей у двери в угловую гостиную, нарядный и взволнованный.

В общем, вырядился я, как на концерт с тромбонами. Клифт приталенный, в рюмочку, нацепил. Шкары шикарные, расклешенные, натянул. Костыли в штилеты лакированные сунул, не то что в какие-нибудь там говнодавы. Даже удавку повязать намылился, только не вышло ни хрена, ну, да старуха-пани подсобила.

— Ой, — пищит, — Виталик, голубчик, вы выглядите как настоящий жених.

— Как черт с рогами я выгляжу, — говорю. — Пожелай мне, мамаша Зборовская, удачи, очень она мне сегодня понадобится.

Сплюнул я на фарт три раза, да и потопал к своей ненаглядной. И только совок раскрыл, чтобы обсказать все как есть, а тут мне она и говорит:

— Давайте попрощаемся, Виталий. Я рада, что знакома с вами, вы хороший человек, настоящий. Мы с вами видимся последний день, завтра я возвращаюсь обратно.

Я как услышал, так и сел на жопу.

— Ты что, — говорю, — Мариночка, с катушек свинтила, что ли? Куда возвращаешься — к Рафаилу? К этому козлу, который гнидосней товарища Сталина, к бесу этому позорному?

— Да, — отвечает, — туда. В свой мир, в Оритан. В то же место и ту же временную точку, из которых меня вытащили сотрудники Ассамблеи. Завтра они за мной сюда приедут. Или прилетят, не знаю, как они перемещаются между мирами.

Грохнулся я как был на колени.

— Христом богом прошу, — сказал. — Не улетай никуда. Они же тебя там уроют.

Ничего она не ответила, повернулась и пошла себе.

— Не делай этого! — заорал я ей в спину. — Прощу, не делай! Богом, всем святым прошу, не дела-а-ай!

Так хреново мне стало, так поганно, что хоть пойди и зарежься. Только резаться я не стал. Посидел, мозгой пошурупил, и что мне теперь делать, к ночи уже знал.

Следующим утром Марина стояла в холле, пока к ней не подошли два сотрудника Ассамблеи.

— Следуйте за нами, госпожа Валевская.

Утро выдалось хмурым — дождь моросил, не переставая, поблекли фиолетовые и синие краски. На площадке, куда приземлялись диковинные машины, Марине показалось, что за спинами сотрудников Ассамблеи мелькнула тень.

— Пройдите в модуль, госпожа Валевская.

Модуль — это та самая машина, поняла Марина. Она поднялась по ступенькам и шагнула в проем. Ей указали на сиденье, пристегнули ремнем и вежливо предупредили: «Чтобы не трясло». Марина закрыла глаза. Не думалось ни о чем, не тревожилось. Вскоре модуль завибрировал — равномерно и успокаивающе. Марина не заметила, как уснула.

— Просыпайтесь, госпожа Валевская, — тронули ее за плечо. — Пора.

Пора, так пора. Ремень отстегнули, и Марина встала на ноги. Неслышно убралась перегородка. Марина зажмурилась на несколько секунд, а потом открыла глаза, выдохнула и шагнула к выходу. И в этот момент за спиной у нее раздался крик.

Дубаки из Ассамблеи как меня увидели, охренели оба. И я их понимаю — охренеешь, когда у тебя из-за спиняки вылезает такой черт. У которого два побега за горбом и дюжина мусорских погонь. В общем, церемоний я разводить не стал, извинился да накатил одному по жбану, а второму в пятак. Волыны прибрал и покинул место преступления, то есть железную хрень, смахивающую на квадратную жопу. И только оттуда выбрался, смотрю, еще два дубака, только другие. Форма такая, которую я отродясь не видал, а вместо погоньев какие-то серые нитки, как у старой шлюхи прическа.

Гнать не стану — я на что человек спокойный и рассудительный, враз занервничал. Потому что дубаки эти, пупки позорные, на мою Марину кандалы надевали. А дальше все само собой вышло, они и дернуться не успели, завалил я обоих, взял грех на душу.

— Ну, — говорю, — где эта сволочь Яцек? Мне семь бед — один ответ. Я его, гада, из-под земли вырою.

*Его превосходительству Клименцу,
верховному принципалу межземельной Ассамблеи охраны таланта,
от полевого агента Вельца, резидента Ассамблеи на Земле-4.*

Докладная записка

Ваше превосходительство! Настоящим сообщая, что аборигену с Земли-12, известному, как Музыкант, удалось избавиться от контроля и проникнуть на транспортный модуль Ассамблеи. На борту Музыкант обезоружил сотрудников, после чего высадился на Землю-4, на местном наречии Оритан, где совершил двойное убийство и тем воспрепятствовал аресту Марины Валевской, носителя таланта высшей категории. В настоящий момент Музыкант, согласно его собственному заявлению, собирается физически уничтожить жениха Марины Валевской Яна Смоляка. Во избежание связанных с пребыванием Музыканта на Земле-4 временных коллизий и парадоксов, прошу разрешения на инициацию экстренной операции по его устранению.

*Полевому агенту Вельцу,
резиденту межземельной Ассамблеи охраны таланта на Земле-4,
от верховного принципала Ассамблеи Клименца.*

Распоряжение

Операцию не ратифицирую. Согласно уставу Ассамблеи и принципам охраны таланта, приказываю оказать аборигену с Земли-12, известному как Музыкант, помощь и содействие по классу А-прим.

*Начальнику департамента по отбору кадров
межземельной Ассамблеи охраны таланта Ленцу
от верховного принципала Ассамблеи Клименца.*

Служебная записка

В ходе операции по спасению носителя таланта высшей категории абориген с Земли-12, известный, как Музыкант, продемонстрировал личные качества, присущие ведущим сотрудникам Ассамблеи. Настоящим предлагаю привлечь означенного Музыканта в ряды Ассамблеи на должность полевого агента на Земле-4 с присвоением оперативного псевдонима Спец. В случае согласия вменить Спецу в обязанности кураторство над носителем таланта высшей категории Мариной Валевской.

Если вы, кореша мои да подельнички, думаете, что эта история о том, как я ссучился и снюхался с легавыми, вы жестоко ошибаетесь и очень не правы.

Хотя мусором, по большому счету, я стал, но погоны носить один хрен отказался, потому что запахло. Бугор поерепенился малость, но потом согласился: для ценного кадра, сказал, можно сделать и исключение.

А так, если кто не понял, — то был рассказ о любви. Этой, как ее, несчастной. И еще безответной, но вот какой есть.

КОНКУРС

«Кто Вы, мистер эээ...»

О, БОЖЕ!

— О, боже, в миллионный раз обращаюсь к тебе! Жизнь моя сложна и полна терний и испытаний! О, боже! Нет больше сил бороться с каждым день возникающими проблемами и трудностями на пути жизненном! Ниспошли мне материальное благополучие и спокойствие!

Иван Сергеевич неистово молился, в данный момент он только в госпде видел свое спасение. Нет, он не был болезным или убогим, он был... ну, это состояние можно было бы назвать активной серостью.

Если на общество посмотреть через призму цветового спектра сверху, то основным цветом палитры явится естественно серый, и только тонкие края будут полахать всеми оттенками радуги. Предстанут цвета от иссиня-черного (видные политики, большие чиновники, криминальные авторитеты и милицейские начальники) до нежно-розового с голубыми переливами (видные законодатели искусства и церковные деятели). Белого цвета будет так мало, что его смело можно игнорировать и не брать в расчет, и соответственно люди, этим цветом полахющие, какого-либо значения для общей цветовой гаммы общества не имеют. А вот серость имеет. Она предстает то электоратом, то паствой, то потребителями... Колышущаяся масса, булькнув очередной раз, оборачивается налогоплательщиками. У нее еще много ипостасей. Это пассивная серость, самодостаточная и самодовольная. Варящаяся сама в себе и булькающая маленькими и зловонными пузырьками, она имеет общий для всех предел мечтаний, общую шкалу ценностей, общие «хорошо» и «плохо».

Иван Сергеевич был не совсем таким. Он желал и мечтал. Вот только для реализации своих желаний и многочисленных «мечт» предпринимать решительно ничего не хотел. Точнее хотел гипотетически, но не мог, потому что постоянно придумывал себе причины, не позволяющие именно сейчас сделать в этом направлении хоть что-либо. Сначала была учеба. Но учиться он пошел не в экономический, финансовый или юридический ВУЗ, сулящий хороший доход «может быть» и «если повезет» в далекой перспективе, однако в ближайшей обещающий бессонные ночи, кипы документов и шестнадцатичасовой рабочий день, а в ПТУ на автокрановщика, что позволяло иметь приличные деньги уже завтра и получить водительские права «на халяву».

Потом была работа. И не одна. По профилю и не по таковому. Вот только ни одна из них не приносила тех возможностей и связей, которые позволили бы воплотить в жизнь все многочисленные желания. На давнишнее предложение своего школьного приятеля открыть торговую фирму, когда забрезжила такая возможность, Иван с негодованием ответил отказом. И не столько потому, что торговать не умел и не хотел, как он объяснил своему тогда еще товарищу, а потому что маячил некоторый риск потерять скопленные деньги. На это Иван Сергеевич пойти решительно не мог. Приятель его и, правда, несколько раз пускался по миру, и столько же раз воскресал, а своих подматрасных денег Иван все равно лишился с очередным финансовым кризисом. И в этом увидел жуткую житейскую несправедливость. Тем более что, когда он спустя несколько лет обратился к товарищу с просьбой о финансовой помощи, тот с особым цинизмом денег не дал, а предложил либо трудоустроить его водителем, либо помочь поучаствовать в каком-то очередном начинаемом проекте. После столь наглого и вызывающего отказа, когда волна возмущения отхлынула, дружба кончилась.

Дальнейшее движение Ивана к реализации его целей и задач в жизни было намертво застопорено стремительным браком. Он себе по сей день не мог простить глупости с женитьбой, так как памперсы оказались очень дороги, ребенок жутко прожорливым, а жена, стерва такая, родив ребенка, очень быстро вошла штопором в очередную беременность и на работу выходить отказалась напрочь. Спас его развод, оставив в последующем бюджете маленькую крошечную ранку в виде алиментов.

Но тем не менее, здоровьем он был не обделен, творческих амбиций не имел и, дожив почти до сорока лет, активно возмущался только одним — вопиющей имущественной несправедливостью. Почему одним все, а другим ничего? Аргументы про риск, ответственность и социальную значимость в его мозгу не приживались и конфликтовали с его пониманием мироустройства. А последние несколько лет Иван Сергеевич самозабвенно ударился в религию, рассчитывая хоть там получить помощь в борьбе с жизненными неурядицами и атакуя всевышнего своим нытьем, облаченным в форму молитв.

Ранее небесная канцелярия его обращения игнорировала, зароня сомнения в правильности избранной религии, но в этот раз до него снизошли, причем сделали это со звуком, присущим электрическому разряду.

— Чего надо? — раздался недовольный голос. По его тону можно было подумать, что говорившего оторвали от очень важных дел.

— Это ты, Господи? — Иван Сергеевич был ошарашен непосредственным ответом. Он ожидал каких-то знаков, неожиданно свалившейся удачи или наследства, но прямое обращение...

— Еще чего! Он лично такими глупостями не занимается.

— А вы кто?

— Кто надо в пальто! — съязвил голос. — Раз ты меня слышишь, то полномочия соответствующие я имею. Чего надо?

Иван на секунду задумался. На чью-то шутку это было не похоже, да и по большому счету так шутить было некому — друзей он не имел по причине дороговизны последних, а в скрытую камеру не особо-то верилось из-за сомнительности самой возможности юмора в такой ситуации.

— А вы не дьявол? — на всякий случай он решил уточнить подведомственность голоса, отреагировавшего на его обращение.

— Ты дурак? — без тени насмешки ответили ему. — Какая разница? Мы одна структура. Свет не бывает без тени, а существование белого возможно только при существовании черного. Это разные грани одного и того же. Так что надо-то?

Удовлетворившись ответом, тем более, что ему, по большому счету, было все равно, кто до него снизошел, лишь бы всемогущий, Иван Сергеевич затянул привычную волынку:

— Нет в жизни у меня гармонии и благоденствия, жизнь веду честную и праведную, ближнего своего возлюбил, не убил, не украл, не прелюбодействовал....

— Так, стоп, стоп, стоп! — в голосе стало сквозить нетерпение. — По существу, пожалуйста. Что надо?

— Жить хочу, как люди, — выдохнул Иван Сергеевич, офигев от собственной наглости.

— Дааа? — протянул голос с интересом. — Это какие, например?

В голове у богопокорного просителя сидел некий обобщенный собирательный образ абстрактного успешного человека и решительно не позволял связать себя ни с одной конкретной личностью. По этой причине он замялся с ответом, издав некий нечленораздельный звук.

— Любезный, — на этот раз голос был категоричным, — вы либо шустро определяетесь с вашими желаниями, либо я вас в конец очереди отодвину. И приоритет изменю с и так не высокого, на вообще самый низкий — во веки веков не достучитесь. Забегая вперед, скажу: смена религии не поможет. У нас, независимо от дилера и филиала обращения, все клиенты идентифицируются персонифицировано.

— Джип, квартиру в столице, дом на море и денег — так, чтобы не кончились, — Иван Сергеевич залпом, на одном дыхании, выпалил все свои желания и зажмурился, ожидая грома и молнии.

Зажмурившись, он просидел достаточно долго, но ни грома, ни молнии, ни голоса не последовало.

— Вы еще здесь? — наконец, не выдержал и спросил Иван Сергеевич.

— Я вот думаю, ты правда дурак? — чувствовалось, что голос был искренне озадачен. — Ты на самом деле считаешь, что можешь все названное получить, не ударив палец о палец?

— Я же честно работаю! Каждый день с девяти до семнадцати! Не украл, не прелюбодействовал, не уб...

— Так, опять стоп! — громыхнул голос. — Я о другом сейчас, — и выждав еще небольшую паузу, сказал: — погоди секундочку, мне тут проконсультироваться надо.

В воздухе что-то электрически треснуло, и ощущение чьего-то присутствия исчезло. Буквально через несколько секунд ситуация с тем же звуком отмоталась в обратную сторону.

— А, впрочем, если ты и, правда, этого не понимаешь, то объяснять тебе явно бессмысленно. Вот что: ты, пожалуй, все это получишь, — интонация голоса изменилась в положительную сторону, но, что напрягало, в нем появились авантурные нотки, которые Иван Сергеевич за прожитую жизнь научился распознавать безошибочно.

— Мы тут с парнями на счет тебя поспорили, — говоривший захихикал как-то совсем по-человечески.

— С какими парнями?

— Не твое дело, — посерьезнел голос. — Иди! И да воздастся тебе за труды твои тяжкие и за веру беззаветную!

В воздухе опять раздался электрический треск, и Иван Сергеевич явно остался один. Больше ничего не произошло. Он еще постоял на коленях, только сейчас осознав, что в таком положении провел достаточно длительное время. Ноги и поясница затекли, отреагировав таким образом на непривычную позу. Поднявшись, с хрустом и скрипом в суставах он размялся, сходил на кухню, попил чаю. Проходя мимо ванной, почистил зубы и как-то обыденно лег спать. И, к собственному удивлению, быстро заснул. Спал без сновидений, а утром, проснувшись, столкнулся с ожидаемым и интересным.

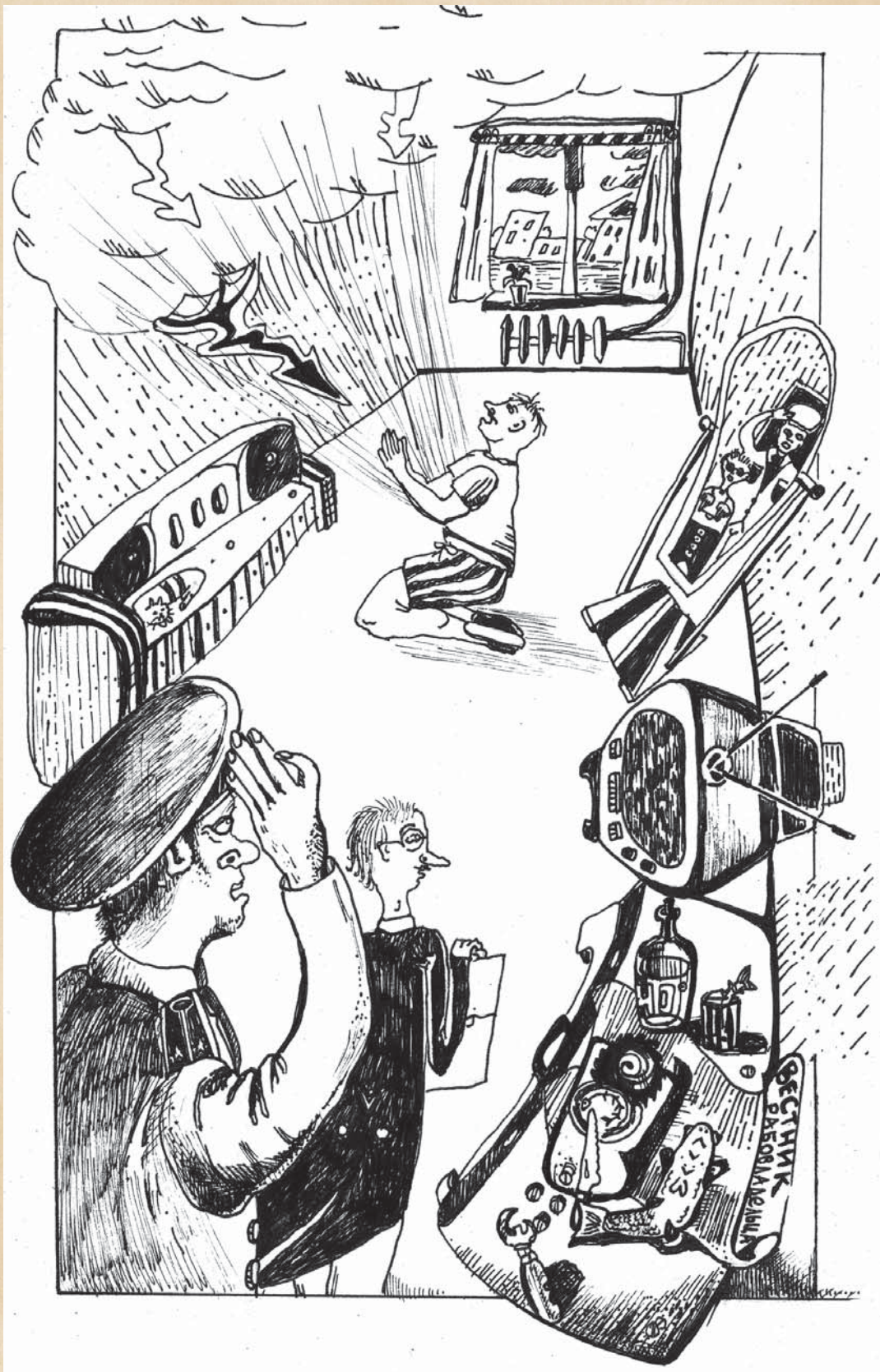
Когда он еще ходил по квартире в синеньких ситцевых трусах в зеленый горошек, ему позвонили. Хорошо поставленный женский голос в трубке радостно сообщил, что наконец-то пришла заказанная и оплаченная им машина. По ее словам, авто подготовили, доукомплектовали, согласно его недешевому заказу, и Ивану Сергеевичу следует приехать в автосалон и его забрать. Следующим был звонок из банка. Звонил лично управляющий. Он очень хотел познакомиться с таким клиентом и настоятельно рекомендовал открыть для приема столь крупной суммы в валюте еще и валютный счет, чтобы избежать потерь на конвертации.

Пруха с недвижимостью выждала определенную полагающуюся паузу и проявилась не телефонным звонком, а звонком в дверь. В глазок было видно милиционера. Несмотря на то, что Иван Сергеевич панически избегал совершения каких бы то ни было противоправных деяний и даже на всякий случай пустынную ночную улицу на красный цвет светофора не переходил, милиционеров он боялся. Поэтому визит прямоходящего в серой мышинной форме, чуть не прибавил ему седых волос и вызвал слабость в коленках, а также характерную дрожь пальцев рук. Первая мысль была: дверь не открывать и спрятаться под кроватью, но представленные возможные последствия чуть не отравили его в обморок, и Иван, решив судьбу не искушать, щелкнул замком и потянул ручку на себя. Рядом с милиционером стоял ничем не примечательный щуплый человек — отведя взгляд от такого, сразу забываешь о его существовании.

— Здравствуйте. Иван Сергеевич? — спросил представитель власти.

Тот молча кивнул.

— Я ваш участковый, — продолжил тот. — Вот человек из нотариальной конторы, дальше вы уж сами. Он с завистью и как-то осуждающе посмотрел на Ивана, чем прибавил ему дрожжи в коленках, развернулся и молча удалился, оставив его один на один со щуплым.



— Здравствуйте Иван Сергеевич, — начал тот, — мы занимаемся наследством Клавдии Матвеевны Масловой, временно усопшей и не оставившей завещания. Вы являетесь наследником по закону третьей очереди, то есть ее двоюродным внуком. Наследников первой и второй очереди в живых в данный момент нами не выявлено. Поздравляю. Вы в наследство вступать будете? Квартира в центре столицы и домик у средиземного моря вне пределов нашей родины.

Несмотря на то, что о существовании таких родственников он ранее не слышал, Иван закивал.

— Хорошо, — удовлетворено произнес щуплый. — Покажите, куда пройти, — надо подписать некоторые документы. И жду вас завтра вот по этому адресу, — он протянул визитку. — Закончим процедуру вступления в наследство.

Вся следующая неделя у избранника судьбы прошла в приятных хлопотах: автосалон, ГАИ, банк, страховая компания, ЗАГС, нотариальная контора и множество иных организаций, как приятных для посещения, так и вымораживающих одной мыслью о необходимости визита туда...

Когда, казалось, все необходимые действия уже были совершены и впереди ждало безоблачное будущее, начались проблемы. Первым о надвигающейся черной полосе сообщил автомобиль — красивое, блестящее хромом, дорогое и жутко ненадежное изделие иностранных автопроизводителей на модной и бестолковой пневмоподвеске. Несмотря на новизну и нулевую степень ушатанности, машина в какой-то момент присела, опустив подвеску в крайнее нижнее положение, позволила довести себя до обочины и заглохла, выкинув на панель управления россыпь красно-желтых лампочек. Попытки решить проблему, эвакуатор, переговоры с дилерским сервисом, приемка — все это слилось в одно сплошное нелогическое действие. В сервисе приемщик ему приватно и популярно объяснил, что эти статусные автомобили как правило не берутся единственной машиной в семью. В силу собственной «ломучести» и необходимости проводить в ремонте от десяти до пятидесяти процентов отпущенного им производителем и так недолгого срока пользования, они должны дублироваться еще одним транспортным средством. Попроще и подешевле, и как следствие — надежнее.

— А вы возьмите их два, — посоветовал напоследок сотрудник предприятия-дилера. — Пока один в сервисе стоит, на втором будете ездить. Или даже три, чтобы гарантированно без колес не остаться. А что, некоторые наши клиенты, кому статус и понты важны, именно так и делают. А некоторые еще и свой собственный эвакуатор покупают.

Следующим был банк. Тот же управляющий позвонил и извиняющимся голосом сообщил, что его денежные средства временно заблокированы, а ему следует привезти в банк правоустанавливающие документы, обосновывающие источник происхождения денег. Причем весь пакет бумаг должен быть именно в подлинниках. А учитывая неприлично большую сумму, сделать это надо как можно быстрее. Далее, если банк сочтет это поступление легитимным, то счет будет разблокирован. Если нет... — здесь управляющий терялся. Но в чем он был однозначен, так это в том, что денег своих Иван Сергеевич не увидит.

Третьей в очереди была столичная квартирка. Какие-то люди взломали дверь, заменили замки на свои и поселились там, размахивая документами явно сомнительного содержания и утверждая, что с безвременной усопшей бабушкой у них был договор ренты с пожизненным содержанием. Обращение в милицию ожидаемого результата не принесло, так как там объяснили, что в гражданско-правовые отношения они вмешиваться права не имеют и в таких спорных случаях следует обращаться в суд. Правда, с глазу на глаз посоветовали обратиться за помощью к крепким парням с бейсбольными битами, потому что судиться можно годами, а эти люди готовы решить проблему стремительно. Но предупредили об осторожности: лучше всего на период проводимой операции по выселению было бы уехать куда-нибудь за пределы родины для создания алиби, выдерживающего любые проверки. Иван Сергеевич в силу своей панической боязни совершить какое-либо преступление с негодованием отверг предложение опытных людей и нанял специализирующуюся на подобных делах юридическую фирму, что заставило его практически полностью опустошить кубышку, скопленную ранее, и повспоминать, у кого еще можно было бы занять денег. Тяжба обещала быть очень долгой, о чем ему честно в этой фирме и поведали.

Окончательно его добила проблемы со средиземноморским домиком. Клавдия Матвеевна при жизни была женщиной, не обремененной соответствующими знаниями, и о необходимости платить налоги с недвижимости предпочитала не думать. Потому последние десять лет их и не платила, накопив оных на достаточно приличную сумму. В настоящий момент его прав на дом никто не оспаривал, но от него как от наследника хотели в бюджет приморского государства цифру, соизмеримую со стоимостью однокомнатной областной квартирки, в которой он в настоящий момент проживал. Оказаться на улице его не прельщало, посему проблема номер четыре стала ждать решения проблемы номер два.

Короче, спустя полтора месяца после благодетельствования его божественной или какой иной милостью — в детали он предпочитал не вдаваться, — Иван Сергеевич оказался в еще худшем положении, чем до этого. Он уже не мог нормально спать, при телефонных звонках вздрагивал, постоянно грыз ногти, что ранее за ним не водилось, а при общении с окружающими постоянно подмигивал левым глазом и озирался. И одним «прекрасным» вечером финалом его перипетий стала встреча в темном подъезде с двумя крепкими молодыми людьми в черных кожаных куртках и с лицами не отягощенными интеллектом. Они объяснили, что с такой удачи надо платить. Почему именно им, рассказывать не стали, но обозначив сумму и срок, скрылись во тьме, предварительно настоятельно порекомендовав не обращаться в милицию. Туда бы Иван и так не пошел, прекрасно понимая, что пожизненную круглосуточную охрану к нему никто не приставит, а темных закоулков и аналогичных парней — множество.

— О, боже, — неистово молился он, довольно сильно стуча головой об пол. — Снизойди до меня, грешного. Направь меня и напутствуй на путь истинный, прости мои прегрешения и дай мне решение...

В воздухе знакомо электрически треснуло.

— Опять ты, рановато что-то, — голос был недоволен более прежнего. — Судя по всему в неизвестном споре с неизвестными «парнями» он проиграл.

— О, всемогущий...

— Стоп! Давай по существу. Все, что хотел, ты получил. Что еще надо?

— Машина все время в ремонте, деньгами пользоваться не могу, в квартире какие-то люди живут, за дом еще денег хотят, сбережения кончились! — затараторил Иван, вываливая свои проблемы. — А еще бандиты-душегубы жизни моей угрожают...

— Опять стоп! — оборвал это повествование голос. — Это уже другое. Или ты считаешь, что я тебе подрядился все проблемы по жизни решать? Может, сам попробуешь?

— Как же! — возмутился проситель. — Вы мне дали все это, но вместе с этим дали проблем еще больше!

— Э, нет, — протянул голос уже иным тоном. По интонации чувствовалось, что говорящий улыбается. — Специально для тебя этих проблем никто не создавал. Они к запрошенному тобой автоматически прилагаются. Всегда. И всем.

Только тем, у кого все это есть, удастся самостоятельно их как-то рулить. Одним лучше, другим хуже. Но все решают их сами. Наша организация в эти процессы вообще не вмешивается — не наша компетенция.

Иван Сергеевич от возмущения захлебнулся слюнями, издав нечленораздельный и малопонятный звук. Наконец, отдышавшись, он выдал знакомую тираду:

— О, всемогущий! Я не украл, не прелюбодействовал, не убил, не возжелал жены ближнего своего, не лжесвидетельствовал, не...

— То есть совершил грех бездействием, — безапелляционно приговорил его голос. — Но к твоему вопросу это какое отношение имеет? Еще раз говорю — ты получил, что хотел, в полном комплекте. Разговора о частичной комплектации желаний не было. А если бы и был — то все равно, это невозможно. Даже на вашем языке есть такие понятия как бремя содержания имущества и имущественные риски. Если где-то что-то прибыло, то, соответственно, где-то что-то убыло, разве непонятно? Взрослый же человек. Имущества прибыло, спокойствия убыло. Что не так? Этот мир сбалансирован.

— Но где же справедливость? — возопил Иван.

— О как! Ты, наверное, и правда дурак. Почему ты считаешь, что это несправедливо? — голос был неумолим.

Иван Сергеевич опять от возмущения заклокотал слюнями, но пробублькать что-либо вмняемое на этот раз у него не получилось.

— Значит так, — сказал хозяин голоса, секунду подумав. — Мы это уже проходили. Если реализацию твоих запросов все время корректировать, то это будет продолжаться до бесконечности. Посему, как и положено, решай свои проблемы сам, — достал. Приоритет у тебя теперь нулевой, и в очереди ты шесть миллиардов шестьсот миллионов двести пятьдесят четвертый. Номерок можешь записать.

Электрически щелкнув, ощущение контакта пропало. Молиться и достукиваться прочими способами Иван даже не стал пытаться: насчет приоритета он понял не все, но что в какой-то очереди он в хвосте, им было уяснено, хотя сложный номер и не запомнился. То, что голос поставил крест на всех его потугах к лучшей жизни, ему тоже стало очевидно.

При этом все дарованное у него осталось. Машина стояла в сервисе с каким-то сложным ремонтом пневмоподвески, срок окончания которого сотрудники авторизованного производителем предприятия уже даже не пытались и называть. В унаследованной столичной квартире по-прежнему жили какие-то люди, к досугу которых прибавилось ежемесячное хождение в суд на постоянно откладывающиеся и переносимые судебные заседания. Деньги у Ивана Сергеевича как бы были, но тратить он их не мог, так как они висели на заблокированном счете. Со средиземноморским домиком тоже все было предсказуемо: налоговые власти этой страны с приятным приморским климатом подали иск в суд о взыскании с него как собственника суммы бюджетной задолженности, а на дом наложили арест. Надо было всего лишь приехать туда либо отправить представителя для решения вопроса, но денег на это у него уже не было.

Жил теперь Иван Сергеевич в фанерном дачном домике своих знакомых, по непонятным мотивам согласившихся его приютить. Друзьями они не были, а позвонил он им от безнадёги, когда темные личности, встретив его в подъезде в очередной раз, настоятельно потребовали денег, оставив на память о визите смачный фингал и сломанное ребро. Жизнь была без электричества, с удобствами на улице, но в ней тоже нашлись определенные плюсы: свежий воздух, пение птичек и много свободного времени для размышлений о смысле бытия, которому Иван теперь предавался достаточно часто.

Беспокойства, правда, добавил телефонный звонок, раздавшийся ближе к вечеру. Звонил человек, представившийся сотрудником МВД Департамента Экономической Безопасности. Он настойчиво, убедительно и требовательно приглашал Ивана Сергеевича назавтра к себе в кабинет и желал получить объяснения о происхождении на его счете такой суммы, а также ответы на вопросы о плательщике. Беспокойство частично вылечилось выключением телефона и аннигиляцией сим-карты посредством погружения ее в выгребную яму уличного сортира. Полное же спокойствие и умиротворение пришло с наступлением темноты: Иван свернулся калачиком на старом потертom пружинном диване, поворочался, пока окончательно не принял эмбриональную позу, совсем по-детски взял в рот большой палец и неестественно быстро заснул. Просыпаться в этой жизни ему уже не хотелось.

17.05.2010

TIME IS MONEY (ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ)

Я уже сидел за счетами, подбивая дневную выручку. День удался, и к вечеру на меня навалилась зверская усталость. Его результаты никак не сходились. Я пробовал складывать и сверху вниз, и снизу вверх и каждый раз получал разные суммы. Возникло желание все бросить и отправиться домой, где меня дожидались Лили и горячий ужин.

Мое раздражение росло, чего нельзя сказать о дневной выручке: она, как бы повинуюсь неведомому закону, падала с каждым пересчетом... Неизменным оставалось лишь мое упорство, с которым я в очередной раз набрасывался на ни в чем не повинные костяшки. От издевательства над счетами меня отвлек звякнувший дверной колокольчик, и я недовольно поднял глаза на запоздалого посетителя. Поднимать их пришлось довольно долго — рост вошедшего господина не оставлял сомнений в его спортивных пристрастиях, но оставлял выбор между чикагскими «быками» и «волшебниками» из Вашингтона. Из бывших, конечно.

Гость с долей иронии покосился на мой счетный агрегат. Обожаю шокировать клиентов, иначе давно бы приобрел компьютер, впрочем, счеты и есть самый древний из них, но об этом мало кому известно.

— Извините... — как-то сразу он стал ниже ростом.

«Интеллигент», — подумал я, рассматривая его старомодные очки в тонкой оправе, какие носили в начале века.

— Да, я к вашим услугам, — для убедительности я напялил дежурную улыбку.

— Я проходил мимо и обратил внимание на девиз вашей фирмы. Он пробудил во мне любопытство.

— Это не девиз, это ее название.

Я всегда им гордился. Удачное название — полдела. «Время — деньги!» Уже не помню, кто из древних первым изрек это. Карл Маркс, что ли? Не важно, важно то, что он был прав.

— Простите... Мне просто захотелось узнать, чем вы тут занимаетесь. Надеюсь, я вас не слишком отвлекаю?

— Нет, что вы, — не покраснел я и с тоской глянул на счеты. Уж очень хотелось узнать, что там сегодня набежало, к тому же от этого очкарика ждать прибыли не приходилось. — Мы тут ссуды ссужаем.

— То есть вы хотите сказать, что это банк?

— Ну что вы. Счастливый человек! Сразу видно, что вы никогда не брали ссуд. Конечно, если вам нужна ссуда для покупки машины или дома, вы ее скорее всего получите в банке под залог имущества. Или, если у вас в банке есть хороший счет, банк выдаст вам ссуду вашими же деньгами, да под хороший процент! А если вам надо заплатить адвокату или, не дай бог, врачу? И у вас нет роскошной яхты или иной достойной залога собственности? Тут уж никакой банк вам не поможет.

— Неужели вы даете ссуды без всякого залога?

Я еще раз грустно взглянул на счеты, сдвинул их на край стола и снял нарукавники. Интеллигент — это надолго.

— Да вы присаживайтесь, — я указал гостю на стул. — Простите, мистер...

— Хачкинс, Пол Хачкинс.

Я назвал себя и энергично пожал протянутую мне руку. Мякотелый. Тщедушный. Давно утратил спортивную форму.

— Видите ли, мистер Хачкинс, мы строим взаимоотношения с нашими клиентами на полном взаимном доверии, но, конечно, не столь наивны, чтобы выдавать деньги без залога. Но в залог мы берем то, что в достатке у большинства наших клиентов, — время.

Мистер Хачкинс превратился в тень своего недоумения.

— И... у вас много клиентов? — почему-то спросил он.

— Не жалуемся.

— Как это все происходит? Вы оформляете договор?

— Разумеется. Соблюдаем положенные формальности. Все по прейскуранту. За тысячу баксов принимаем в залог один год.

— И... деньги всегда возвращают в срок?

— Вы знаете, всегда. Все-таки целый год за какую-то жалкую тысячу... Жизнь и так коротка. Прецедентов пока не наблюдалось.

— Ну, а если вдруг кто-то не вернет деньги, вы его... — Хачкинс не решился закончить фразу, а я не стал приходить ему на помощь и выразительно посмотрел на настенные часы.

Хачкинс поднялся, поблагодарил меня за разъяснения, извинился за отнятое время и пообещал заглянуть в ближайшие дни. Конечно, я не принял его слов всерьез.

Но через несколько дней он появился вновь.

— Вы решили взять ссуду?

— Нет. Я подумал, что, может быть, вы согласитесь продать мне время.

Моя нижняя челюсть коснулась галстука, но тут же проделала обратный путь. Оксфордов я не кончал, но соображаю быстро.

— Да, конечно, у нас есть и такая услуга, — чтобы выиграть немного времени, я стал что-то безуспешно искать в нижнем ящике стола, — два с половиной миллиона за год.

Назвав сумму, я внимательно наблюдал за выражением лица Хачкинса. Он проглотил ее, не поморщившись.

— А что будет, если я заплачу вам за год, но умру через две недели?

— После того, как вы приобретаете у нас время, оно — ваше, и вы вольны распоряжаться им, как вам заблагорассудится. Если хотите умереть, это ваше право!

Хачкинс заерзал на стуле.

— Я имею в виду, если я не захочу умереть, но умру.

— Конечно, конечно, я просто пошутил. Я вам уже объяснял, что доверие клиентов для нас самое главное. Поэтому вы будете платить ежемесячно, причем начнете, заметьте, лишь по истечении месяца со дня заключения договора, то есть никаких выплат вперед. Как видите, все продумано, и никаких проблем!

— Пожалуй, вы меня убедили.

— Так берете?

— Нет. Это нужно для моей тетушки. Я хочу ей помочь.

— Понятно. Приходите вместе с ней, и мы подпишем договор.

— Видите ли... — Хачкинс замялся и, не зная куда деть руки, достал носовой платок и принялся протирать очки.

— Ей трудно передвигаться? Ничего, я могу приехать к ней домой.

— Нет, нет, она вполне в состоянии приехать сюда. Дело не в этом... Буду откровенен с вами... У меня очень стесненные обстоятельства, только поэтому... Короче, я хотел бы, чтобы вы заплатили мне десять процентов от сделки.

— Да, конечно, разумеется... Десять процентов для посредника — это вполне нормально, я даже сам собирался вам предложить. Просто это ваша тетя, и мне неудобно было вам об этом сказать. Кстати, вы ведь можете вернуть ей эти деньги, — я бросил Хачкинсу спасательный круг.

— Да, да, я так и поступлю, можете быть уверены, — обрадовался он.

Мы тепло попрощались.

На следующий день он привез тетю. Самым замечательным в Глории Хачкинс был ее рост — она смотрела на племянника сверху вниз.

— Вот, тетя, это мистер Джексон, о котором я тебе столько рассказывал.

Я усадил их и достал из недр стола пухлую картотеку.

— Мисс Хачкинс, если бы вы знали, в какой компании вам предстоит оказаться... Сколько знаменитых людей пользуются услугами нашей фирмы! — я выразительно похлопал рукой по ящичку с карточками. Я уже упоминал о своем свойстве не краснеть. — Увы, я не могу назвать их имена, конфиденциальность, сами понимаете, но поверьте на слово: три бывших министра, десятков сенаторов и конгрессменов, два чистокровных графа, президент одной южноамериканской республики, я не говорю уже о десятках актеров и поп-звезд различной величины. И так далее и тому подобное... Пол ознакомил вас с условиями договора?

— О, да. Пол, дорогой, а два с половиной миллиона — это не слишком много?

— Тетушка, вы же меня знаете, прежде, чем привезти вас сюда, я обошел весь город. Дешевле найти невозможно. К тому же мистер Джексон не просит даже аванса. Вы будете платить задним числом. Сегодня подпишете договор, а за первый месяц заплатите лишь по его прошествии.

— Это очень хорошо, мистер Джексон, очень хорошо. Вы не можете себе представить: врачи считают, что я не протяну и трех недель, а я так люблю жизнь!

— Что вы, мисс Хачкинс, вы так хорошо выглядите, — я говорил вполне искренне. Старуха и впрямь была хоть куда.

Я полез в стол и достал бланк договора.

— Вот, прочтите и распишитесь.

Старуха надела очки и быстро пробежалась по договору. Затем вытащила из сумочки паркер и поставила свою подпись. Я подписался тоже.

— Что теперь? Когда я смогу получить первый месяц?

Я с деланным удивлением посмотрел на нее.

— Но ведь в договоре сказано, что он вступает в силу в момент его подписания. Разве вы не почувствовали некий приток бодрости, улучшение настроения? Прислушайтесь к себе, мисс Хачкинс.

— О, конечно, дорогой мистер Джексон, я, можно сказать, помолодела на десять лет! — Мисс Хачкинс излучала счастье.

— Вот и отлично, надеюсь услышать о вас через месяц.

Двести тысяч с гаком! Через месяц я получу их; надеюсь, врачи ошиблись. Минус налоги. Минус двадцать тысяч этому Хачкинсу. Впрочем, он их вполне заслужил, интеллигент оказался совсем не глуп. Но, бог с ним. Наконец-то я смогу осуществить свою мечту — приобрести остров, а если тетя Глория окажется живучей, то и построить на нем что-нибудь в старинном стиле. Дам отставку Лили. Буду возить на остров каждый раз новых подруг. Я представил себе пышнопопую афроамериканку с какого-нибудь Барбадоса в минибикини, но тут позвонила Лили и положила конец моим сладким грезам.

Через месяц Хачкинс привез тетушкин чек, а я выписал чек ему.

— Как чувствует себя ваша тетушка?

— Спасибо, она в порядке и очень благодарна вам.

— Да, нам удалось посрамить этих эскулапов, предвещавших ей быстрый конец.

— Видите ли, — Хачкинс опять начал мяться, — я ведь сам врач...

Как я уже говорил, доходит до меня быстро.

— Что ж, вы не откажетесь выпить со мной за процветание нашей фирмы? — я извлек из стола две рюмки и припасенную для такого случая вишневую наливку.



Мы выпили за успехи фирмы, за здоровье мисс Глории и даже на брудершафт. Хачкинс, убедившись, что я выполняю наш уговор, предложил привести еще нескольких клиентов. Разумеется, я не возражал.

Через три недели я подписал договор с неким Робертом Б., затем с миссис Дороти М., с Эндрю Г. и так далее... Я уже переговорил со своим другом, занимающимся недвижимостью в Сиэтле, и даже выбрал остров и внес задаток. Если дела и дальше пойдут в том же духе, то через три месяца я смогу приступить к постройке замка. Чертежи я уже заказал.

Хачкинс тоже вошел во вкус.

Как-то он прислал ко мне старичка, который долго морочил мне голову, но потом, поговорив с любезно согласившейся на это Глорией Хачкинс, решил приобрести сразу пять лет, так как собирался надолго в Индию. Разумеется, я сделал ему хорошую скидку.

Он подписал договор и выписал мне чек на очень круглую сумму. Как и тетушка Глория, он поинтересовался, когда получит покупку.

— Как только я подпишу договор, он вступит в силу! — с этими словами я взял ручку и торжественно поставил свою подпись.

Что-то сильно кольнуло в сердце, я вскочил, схватившись за грудь, но тут же рухнул обратно в кресло...

ВИТОК

Седьмой день кряду он жалел, что не брал с собой музыки. Единственная песенка, заваливавшаяся в недрах бортового компьютера, бессмысленно билась в стенах корабля, разъедая повторяющимися строчками. Его маленький раненый кораблик — исследовательская мошка, слишком близко подлетевшая к гравитационной аномалии, — готов был испустить свой бедный на кислород дух. Ким сочувственно вжался в пилотское кресло и подумал о сильном дожде. Пожалуй, цокот капель по кленам возле дома был бы его лучшим гостем.

Они жили на отшибе — в окружении густого подлеска, и окна его комнаты выходили на круглоликую заброшенную обсерваторию. Когда шел дождь, грохот воды по листве и старому металлу заполнял собой весь дом. Мальчишкой он прятался на чердаке от матери и сестры, звавших к ужину, и слушал его в полной темноте. И тогда этот волшебный шум складывался в клекот кричавших вдалеке птиц, и Ким каждый раз обещал себе, что однажды непременно найдет этот мир, из которого они так отчаянно зовут его.

Но прежде находили самого Кима. Прибегала Ринка и спугивала его егозливыми шагами. В те времена он считал, что младшая сестра — самое страшное наказание для будущего космолетчика. Лет до тринадцати она бегала за ним по пятам, но потом внезапно повзрослела, и каждый раз, когда Ким пытался вспомнить ее лицо, перед глазами вставала высокая красавица с пепельной челкой и двумя малолетними сыновьями.

Он перевернулся набок и попытался заснуть. Всем, кто ринулся в Глубокий Космос в надежде найти что-то ценное, было знакомо это терпкое, вязкое одиночество. Часы и дни полета; часы и дни перед спасением или концом. Впрочем, Ким как-то раз обнаружил, что разучился бояться с первобытной силой; всё, что ему осталось от нее, — это мягкая тяжесть в теле, словно после долгого плача. И он смотрел, как сладко жмурятся в темноте разноцветные звезды, и ни о чем не мечтал. У него еще пять с половиной часов, а потом несложный выбор — лететь дальше, в надежде, что его услышат и подберут, или же сесть на одну из неудобных планет молодой солнечной системы, чье беспокойное солнце плещется на мониторах.

Одинокий желтый карлик косматился на него сквозь изображение на экране. Ким сосчитал в уме скудно розданные судьбой карты и уныло взглянул на соседний монитор. Тонкие ниточки эллипсов пяти планет-спутников были на своих местах. Лет восемь назад торопливая экспедиция пробежала здесь по своим делам, соблаговоллив собрать для Каталога немного сведений о местном житье-бытье. Теперь от достоверности этих фактов зависела жизнь Кима; Впрочем, сам Ким иллюзий не питал, предпочитая более скромный термин «продолжительность жизни». Желтый карлик на мониторе плюнул в его сторону длинным протуберанцем.

Ким пристально рассматривал альтернативы. Каталог тем временем уверял, что выбор сделать проще, чем он думает. Четыре планеты из пяти были гигантами: три кутались в пухлые, аммиачные облака, а одна и вовсе была безжизненна, как кусок пемзы. Лишь на пятой, ближней к солнцу, наблюдалось некое подобие кислородосодержащей атмосферы, что давало человеку шанс продержаться до прибытия спасателей.

Спуститься на поверхность, установить радиомаяк и кислородную минифабрику. Затем ждать. Пока до ближайшей станции добежит его сигнал и сердитые люди в оранжевых скафандрах-балахонах плотненько набьются в спасательный бот. А, может, всё будет совсем иначе.

Для посадки он выбрал высокое плато на дневной стороне — хотя планета была в перигелии и находилась от Солнца не дальше, чем Земля, температура не желала подниматься выше семнадцати градусов. Небо светилось розовым, словно на старых открытках. Просторная площадка приняла Кима целым и невредимым, хотя у корабля успели отвалиться обе правые дюзы. Переведя дыхание и проверив радиационный фон, Ким нахлобучил скафандр и полез наружу.

Вокруг плато простирались горы. Не слишком высокие, но вполне снежные. Среди камней он обнаружил хилые кустики, похожие на чертополох: только вместо цветов на шипастых ветках торчали прозрачные, как стекло, ягоды с крохотными семенами внутри. Никакой живности видно не было (возможно, она попряталась до поры, до времени). Ким попинал валун, разминая мышцы, и отправился собирать минифабрику.

Задача была простая, и уже через полчаса он снова уселся в свое кресло, чтобы проверить подачу кислорода. Всю неделю после крушения дышать приходилось «впроголодь», и теперь свежий, словно после грозы, воздух опрокинул его навзничь. Ослабевшей рукой он установил программу безопасной адаптации и закрыл глаза. Апатичная грусть плавно перетекала в блаженную обморочность, и он позволил себе соскользнуть в сон.

Ему приснилась пустошь за лесом. Глубокая синева в рытвинах, оставленных ушедшим на запад городом. В вечернем небе носятся ласточки. Он сидит на заросшем холме и считает звенья на утянутой у отца цепочке с якорьком. Отец был моряком и гордился этим, словно залежью орихалка. Чуть в стороне топчется Ринка: он видит краем глаза ее желтый сарафан. Она опять хочет играть — бегать туда-сюда, обжигаясь крапивой, пока не споткнется о кочку и не разревется, перепугав местных ласточек. У нее и так все колени в ссадинах, а достается от матери только ему. Конечно, не доглядел... Что он, нянька ей, что ли?

Сестра подходит поближе, садится рядышком на корточки, теребя длинные светлые хвосты. Ким бурчит что-то себе под нос и встает. Ринка тут же вскакивает следом, жалобно смотрит ему в лоб. Он отворачивается и идет своей дорогой. «Кимка, подожди меня!»

«Кииииим!..»

Он открыл замутненные сном глаза и уставился в прозрачный люк в потолке, сквозь который пробивалось темно-синие вечернее небо.

— Ким!

Он вздрогнул и подскочил в кресле. Сквозь оставленный включенным внешний микрофон доносилось смутно знакомое шебуршание. Затем кто-то поскребся в гладкий металл шлюзового люка, и снова раздался тоненький Ринкин голос: — Ким... Ты где?

Ким был здесь. А вот Ринки — тем более маленькой Ринки — здесь быть не могло.

Должно быть, он «обдышался». Но на помощь уже мчались тысячи историй о том, сколь многообразна бывает смерть на неразведанных планетах.

Ким беззвучно перебрался в соседнее кресло и включил камеры возле шлюза. На экранах мгновенно появилась сумеречная трава по пояс и в ней, почти уткнувшись лицом в люк, Ринка в желтом сарафане. Он видел ее макушку с торчащими хвостами и белые руки, прижатые ладонками к металлу. — Кииим...

Ким бездумно таранился на экран. Ринка топталась у входа. Трава шевелилась от легкого ветерка, натужно раскачивая сонных бабочек; быстро темнело. Потом сестренка тяжело вздохнула и запрокинула голову, глядя на небо. И Ким увидел ее лицо — обиженное, с зареванными глазами. Она хлюпнула носом прямо в микрофон и закусила губу.

Сердитые люди в скафандрах сказали бы ему, что он спятил. Но Ким вскочил на ноги и бросился к выходу, где за прочной стеной корабля его ждала чудовище-Ринка.

Она и впрямь ждала. Когда отъехала задвижка шлюза, он споткнулся о ее радостный взгляд. Она вспыхнула улыбкой, потупилась. Лес за ее спиной с любопытством вперился в Кима бледными огоньками неизвестного происхождения, и он неуверенно шагнул вперед.

— Привет, Ринка.

— Ты со мной поиграешь?

Он кивнул.

Они пошли к лесу, задевая высокие одуванчики. Ринка то и дело косилась на него зеленым глазом. Потом надумала что-то, схватила за руку и потянула следом за собой — вниз по песчаной тропинке, теряющейся в вислоухих лопухах.

Она даже не споткнулась ни разу.

У подножия заросшего лесом плато лежало небольшое озеро. Ринка весело заскакала по белому песку, пиная еловые шишки. Ким замешкался, вдыхая запах воды; на темной озерной глади отражались три маленькие луны и гирлянды ярких звезд. Одна, совсем огромная, слезилась неподвижным огоньком в самом центре. — Давай играть! — крикнула ему Ринка. Он вздрогнул, оглянулся. Белые хвосты мотались из стороны в сторону, пока она приплясывала в нетерпении.

...Позже, набегавшись, они сидели на берегу и швыряли в воду теплые камешки. И Ринка смеялась над его неуклюжестью, но ему не было обидно. И было уже всё равно, когда явятся сердитые люди в скафандрах. Здесь, у Ринкиного озера, ему оказалось спокойнее всего. Сестренка мечтательно свернулась на песке, глядя в ночное небо.

— Кииим... Ты ведь еще придешь поиграть?

— Конечно. — Он улыбнулся сам себе. — Не так уж страшно быть братом, когда тебе тридцать.

— А? — Ринка захлопала сонными ресницами.

— Тебе спать пора. Пойдем домой?

— А я дома, — прошептала задремывающая Ринка.

— Что, так и заснешь на песке? Попу отморозишь.

Она заулыбалась. Потом придвинулась поближе и прижалась теплой щекой к его руке: — Ты только не забудь поиграть со мной в следующий раз... Я буду стараться. Мне так нравится, что у меня есть ты... — Она заснула, и Ким, смущенный до глубины души, уставился на середину озера.

«Поиграй со мной в следующий раз».

Неподвижная звезда отражалась в черной воде. В озере растворились облака, унесли вглубь три крохотные луны. Звезда приблизилась, чтобы стать безжизненной, словно пемза, планетой. И Ким, стоя на ее серой земле, увидел, как в солнечном сиянии исчезает маленькая планета Ринка.

Не было нужды в радиомаяке. Не было и самого радиомаяка — ведь корабль Кима потерялся тысячи лет назад, а потом прошло время. Время Кима. Кто-то говорил, что всё меняется. Хрупкие молекулы перестраиваются в танце, забывают, заставляют забывать. Но кое-что остается. Он по-прежнему любит цокот капель и глаза Ринки, и мир, откуда зовут птицы. Поэтому однажды на его серой поверхности тоже пойдет дождь.

Две планеты, так близко увидевшие друг друга, вновь побежали к афелию. «До следующего раза».

08.12.2004 г.

НАЙДИ МЕНЯ

Мегаполис уже вторую неделю жил и работал, кое-как преодолевая несусветную для средней полосы России жару. Светлана Николаевна повернулась спиной к неласковому солнышку и, тяжело дыша раскаленным воздухом, поила из безголовой старенькой детской лейки поникшие балконные цветы. Сухая земля, радостно почавкивая и похрюкивая, жадно поглощала теплую, специально отстоянную хозяйкой воду. Закончив, наконец, обход приунывшего цветочного строя, благодетельница местной флоры бросила лейку в наполовину опустевшее синее пластиковое ведро и двинулась было к двери, но в этот момент почувствовала разгоряченной макушкой головы легкое прикосновение. Подняв голову, она увидела покачивающийся перед лицом полувыцветший скукоженный носок. Светлана Николаевна чувствовала себя неважно и в последнее время настолько была погружена в свои мысли, что о носках, сиротливо жарящихся на леске, совершенно забыла и даже не замечала их, точно кто глаза отводил. Женщина глубоко вздохнула и потянулась за тазиком, стоящим под ногастым стареньким креслом.

Домохозяйка не особо задумывалась, зачем каждое утро нажимает маленькую кнопочку на черной блестящей панели, — это делалось «на автомате». Видимо, таким образом она раскрашивала и сгущала кажущуюся сероватой и жиденькой реальность. Широкоформатное «окно в мир» с утра до вечера вынуждено было честно выполнять свои обязанности вне зависимости от того, смотрел в него кто-то или нет. Когда однажды сын задал ей вопрос о постоянно включенном телевизоре, она отшутилась, сказав «а вдруг чего интересное пропущу». В принципе она и себе отвечала так же.

На сей раз по «ящику» вещал какой-то профессор философии, почетный член Академии Форм Жизни и Проблем Энергоинформационного Обмена, а также энерготерапевт «в одном флаконе», приглашенный в качестве эксперта на передачу «Жизнь, как она есть». Спасительница носков зашла в помещение и сразу почувствовала на себе чей-то взгляд. В комнате никого не было, поэтому хозяйка инстинктивно посмотрела на экран. Наклонившись вперед, бородач тараторил на появившегося нового зрителя и самозабвенно докладывал о чем-то мистическом. Казалось, его голова вот-вот вылезет из телевизора и окажется в комнате. Эксперт фактически полностью игнорировал ведущего и лишь изредка отвечал на задаваемые им вопросы. Потому Эраст Семенович Мистюг (так значилось на справочной плашке в левом нижнем углу экрана) показался женщине человеком бестактным, и Светлана Николаевна демонстративно отвернулась, всем своим видом показывая, что собранное с балконной лески для нее куда важнее его околонуточной болтовни.

Носочная масса объединяла представителей всевозможных рас — тут можно было встретить как больших и строгих черных персонажей, так и совсем маленьких розовых с забавными цветочками и милыми кружавчатыми кантиками. С годами это разномастное сообщество росло, и всем носкам, порой настолько непохожим, было присуще одно досадное для их попечительницы свойство. Как бы далеко они не разлетались, все до одного, подобно сделанным туземным мастером бумерангам, неизменно «сваливались на голову» ей — заслуженной маме и бабушке, и оказывались в бессменном бельевом тазу.

Однако, в очередной раз дежурно возмущившись этим обстоятельством, она, вопреки обыкновению, не стала ссыпать носки в один семейный ящик, приговаривая про себя раздраженное «сами разберутся, не маленькие». Несколько мгновений постояв в нерешительности, она перевернула тазик на разложенный диван. Потом извлекла из ящика сноп непарных «ноговых чехольчиков» (как, несмотря на замечания строгого папы, упорно и с улыбкой говорила внучка Настенька), перевязанный их столь же одиноким собратом. Освобожденные от пут сыны мировой легкой промышленности радостно влились в пестрый коллектив.

Профессор продолжал методично «лечить» аудиторию, выдавая на-гора откровение за откровением. Его манера говорить несколько раздражала: время от времени резюмируя вышесказанное, он неожиданно выкрикивал отдельные фразы, а потом вновь переходил к своему напористому бубнежу. Светлана Николаевна оценила тактику бородача и сделала вывод, что задремать слушателю он не оставляет никаких шансов.

— Мы, люди, чрезвычайно ограниченные создания, — со снисхождением в голосе констатировал философ, развивая заданную ведущим тему адекватности восприятия современным человеком окружающего мира. — Для примера рассмотрим багаж знаний среднестатистического индивида о живой и неживой природе. «Что тут смотреть?! — уже слышу я реплики многих телезрителей, — животные живые, растения тоже, а в каменной пепельнице, которая у тебя на столе стоит, жизни нет»...

— Но так ли это?! — вновь подавшись вперед, вскрикнул с видом неподкупного разрушителя стереотипов профессор и замер в многозначительной паузе. После чего, видимо решив оттянуть наступление момента истины, он окупился в историю вопроса.

Светлана Николаевна знала, как мучает сына Петю, невестку Люду и внучку Настеньку проблема «носочной несочности». Она не раз наблюдала за судорожными поисками Петей нужной пары, порой, увы, заканчивавшимися облачением ног в «двойняшек», но не «близнецов». Да и молодая мамаша, опаздывая на работу, однажды потеряла терпение и едва не отправила Настю в детский сад с одной розовой, а другой оранжевой ногой. И вот теперь распорядительница имущества преисполнилась решимости положить всему этому безобразию конец.

Хозяйка присела на край кровати и принялась, точно пасьянс, раскладывать носки на зеленом велюровом покрывале. Когда около трети поверхности заполнилось, у одного из носков — темно-синего, с надписью »SPORT» — на-

шелся парный. Потом — еще у одного — голубенького в цветочек. Следом за ними воссоединились два видавших виды, некогда радикальных черных изделия. У новоиспеченной комбинаторши даже проснулся азарт, словно она и впрямь мостила диван не носками, а игральными картами. Однако довольно скоро азарт этот трансформировался в более тонкое и возвышенное чувство: она ощутила в себе дух скромной и терпеливой вершительницы судеб. Но, как и любой администратор такого уровня, увы, не могла рано или поздно не встать перед непростым выбором. Ведь не секрет, что властители судеб несут не только радостное бремя осчастливливания, но и — для общего же блага — ношу принятия тяжелых, трагических решений... Виной перемены душевной погоды хозяйки стала заслуженная и любимая ею пара — с этими носками у нее были связаны самые теплые воспоминания. Именно эти черные, строгие, элегантные и, пожалуй, даже аристократические носки облегли ноги ее единственного сына, когда он произнес слова «Да, согласен» и наделал кольцо на палец своей невесте. В них же он потом отплясывал весь вечер и полночи так залихватски, что мать даже стала опасаться за его хотя молодое и здоровое, но все же обычное человеческое сердце. Тогда, слава Богу, все обошлось, и его хмельные, светящиеся счастьем глаза наполнили ее душу глубокой светлой радостью за сына...

А теперь... Теперь на самом видном месте одного из этих исторических носков — высоко на пятке — появилась дырка! Петя, видимо, даже не заметил, снимая...

Когда-то давно Светлана Николаевна «подлечивала» носки громадной «цыганской» иглой с толстой ниткой, натягивая их на солнечно-желтого и неизменно улыбчивого деревянного колобка — главную деталь от Петининой игрушки-каталки. Колобок был выбран в качестве единственного практически применимого в хозяйстве элемента всей конструкции после того, как с каталкой в течение часа поиграл сын. Остальное пришлось выбросить в мусорный контейнер там же, во дворе... Возьмись она сейчас за штопку — Петя, скорее всего, поднимет ее на смех. Дескать, маман, ты чего, — кто же сейчас такой ерундой занимается?! И уж надевать такую «вышивку» точно не станет... Одним словом, как ни крути, не переживший трехлетнего «плавания» по порожиистой сыновней жизненной реке и получивший «пробоину» носок придется отправить в утиль вместе с целым собратом. После минуты осмысления происходящего хозяйка сгрэбла несчастливую пару и обреченной походкой не желающего выполнять свой долг палача вышла из комнаты. Но зайдя на кухню и занеся руку над мусорным ведром, она неожиданно даже для самой себя изменила траекторию движения и не бросила принесенное к прочим отходам, а положила аккуратно рядом, на подоконник.

Налив кофе и оставив его остывать, она вернулась в комнату, где все было как прежде: диван с выложенной на ней затейливой текстильной мозаикой, слегка колеблемый горячим воздухом тюль в дверном проеме и муха, которая обессилела от жары настолько, что за целый день так и не смогла засидеть белоснежный потолок, облюбованный ею ранним утром... Все как прежде... Кроме одного...

Покончив с историческим экскурсом, Эраст Семенович подошел, наконец, к финалу:

— И все это могло бы продолжаться и дальше, если бы в последнее время не начался процесс взаимопроникновения мистических учений и науки. Ученые мужи наконец прислушались к вопиющим в пустыне непонимания духовидцам и решили-таки проверить излагаемые ими факты. Исследования на сверхчувствительных приборах показали, что традиционно признаваемые неживыми камни... — профессор повысил голос, сделал паузу, разительно напомнив ведущего одного из многочисленных «угадай-телешоу», и победоносно крикнул, — подают признаки жизни и обладают аурой, а именно испускают переменные энергетические излучения!.. Только очень слабые и делают это, так сказать, весьма лениво. Кроме того, камни чутко улавливают человеческие флюиды, а свойства излучаемых в ответ энергоинформационных потоков прямо зависят от наших посылов. Именно поэтому одним людям минералы помогают избавиться от недугов, а другим они — как мертвому припарки. Даже порой вред приносят.

И, вытерев пот со лба, профессор по-простецки добавил:

— Хотя оно и понятно. Назови меня кто-то неживым, я бы тоже ничего хорошего в ответ не излучил...

Светлана Николаевна с недоверием покосилась на экранного оратора от науки, взяла себя в руки и несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула. Повернувшись к зеркалу, она расправила плечи. Ей даже почти удалось изобразить на лице улыбку.

— Надо жить дальше, — сурово произнесла она вполголоса и, стараясь отрешиться от мыслей о «выброшенниках», отвернулась от своего отражения; присела на велюр и взяла из кучи очередной носок.

«В нашей жизни есть не только счастье, но и несчастье, как есть белое и черное, как есть день и ночь. Это наш мир. А в чем, собственно говоря, заключается наше счастье?», — прозвучала в голове кем-то оформленная мысль. Именно прозвучала! Хозяйка от неожиданности даже отпрянула от носочной кучи. Но тут же поддалась стабилизирующему импульсу психики и присвоила эту мысль себе.

«А вот интересно, какие носки можно считать счастливыми?», — задумалась она. Тут же, вновь ниоткуда, услужливо «вынырнул» ответ: «Счастье — это когда родные, понимающие друг друга существа смотрят не друг на друга, а в одну сторону». Вопрошающая на сей раз не испугалась, а порадовалась столь легкому и быстрому полёту «своей» мысли и вовсе пришла в настоящий восторг, когда фраза была проиллюстрирована — перед внутренним взором женщины предстал удивительно яркий объемный образ растрепанной, жутко косолапой девочки лет пяти в коротком красном платьице в белый горошек и белых, но густо заляпанных чем-то гольфах с помпончиками. «И правда, — подумала Светлана Николаевна, — это уж точно носочным счастьем не назовешь. Как хорошо, что у нас в роду не водилось косолапых и нерях...». После этого заключения она почувствовала, как к горлу, откуда-то из глубин грудной клетки поднялась волна гордости за свой род и на глаза навернулись слезы. Так бывает, когда осознаешь, что ты или близкие тебе люди сделали кого-то по-настоящему счастливым...

Хозяйка пересела с дивана в удобное большое кресло. Минут пять она просидела в глубоком раздумье над неожиданной темой счастья-несчастья, подступаясь к ней так и эдак, затем вдруг улыбнулась и громко засмеялась. А еще

через минуту она уже почти успокоилась. Вытирая слезы подолом халата и порой все еще прихихатывая, женщина двинулась на кухню — выпить уже остывшего кофе.

Кухня встретила ее телефонным звонком. «Слушаю», — бодрим голосом произнесла мыслительница.

— Мам, привет, — ответил из трубки голос Пети. — Я вот по какому поводу... Я несколько дней назад носки в стирку бросил. Ну помнишь, те, что мы перед свадьбой купили? Там дырочка образовалась. Можно было бы их, конечно, выкинуть... Но, может, ты аккуратненько подштопаешь? Тем более, что второй целехонек. Ты ведь умеешь, я знаю. А то что-то носки эти из головы у меня сегодня не идут. Прямо перед глазами стоят. Жалко их...

— Хорошо, сынок... — не сразу и глухо произнесла женщина. Профессор Мистюг с его рассуждениями, недавние, казавшиеся собственными мысли и осознанными поступки — всё это кто-то смешал в одной большой незримой колбе и в заключение бросил туда главный ингредиент — слова сына, который говорил абсолютно несвойственные ему вещи. Смесь вскипела и рванула. Да так, что доселе незыблемый монолит мировосприятия Светланы Николаевны дал внушительную трещину.

— Спасибо, мам. До вечера! — между тем прозвучало звонко в динамике и послышались короткие гудки.

В наступившей тишине она медленно положила трубку на базу, потом ущипнула себя за руку, но тут же, с гримасой боли на лице потеряв место будущего синяка, поняла — пробуждения не наступит. Телевизор, несмотря на то, что в гостиной никого не было, судя по всему, «самопроизвольно» отключился минуты три назад, тем самым подтвердив реальность происходящего. «Вершительница судеб» залпом выпила трехсотграммовую чашку холодного кофе, немного помедлила, борясь со странно-непреодолимым желанием немедля приняться за штопку, а затем все же сделала осторожный шаг к подоконнику, где, прижавшись друг к другу, смиренно лежали два видавших виды носка...

ДОЛГАЯ ДОРОГА К СОЛНЦУ

*Это не тоска — это божий сплин,
Это запах лезвий, чистый ванилин.
То ли соль земли, то ли пепел ли,
То ли были мы, то ли не были...*

Из репертуара группы «Дом кукол»

Мне всегда было интересно, какое количество времени своей жизни человек может посвятить исключительно одной мысли. Интересно и сейчас. С той лишь разницей, что теперь меня одновременно беспокоит много других важных вещей.

Меня зовут Ян Робицки. Сегодня 6 января 2097 года. В моем очередном дневнике не осталось чистых листов, и я уже вкладываю обрывки газет и туалетной бумаги. Примерно раз в год мы натываемся на кочующих торговцев-якутов. В результате взаимовыгодного бартера у нас появляются тетради, письменные принадлежности, нижнее белье и прочие мелочи. Мы отдаем собранные за долгие месяцы змеиные кожи и воду.

Мои товарищи еще спят, и я, как обычно, стараюсь использовать с пользой каждую минуту. Вчера мы условились пройти сегодня большой путь, и вряд ли мне еще скоро доведется присесть с карандашом и блокнотом в руках. Я просто описываю все то, что происходит с нами и вокруг нас. Пытаюсь делать это регулярно и, честно сказать, устал писать. Но привычка есть привычка, и ничего с ней не поделаешь.

Сегодня я проснулся пораньше, еще для того, чтобы полюбоваться рассветом. Здесь, в богом забытой пустыне, он чудесен. Скажу даже так: это невероятно завораживающее, волшебное зрелище. Правда, не такое, как на побережье океана где-нибудь в Зихуантанехо или на Мысе Доброй Надежды. Но все-таки эта способность человека находить, видеть красивое не покидала нас даже в этом ужасном месте. А ведь здесь мы провели без малого восемь лет.

Видели бы вы, как первые, еще сонные лучи расплзаются по земле. Греют остывший за ночь песок. Он, как и чистое небо, приобретает какой-то нежный оттенок. А затем на горизонте появляется Его Величество Солнце. Небесное светило словно король-исполин, повелитель неба, пробудившийся ото сна, начинает заниматься своим «царским делом».

Проснулась Лиз. Эта очаровательная, смуглая австралийка когда-то была архитектором. Плодами ее фантазий вы можете полюбоваться, если приедете в Новую Москву. Новый мегаполис на месте разрушенной во время Великой Войны Москвы. Я думаю, вам, как и мне, понравится Столыпин-Сити, деловой центр мегаполиса. Сотня зданий в форме перевернутых пирамид и конусов из стекла и борнидонса, суперпрочного материала, пришедшего на смену железобетону.

Лиз подошла к скважине и выпила воды. Долгий сон заметно преобразил, оживил ее лицо. Увидев меня, она улыбнулась и направилась ко мне.

Забыл вам сказать — Лиз моя девушка. Мы вместе уже долгие семь лет.

— Не спится? — спросила она после долгого поцелуя. На ее губах был сладкий привкус подземных вод.

— Любуюсь рассветом, малыш. Как ты?

— Мне приснилось, что мое тело распадается. Затем я падала в какую-то бездну, на дне которой серебрилась водная гладь. — Она села рядом со мной.

— Когда проснется Альберт, спросим, к чему бы это. Он разбирается, — ответил я, не отрывая взгляда от пробуждающегося солнца.

— Точно, — ответила Лиз. Она обхватила руками колени.

Я посмотрел на нее. На ее красивом лице появились первые морщины. Даже здесь она пользовалась косметикой, которую ей дарили торговцы, и выглядела великолепно.

— Может, позавтракаем? — предложила Лиз.

— Подождем остальных. Завтракать вместе веселее, — ответил я.

— Хорошо.

Третьим проснулся Бадди. При знакомстве я подумал, что этот парень относится к категории тех людей, у которых имеются всего лишь две извилины и, как говорится, одна из них разделяет задницу надвое. Но все оказалось куда проще. Он сошел с ума здесь — на просторах бескрайней пустыни.

Он, как и Лиз, проследовал к скважине но, не найдя единственной на всю группу кружки, устремил взгляд на нас. На его лице застыл вопросительный взгляд. Я вытянул руку и потряс кружкой. Старательно демонстрируя недовольство, Бадди лениво побрел к нам.

— Хорошо бы оставлять вещи там, где взял, — пробормотал он. Когда он был сонным, его английский акцент становился невыносимым.

— Доброе утро, Бадди. Извини, забылась, — проговорила Лиз.

— Что на завтрак, Бадди? — спросил я.

— Жареная свинина в белом соусе, испанское вино, копченые куриные крылышки и мороженое на десерт. Ты же прекрасно знаешь, Ян, что у нас на завтрак.

— Не кипятись, Бад, — проговорила Лиз.

— Уже восемь лет мы питаемся этими чертовыми змеями. Зачем спрашивать? — Бадди побрел к скважине, оставляя на песке следы сорок девятого размера. Этот парень относился к категории супертяжеловесов. На вид он весил около ста двадцати килограммов. И даже скудная пища и дьявольский зной не могли ничего изменить.

— Просто надоело это однообразие. Я ожидал, что он ограничится только шуткой, — сказал я.

— Не обращай внимания. Ты ведь его знаешь, он редко шутит, — попыталась приободрить меня Лиз.

Бадди тем временем выпил воды, взял мачете и свой инструмент, похожий на садовые грабли, надел маску Микки-Мауса, найденную в песках, и подошел к небольшому валуну.

Лиз отвернулась. Она, в отличие от меня, не любила это зрелище. Бад ногой ловко опрокинул валун и вонзил свой инструмент в песок. Его обрызгала струя прозрачной жидкости. Но он не обращал на нее никакого внимания. Он пару раз ударил мачете по песку. Затем поднял вверх свой инструмент, который он называл «снейкетч». Я перевел с английского это слово как «змеелов».

На зубьях снейкетча в предсмертной агонии извивалось несколько змей. Он скинул их в чугунный котелок и побрел к скважине. Там он ловким движением содрал с каждой кожу и выпотрошил их. Залив котел водой, он направился к костру.

Я взял Лиз за руку, давая понять, что все закончилось. Она повернулась и открыла глаза.

— Черт! Сегодня же тот самый день! — Лиз вскочила на ноги и устремилась к шалашам.

Я опешил, но затем ударил себя кулаком по лбу. Сегодня праздник Сизого Дыма. Я побежал вслед за Лиз. Она влезла в шалаш и растолкала Альберта и Эльзу. Сонный парень нашарил под подушкой очки с треснутой линзой и надел их. Он выполз из спального мешка и вышел из шалаша.

— Доброе утро, ребята, — поприветствовал он нас и погладил выбритую наголо голову. — Давайте за завтраком. Курить натошак вредно.

Альберт подошел к скважине, скинул с плеч подтяжки и сполоснул лицо и плечи. Он снял с вешалки высохшую рубашку. Обтягивающая и прозрачная, она делала его худобу ужасающей.

Эльза вышла через несколько минут. Она окинула готовящееся блюдо брезгливым взглядом, затем улыбнулась нам. Эльза была единственным человеком в группе, у которого были волосы. Они были чудесными: длинные, примерно до поясницы, шелковистые и вьющиеся. Утренний ветер теребил их, делая женщину очень привлекательной.

Эльза была старше своего мужа на четыре года. Но на вид эта разница казалась большей. Она выглядела на сорок пять — пятьдесят, но никак не на тридцать шесть. От глаз и губ отходили морщинки, и на висках появилась проседь. Но это никоим образом не смущало ее. Она обладала каким-то природным очарованием и притягательным шармом.

Мы сели вокруг маленького раскладного стола неподалеку от костра, на котором только что Бадди, тридцатичетырехлетний американец, приготовил змей. Сегодня он экспериментировал: выжал из колючего растения сок, который имел сладковато-пряный аромат, разбавил его соком кактуса и сладкой подземной водой. Затем обильно полил этим соусом дымящийся бульон.

— Сегодня мне приснилось, что мое тело распадается. К чему бы это, Альберт? — спросила Лиз.

Парень выдержал паузу, затем пожал плечами.

— Вообще-то видеть тело во сне — это символ неосуществленных желаний. А вот распадающееся... Не знаю, — ответил он.

— Жаль.

Бадди разлил бульон с кусочками мяса по мискам. Воздух наполнил приятный пряный аромат.

— Господи, Бадди, что ты такое сотворил? Пахнет чудесно! — воскликнула Эльза.

— Пахнет по-новому, а вот на вкус не знаю. Скорее всего, то же, что и раньше. — Бадди захохотал. — Сегодня лучше, чем обычно — друг Альберт нашел соль.

— Правда? Где? — воскликнул я.

— На месте высохшего озера. Камень, килограмма на два, — ответил Альберт.

Бадди наполнил кружку и поставил ее на середине стола. По традиции рядом с пустой миской, в которой когда-нибудь должен был появиться хлеб.

— Чья очередь сегодня читать молитву? — спросил Бадди, для которого этот момент был самым любимым.

— Моя. — Лиз скрестила пальцы и поднесла их к подбородку. Ее примеру последовали и мы. — Господи всемогущий! Благослови пищу нашу, помыслы благородные наши и друзей наших. Дай нам мужества и терпения. Укрепи веру в нас. Дай нам сил добраться до Небесного Оазиса. Сохрани нас от невзгод и болезней, зноя и бед. Избавь нас от лукавого. На тебя уповаем и надеемся. Во имя отца, и сына и святого духа. Аминь.

— Аминь, — дружно повторили мы.

— Спасибо, Лиз. — Бадди накрыл руку девушки своей огромной ладонью. — Сегодня это было как всегда необыкновенно и вдохновенно.

Лиз в ответ улыбнулась.

Мы принялись за еду.

— А теперь... — Альберт расстегнул нагрудный карман, — ... долгожданный момент.

Бадди забарабанил толстыми пальцами по столу. Его язык показался между губ, и глаза широко раскрылись, словно Альберт готовился вытащить что-то фантастическое.

Первым затяжку сделал я. Затем остальные по часовой стрелке вокруг стола. Лиз сделала пару коротких затяжек и выпустила струйки дыма из ноздрей. Эльза раскашлялась, едва ее губы коснулись фильтра. Нас окутывал густой

драгоценный дым. После того как затянулся Бадди, от сигареты осталось совсем ничего. На его лице была та детская удовлетворенность, которую мы можем увидеть у ребенка, поглощающего желанное мороженое.

Альберт был вынужден довольствоваться тем, что осталось, но и этого ему хватило.

— Голова закружилась, — сказал он и усмехнулся, между его указательным и средним пальцем тлел уже фильтр. — Только зачем так слюнявить?

Мы засмеялись.

— Ну, давайте, поедим, — проговорила Эльза и взяла пластиковую вилку. Она положила в рот кусок змеиного мяса. — Господи, Бадди, это великолепно!

— Нечего вкуснее не ел лет десять! — воскликнул Альберт.

Все одобрительно закивали.

— Почему ты их раньше так не готовил? — спросила Лиз.

— Я давно хотел попробовать такой соус, — громко запил мясо водой и смущенно пригнулся к ученому. — Альберт, расскажи, пожалуйста, про Небесный Оазис.

— Что, опять? — на лице латыша застыла растерянность. — Я же только вчера во время ужина все подробно рассказал, Бад! Как и тысячу раз раньше!

— Не будь букой, милый, расскажи ему еще раз, — поддержала Эльза.

— Ну расскажи, расскажи! — Бадди загорелся детским азартом.

Наши взгляды устремились на Альберта. Парень поправил указательным пальцем очки на переносице.

— Хорошо, — ученый выпил воды и выдержал театральную паузу. — Расскажу еще раз. На востоке, в той стороне, где восходит солнце, есть место, которое все называют Небесным Оазисом. На карте, которую мне дал один старик, место обозначено зеленым ромбиком. Это большая долина с озером посередине. Вокруг озера растет множество красивых растений, бродят павлины, распутив свои пышные разноцветные хвосты. С одной стороны берега — широкие песчаные дюны. Отличное место для отдыха и субботнего шашлычка из ягненка. Пресное озеро кишит различной рыбой и раками. Над водой все время летают чайки. Из них, между прочим, получается отличное жаркое. Эти глупые птицы не особо расторопны, и в них можно попасть камнем, подкравшись сзади. С другой стороны озера живописные горы.

Из-за необычных водорослей озеро имеет голубоватый цвет. Поэтому его и называют Небесным Оазисом, — Альберт приподнял тарелку с бульоном. — Озеро, словно зеркало. И вода в нем чистая, местами можно увидеть дно на глубине в три десятка метров. Все благодаря шести горным родникам, питающим озеро. Каждый из них берет начало со своего холма, и над истоком каждого стоит каменная башня высотой в двадцать пять — тридцать метров...

— Вчера ты говорил, что высота башни двадцать пять метров, — перебил Бадди.

— Ну, трудно точно определить на глаз, Бад. Поэтому говорится приблизительно.

— Понятно. Извини, Альберт.

— Ничего страшного. Так вот, башни выстроены из шлифованного камня. В них стоят очистные механизмы, и у воды нет сладкого привкуса. У воды вкус воды. Но самое главное, там есть деревья и можно строить дома, бани. Все что угодно! Даже часовню, Бадди, такую, как та, о которой ты мне рассказывал.

— С резными узорами на фасаде? — спросил Бад.

— Именно. А еще там много оленей, охота на которых не требует лицензий, и чернозем. Плодородная почва толщиной в метр.

— И на ней можно будет растить кукурузу? — Бад сиял от счастья.

— Да, конечно! Мы сможем растить картофель и лук, морковь, свеклу. Даже пшеницу, и у нас будет хлеб, — Альберт принялся за остывший бульон.

— Ты думаешь, твои семена еще пригодны? — спросила Лиз.

Парень кивнул.

— Все в лучшем виде.

Мы двинулись в путь в 8:32 по новомосковскому времени. Заключение группы PL— 1216 были снова в пути и бодры духом.

PL — Пустыня Лена. Пустыня, образовавшаяся на месте великой сибирской реки со всеми ее притоками, от середины Западносибирской равнины до Дальнего Востока, унаследовала название и превратилась в международную тюрьму в 2082 году. С двух сторон, с запада и юга, ее окружали искусственные моря. С севера — Северный Ледовитый океан. Четыре тысячи квадратных километров выжженной земли. Одно из трех последствий войны. Первое и самое значимое — смена полюсов, после которого экватор проходил примерно по 180 параллели и Гринвичу, а северный полюс находился где-то в Карибском море. Третье напоминание о войне — Восточное побережье Северной Америки и Аляска, ушедшие под воду после бомбардировок.

Мировая война началась в полдень 1 сентября 2080 года и продолжалась шестнадцать минут. Планету сотрясало землетрясение — от взрывов в движение пришли тектонические плиты. Все ожидали, что Азию накроет цунами, но этого не произошло.

Обменявшись ядерными ударами, три сверхдержавы и конфедерация Южноамериканских и Азиатских государств заключили мир. Он не был зыбким и непрочным. Это не было перемирием на шелковых нитях. Человечество было на пороге новых свершений. Общая цель требовала мобилизации усилий и возможностей всех стран.

В тот момент, когда планета содрогнулась от первых ракетных ударов, астроном из Британского любительского космического сообщества совершил открытие, сделавшее войну бессмысленной. В недрах Луны, вопреки всем ут-

верждениям занудных ученых — консерваторов, астроном обнаружил нефть и залежи драгоценного камня, по многим характеристикам схожий с алмазом. Превосходная нефть, без примесей и серы — то, что было нужно жителям Земли, израсходовавшим все ресурсы планеты. Он многократно проверил данные с самодельного зонда и удостоверился в том, что нефтяное пятно и алмазный блеск — не галлюцинация от постоянных недосыпаний.

Новому драгоценному камню ведущие финансисты сулили судьбу новой единой мировой валюты.

Возникла еще одна проблема, но и она легко разрешилась. Нужна была огромная тюрьма для радикальных противников новых разработок. Антиглобалисты и защитники космоса перестали ограничиваться демонстрациями и пикетами. В сентябре 2087 года активисты прорвались в Центр управления полетами и подорвали здание.

Среди них были Альберт и Эльза Пошкус. Семейная пара даже в скитаниях по пустыне была верна своим идеям. Международный суд приговорил их к пожизненному заключению.

Бадди Джонсон был случайным прохожим, угодившим в самое пекло демонстрации антиглобалистов в городе Сиддл. Одиннадцати полицейским едва удалось скрутить бронзового призера Олимпийских игр 2088 года в Тегеране по греко-римской борьбе. Один из них упал затылком на асфальт и отправился к праотцам. Бадди Джонсона также приговорили к пожизненному скитанию в Пустыне Лена.

Элизабет Кидман создала проект нового Центра управления полетами. Шестнадцатизэтажное здание в виде летящей по космосу кометы являло собой шедевр архитектуры. Но через несколько месяцев ошибки инженеров дали о себе знать. «Хвост кометы» — административный корпус отделило трещиной от остального здания. Лиз Кидман обвинили в преднамеренной диверсионной работе и саботаже. Заседание международного суда прошло в тот же день, когда с Байконура стартовал первый космический корабль со строителями и бурильщиками. Высшая мера наказания для Кидман была ожидаемой, и газеты, ставшие в том же году электронными, задвинули эту новость на последние полосы.

Я, польский физик и астроном Ян Робицки, сделавший то самое сенсационное открытие и на свою беду позвонивший не в правительство страны, а другу — сотруднику NASA Адаму Синклейру. Международное правительство решило изолировать и сгноить меня здесь, в выжженной сибирской земле, чтобы скрыть истинные масштабы открытия.

Нефти на Луне было мало. А вот «алмазинов», как прозвали камни клоуны из международного научно-исследовательского института геологии и минералогии, было предостаточно. И вряд ли экспедиция была бы оправданной, если бы алмазины не имели столь большого значения в медицине, оптике, промышленности и других сферах жизни человека. В тюрьме Пустыня Лена оказались так же те, кто доказывал земное происхождение лунной нефти. Правительства двух сверхдержав тщательно скрывали тайну самой великой аферы в истории человечества.

Но лунное происхождение алмазинов было неоспоримым, и это было неожиданным сюрпризом для всех участников аферы.

Однажды в песках Бадди нашел обрывок газеты «Нью-Йорк Таймс». Статья рассказывала о русском ученом, разработавшем на основе алмазина различные лекарства нового поколения без побочных действий.

Мы шли на восток. Температура воздуха доходила до тридцати шести градусов. Небо было покрыто жидкими облаками, от которых не было никакой пользы.

Двинулись мы позже, чем запланировали. Много времени занял демонтаж скважины. Она представляет собой пятьдесят трубок, соединенных между собой по принципу подзорной трубы с помощью подшипников на основе все того же алмазина. Они не требовали смазки и были невероятно прочны. Бурение и обратную сборку осуществлял портативный мощный двигатель, работавший от солнечной энергии. И третий элемент набора — кран с системой вентилей и фильтров. Подземный слой воды — творение человека. Жалкая попытка вдохнуть в умершую землю жизнь.

Набор в разобранном виде весил около тридцати килограммов и его носил Бадди. Помимо этого на его широкой спине висели мешок с посудой и снеикетч. Я нес спальные мешки и брезент для шалашей, Альберт — раскладной стол, запас дневной еды и авоську с богатым содержимым. В ней лежали несколько книг, карты, семена, бинокль, всевозможные компасы, барометр, фанидоскоп и тахометр. Лиз и Эльза несли запас воды. Сорок литров воды в специальных рюкзаках, распределяющих вес равномерно на плечах, спине и груди.

Мы, как и все заключенные, были облачены в робы песочного цвета. Ноги были обуты в ботинки с тяжелой подошвой, защищавшей стопы от горячего песка, головы обвязаны широкими платками белого цвета.

— Отличная была сигарета, — проговорил Бадди, промочив губы влажной тряпкой.

— О да, — согласился я.

— Осталось еще двадцать восемь сигарет, — с грустью в голосе сказал Альберт.

— Еще на двадцать восемь месяцев. — Бадди улыбался.

— Я надеюсь, мой друг, что задолго до истечения этого срока мы дойдем до Небесного Оазиса и вырастим свой табак, — Альберт мечтательно смотрел вперед.

— У тебя есть семена табака? — спросила Лиз.

— О да! Семена отличного доминиканского табака.

— Мы будем скручивать сигары? — спросил Бадди. — Я люблю сигары. Меня учили сворачивать табачные листья в сигары.

— У нас будет все, мой друг. — Альберт шумно выдохнул.

К двум часам дня, если верить электронному шагомеру Эльзы, мы прошли двадцать три километра. До наступления темноты оставалось полтора часа. Это уже, если верить календарю Альберта. Мы начали готовиться к ночлегу.

Бадди закончил с монтажом скважины и принялся готовить ужин. Эльза готовилась принять душ. Альберт корпел над картами, делая пометки карандашом, то и дело слюнявя его кончиком языка.

— Что там, Альберт? — спросил я, присев напротив него.

— Ничего хорошего, мой друг. Совсем запутался. Черт! — парень отшвырнул карандаш и снес рукой со стола стопку книг.

— В чем дело? Может, я что соображу? — Я подобрал карандаш. Нас окликнула Лиз. Она стояла у зарослей кактуса.

— Скажите мне, это то, что я думаю? — спросила она, кивая куда-то вниз.

Альберт наклонился, осмотрел песок и выругался на латышском. Я присел на корточки. То, что мы увидели, шокировало нас. Кактусы разрослись на воронке, оставшейся после бурения скважины.

— Мы ходим по кругу или несколько месяцев назад здесь прошла другая группа заключенных. — Альберт сел на песок.

— Ходим по кругу? Это возможно? Ведь у нас есть карты, секстан, куча компасов. Разве такое могло произойти? — спросил я.

— Не знаю. — Альберт закрыл лицо руками. — Господи, мы блуждаем здесь уже восемь лет. Неужели пришли туда, где уже были? — голос ученого дрожал. Эльза обняла его со спины. Они просидели у кактусовой поляны пару часов.

Никто не ложился спать. Бадди обтачивал камнем зубья своего снейкетча, насвистывая под нос незатейливый мотив. Мы с Лиз лежали у костра и смотрели на мерцающие огоньки на Луне.

Прошло уже много лет с того дня, когда с Луны на Землю пошли караваны шаттлов, груженных алмазином и космостерны с нефтью. Еще больше времени прошло с тех пор, как на спутник Земли ступила нога первого колониста. Наверное, у них уже есть свое радио, а может даже и телевидение. Свое маленькое государство.

Внезапно вскрикнул Альберт. Это был крик ученого, на голову которого упало яблоко или открывшего новую планету. Мы все сбежали к нему. Он сидел за столом, на котором были разложены карты.

— Это не наша скважина. Наша форсунка оставляет воронку шире на семь сантиметров. Здесь была другая группа заключенных, и они, вероятно, ходят по кругу, — он сиял от счастья. — А это значит, мы на верном пути.

— Ты хочешь сказать, где-то рядом бродит другая группа? — спросила Лиз.

Альберт кивнул.

— Последний раз мы встречали других заключенных шесть лет назад, — проговорила Эльза. На ней была только тонкая майка, и она мерзла, но все же не надевала робу.

— Ничем хорошим, если помните, это тогда не закончилось, — осторожно проговорил я.

— Бадди больше никого не хочет убивать, — американец был готов заплакать.

— Ничего, Бад, все будет хорошо. — Лиз погладила парня по голове. — Нам пришлось это сделать. Они хотели отобрать наше снаряжение и пытались обидеть меня.

Бадди сочно поцеловал ладонь Лиз и, встав на ноги, побрел к шалашам. Он принес свой снейкетч и бинокль.

— Надо охранять нас ночью, — сказал он.

— Правильная идея, — поддержал я, — я заменю тебя через три часа.

— Затем подежурю я. — Альберт достал из кармана пистолет.

Тот самый, из которого шесть лет назад я застрелил одного из напавших на нас каннибалов. Двух других Бадди Джонсон убил снейкетчем. Хватило двух замахов, и два сумасшедших китайца повалились на песок, держась за распоротые животы. Судя по номеркам, это были люди, осужденные за покушение на правительственного комиссара в те времена, когда едва заработало международное правительство в 2081 году. За одиннадцать лет, проведенных в скитаниях, они превратились в существ, отдаленно напоминавших людей. Обросшие, худые и спятившие. Из тридцати четырех человек, сидевших на скамье подсудимых, выжили только трое.

Тот, которого я застрелил, пытался изнасиловать Лиз. Свинцовая пуля получила вид на жительство в его черепе в тот момент, когда он расстегнул ширинку и его агрегат был готов выскочить из штанов. Я нажал на спусковой крючок еще трижды, прежде чем Альберт отобрал у меня пистолет. Патроны могли нам понадобиться.

Эльза выменяла все свои драгоценности на пистолет у конвоира за минуту до того, как вертолет оставил нас в самом сердце пустыне, население которой составляло 74 группы по пять-шесть человек.

В магазине еще оставалось семь патронов, и это вселяло определенную уверенность.

Сон уже укрыл нас своим одеялом. Радостный Бадди вполз в шалаш.

— Вы должны это увидеть! — то же самое он проговорил, ворвавшись в шалаш четы Пошкус.

Мы выскочили наружу. Бадди указывал на небо.

— Господи, это же северное сияние, — проговорил Альберт, поднимаясь на ноги, — он споткнулся, запутавшись в штанинах.

Небесная высь переливалась различными цветами. Я мог сравнить это лишь с гигантскими ленточными червями, облитыми фосфорной краской различных цветов и копошащихся в безумном танце.

— Это божественно, не правда ли? — произнесла Эльза, нарушив довольно длительную тишину.

— Это чудесно, — восхищенно поддержал Бадди.

— Подождите... Какое к черту северное сияние? — Альберт сорвался с места и устремился в шалаш. Он выволок огромную карту. Разложил линейки и карандаши. — Мне нужен свет, друзья мои. Много света. Разожгите костер по сильнее. Киньте эти кактусы в топку!

Через мгновение он засмеялся, словно умалишенный. Причину такого минутного помешательства я понял, взглянув на компасы: каждый указывал на свой север. Днем же Альберт доставал разные компасы, чтобы подкорректировать маршрут.

— Слава Богу, днем мы ориентировались и по солнцу. Он взялся за секстан, к помощи которого прибежал пару месяцев назад. После долгих манипуляций он поставил на карте точку. После долгих расчетов он стер старые точки, которые обозначали координаты каждого воскресного привала, и нанес множество новых. Затем соединил точки узкой линией.

Зигзагообразный путь, проделанный нами за последние годы, пролегал от каменистой долины, где когда-то стоял город Ханты-Мансийск, до высохшего русла Нижней Ангарки. Путь сильно петлял, иногда и вовсе проделывая кольца. Два года назад мы действительно несколько месяцев ходили кругами.

Альберт отложил карандаш и оглядел всех нас.

— Что все это означает? — спросил я.

— Компасы не работают — магнитное поле заглушено. — Ученый снял очки и обреченно выдохнул. — Я ни разу не смотрел на все компасы одновременно. Всегда выбирал один. Поэтому мы оказались севернее на шестьсот километров. Плюс-минус сорок километров. Но мы ориентировались и по солнцу и все-таки значительно продвинулись на северо-восток. У меня только одно объяснение тому, что мы ходили кругами и петляли. Они должны были исключить возможность нашего спасения. Я думаю, наша пустыня-тюрьма вращается.

Только эти ублюдки не учли одного... — Альберт замолк. Он вновь припал к картам.

— Чего же они не учли? — спросил Бадди.

— Они не учли, что Альберт Пошкус соберет по пустыне два десятка компасов. Раздобудет секстан и карты. Чертовы ублюдки!

— Что теперь будем делать? — спросил я.

— Мы можем корректировать маршрут. Рано или поздно, если мы и не найдем Небесный Оазис, то выберемся к Тихому океану. Вдоль берега дойдем до широты с теплым тропическим климатом и заживем припеваючи.

— Оптимистично, дорогой, — произнесла Эльза, — и сколько нам еще осталось идти?

— Месяца три до границы тюрьмы, где расположен Небесный оазис. От границ тюрьмы до Океана месяца четыре ходу, — обозначил Альберт.

— Я мало что понял, но чувствую, это хорошие новости, — смущенно проговорил Бадди.

— Да, это потрясающие новости, мой друг! — Воскликнул Альберт и расцеловал сначала свою жену, затем Бадди.

Мы вернулись к созерцанию неба. Всех нас переполняло счастье. Оно было таким огромным и безмерным, что сон мгновенно улетучился.

— Я думаю, что по такому поводу можно выкурить еще одну сигарету, — произнес Альберт и, дождавшись одобрительных взглядов, потянулся за пачкой. — Только можно мне затянуться до нашего американского друга?

Мы рассмеялись.

Линия, соединяющая точки — места последних семи воскресных привалов, была прямая. Мы шли строго на восток. Дни становились длиннее, а пройденный путь — дольше. Во время привалов Альберт определял наше местонахождение. Мы брали левее, и продолжали движение. Тюрьма на огромной платформе вращалась направо.

14 января песок сменился щебнем. Мы шли по мелким камушкам, привыкая к белому цвету горизонта. Бадди долго рассуждал о том, что бурить скважины теперь будет легче и быстрее. Это действительно было так, но определение наличия воды теперь стало делом намного более сложным. На горизонте не наблюдалось ни одного кактуса, а он растет, как правило, над большими залежами подземной воды.

На привал мы остановились у огромного валуна. Он укрыл нас от холодного северного ветра, поднимавшегося в последние ночи.

Все мы с нетерпением ждали ужина, который должен был стать самым вкусным и сытным за последние восемь лет. Бадди наудачу хлестко метнул нож в сидевшего на камнях грифона. Армейская выучка американца дала о себе знать. Сраженная птица трепыхнулась и, не издав ни единого звука, рухнула набок. Бадди устремился к ней с видом льва, обнаружившего, что в грязи на дороге застрял грузовик с говяжьими тушами.

Тут же разожгли костер и вскипятили воду. Ощупывать ошпаренного кипятком грифона, я вам скажу, практически то же самое, что и гуся, с той лишь разницей — наша добыча была не такой жирной.

Пока бульон наполнял воздух потрясающим, новым для нас ароматом и дразнил желудки, мы взялись за бурение скважины.

Бадди крутился возле трубок. Он растерянно смотрел себе под ноги.

— Что потерял, мой друг? — спросил Альберт, когда мы вдвоем подошли к нему.

— Бадди потерял его... — едва слышно проговорил американец. Его губы дрожали, он был в ступоре, словно минуту назад похоронил горячо любимую собаку.

— В чем дело? Что потерял? — спросил я.

— Бадди потерял наконечник, — произнес он.

— Что?! Ты потерял сверло?! — Альберт принялся смотреть под ноги, разгребая носком ботинка камешки. — Где? Где мог его потерять?

— Не знаю... В чехле дырка, — тихо ответил Бадди.

— Мы можем вернуться назад и поискать, — предложил я.

— Вернуться и поискать? — Альберт развел руками. — Мы прошли сегодня двадцать четыре километра! Поворачивали налево шесть раз. Ты думаешь, мы сможем отыскать сверло длиной в тридцать сантиметров?

— Бадди проверял час назад. Дырки не было. — Американец был готов заплакать.

Словно гром поразил всех. И даже на кипящий, выливающийся из краев бульон никто не обращал внимания. Самое дорогое, что есть у каждой группы заключенных тюрьмы «Пустыня Лена», — набор для бурения скважины. Важным элементом набора является сверло — форсунка, наконечник первой трубы. Без нее двигатель безрезультатно вворачивал бы в землю трубу, просто обтачивая её, но никак не углубляясь. Заключенные, потерявшие что-либо из набора, были обречены на гибель от обезвоживания.

— Давайте не будем паниковать, — к нам подошла Лиз. — Давайте рассредоточимся и обшарим последние километры пути.

— Скажи мне, Лиз, а у нас есть другой выход? Нам ничего другого не остается, как искать в темноте это дерьмовое сверло! — Альберт накинул робу, дрожащими пальцами застегнул молнию и двинулся в путь.

— Пойдем, — сказала Лиз и взяла меня за руку. Сняв с костра котелок, следом пошли Эльза и Бадди.

Альберт шел, шаркая ногами, поднимая клубы белой пыли. Я освещал путь тлеющим «корсом», сушеным кактусом, из которого мы разжигали костры. Близорукий Бадди передвигался на четвереньках, исследуя каждый метр.

После четырех часов безрезультатных поисков мы вернулись к костру. Лишь Лиз продолжала бродить в семидесяти метрах от нас. Всеобщая подавленность вряд ли дала бы нам уснуть. Мы сидели, молча глядя на догорающий корс.

— Что будем делать? — спросила Эльза.

— Медленно умирать, дорогая, — обреченно усмехнулся Альберт.

— Зачем ты так? — произнес я.

— Как? Как?! — Альберт вскочил, его тарелка с остывшим супом из грифона опрокинулась на щебень. — Мы сдохнем здесь из-за тупого толстозадого янки! Как можно потерять то, что дороже собственной жизни?

— Успокойся, милый. Мы обязательно что-нибудь придумаем, — Эльза встала на ноги и хотела обнять мужа. Альберт поймал ее руки и отстранился. — Не нужно меня успокаивать! Что мы можем придумать?! Три дня... У нас три дня на то, чтобы придумать, как бурить без сверла. Все из-за того, что у янки дырка в чехле и щебень вместо мозгов!

— Дорогой, ты ведешь себя как кретин, — Эльза скрестила на груди руки и плотно сжала губы.

— Что? Я — кретин?

— Более того, как мерзкая свинья...

— Ну вот этого не надо, — Альберт неестественно заулыбался. — Три года назад, когда я болел лихорадкой, ты изменила мне с этим янки и ведешь себя, словно ничего не произошло. И я — свинья?

Опешившая Эльза присела.

— Аллилуйя, истина всплыла. Неужели ты думала, что я ничего не знаю? — Альберт рассмеялся, словно безумный ученый, воскресивший хана Батыя.

— Я не могу объяснить причины того минутного помешательства, и мне будет стыдно за это до самой смерти. Ты все знал. Почему же ты молчал? — Эльза бесцельно смотрела куда-то вдаль.

Альберт промолчал.

Заплакал Бадди. Он всхлипывал и размазывал слезы и слюни рукавом.

Мы услышали крик Лиз. Она бежала к нам, радостно размахивая руками. В ее ладони было зажато сверло.

— Что случилось? — спросила она, добежав к месту привала. — Я нашла сверло. Все в порядке.

— Милая, тут произошло еще кое-что, — я взял из ее рук сверло и положил в чехол, дырку на котором заштопал несколько минут назад.

Лиз взглянула на Эльзу. Та едва уловимо кивнула.

— О, ты тоже об этом знала? — спросил Альберт у Лиз. — Может, и ты был в курсе? — он подошел ко мне. Брызги его слюней достигли моего лица.

— Нет, Альберт, я ничего не знал, — ответил я. — Нужно остыть и подумать с холодной головой.

— Над чем думать? Думаю, если не найдем Небесный Оазис, есть смысл разойтись на границе тюрьмы.

— Думаю, вам с Эльзой стоит поговорить с глазу на глаз, — проговорила Лиз.

Бадди отправился бурить скважину. Я недолго поговорил с ним, пытаюсь приободрить его, прежде чем Лиз увела меня в шалаш. Американец все еще плакал, и его могучие плечи то и дело вздрагивали.

Лиз перевязала платок. Она села напротив меня и загадочно улыбнулась.

— Что такое? В последний раз ты улыбалась так, когда...

— Помолчи, — Лиз приложила указательный палец к моим губам. Она пододвинулась ко мне.

— Я в полном замешательстве, — прошептал я.

— У нас будет ребенок, — проговорила она.

— Что? Ты беременна?! Господи... У нас будет ребенок?

Лиз кивнула.

Послышался стук, и в шалаше показалась голова Альберта.

— Мой друг, можно тебя на минуту? — спросил он. — Очень важный вопрос.

— Скоро вернусь, — сказал я Лиз и вышел наружу.

— Мне нужно тебе кое-что показать. — Альберт повернул голову и отогнул ухо. У мочки мерзко пульсировала гнойная язвочка.

Верх — вниз... Верх — вниз...

Из язвы сочилась струйка густой жидкости кроваво-черного оттенка.

— Это оно... — констатировал я.

Альберт шумно выдохнул. Он кусал губы и посмотрел на меня. В его глазах я прочел отчаяние и обреченность. Для лечения «поющей паучихи» нужны лекарства, которых у нас не было. Последнюю разновидность гриппа сложно было вылечить даже в больницах, при полном наличии медикаментов.

— Она быстро прогрессирует. Неделю назад это была маленькая зудящая точка, — Альберт заклеил ее маленьким обрывком бумаги, словно порез от бритвы.

— Вы разговаривали с Эльзой? Что она говорит? — спросил я.

— Мы с ней не разговаривали. — Альберт подобрал камешек и метнул его в темноту.

— Почему?

— Мой друг, мы уже четырнадцать лет вместе, и нам не требуется лишней болтовни, чтобы понять друг друга. — Альберт положил руки на пояс. — Я люблю ее.

— Все в порядке? — спросил я.

— Абсолютно. Мне осталось дней сорок — пятьдесят. Можешь пообещать мне, что будешь заботиться о ней? — ученый вновь смотрел на меня своим грустным, обреченным взглядом. Цвет его глаз изменился. Вирус сделал их серыми.

— Хорошо.

— Пообещай мне, — настоял Альберт.

— Обещаю позаботиться о твоей жене.

— Теперь я спокоен, — он улыбнулся.

— А наша новость радостная. У нас будет ребенок, — сказал я.

— Серьезно?! Так это же замечательная новость! Пойдем к костру. Я кое-что припас. Я всегда знал, что случится отличный повод.

— О чем ты, Альберт? — спросил я.

Он достал мятую, потертую фляжку. Мы уселись у костра. Он достал из кастрюли змеиного мяса и разложил его по тарелкам, ополоснул водой кружку.

— Лиз, Бад, Эльза! Можно вас на минуту? — Альберт открыл пробку и поднес фляжку к носу. — Хороша.

— Что это? — спросила Лиз.

— Текила, — ответил Альберт. Он наполнил кружку. — Сейчас бы долька лимона.

Бадди подошел последним; его глаза были заплаканными, и челюсть сжата так сильно, что поигрывали желваки.

— Господи, что с тобой, Бадди? Расслабься, мой друг. И прости, пожалуйста. Я наговорил много весьма обидных вещей и очень сожалею об этом. Держи. — Альберт протянул кружку. Бадди принял ее обеими руками.

— Я, правда, твой друг?

— Конечно, Бад. Пей, не задерживай.

— Что отмечаем?

— У нас будет ребенок, — сказал я.

— Поздравляю вас, — произнесла Эльза и пожала нам руки.

— И я... Поздравляю. Я раньше никогда не употреблял алкоголь. — Бадди глядел на кружку.

— Думаю, сейчас самое время, — сказал я.

Бад шумно отхлебнул из кружки. И тут же разразился кашлем.

— Крепкая, — словно извиняясь, проговорил американец.

— Откуда выпивка, если не секрет? — спросил я.

— Сам приготовил. Правда, больше похоже на самогон, но все-таки. — Альберт взял кружку, сделал глоток и припал носом к рукаву.

Бадди вновь прослезился. Он пошарил в карманах и достал пластмассового поросенка. Игрушка казалась крошечной в его огромной ладони.

— Это для малыша, — проговорил он.

— Спасибо, Бадди, — произнесла Лиз, приняв подарок.

Мы разошлись спать далеко за полночь. Я, убаюканный алкогольными парами, моментально уснул. Мне снился Небесный Оазис. Такой, каким его описывал Альберт. За исключением одного — не было павлинов. Ветер теревил водяную гладь. Он не был горячим. Теплый и приятный, словно океанский бриз. Босые ступни утопали в песке. Кто-то окликнул меня, и я обернулся. Лиз стояла у большого деревянного дома, она покачивала укутанного в белую простыню младенца. У ее ног метался игривый лабрадор.

Я хотел побежать к ней, но ноги вязли в песке. Пробирался, словно по топи, увязая все сильнее. Лиз смеялась и звала меня. Я стремился к ней. Бежал, полз, карабкался. Расстояние между нами не сокращалось. Наоборот, оно увеличивалось, Лиз отдалялась от меня, и песчаные дюны казались бесконечными.

Меня разбудил Альберт. Он растолкал меня. Я осветил его встревоженное лицо зажигалкой.

— Бадди умер.

Одно слово. Простое слово из четырех букв, приобретающее оглушающий эффект, если речь идет о близком человеке. Мы с Лиз устремились к шалашу Бадди, у которого уже стояла Эльза. Она держала тлеющий корс и вытирала рукавом слезы.

Бадди умер с улыбкой на лице. Его сердце остановилось, когда он спал. Мы похоронили его у валуна. Последние три месяца мы готовили подарок к его тридцать пятому дню рождения, до которого он не дожил шестнадцать дней.

Тайком мы вытаскивали новый снежкетч. Новый инструмент получался на удивление удобным и красивым. Мы установили его вместо памятника. Снежкетч торчал из земли, словно трехпалая рука.

Ножом я высек на валуне надпись: «Здесь покоится Олимпийский чемпион, друг и добряк Бадди Джонсон. 2062-2097». Ветер опередил меня и сдул песчинки. Я хотел написать что-то еще, но ничего не приходило в голову. Лиз взяла меня за руку и отвела от валуна, ставшего могильным камнем Бадди Джонсона. Надпись получилась ровной и красивой.

Я взглянул на Альберта. Он достал из рюкзака личную карточку Бадди, которую поместил в рамку из органического стекла (он соорудил ее из разобранных компасов) и поместил в выдолбленный мной проем.

Мы двинулись в путь и планировали за остаток дня пройти километров десять. Еще полтора часа до заката солнца хватило бы для работы солнечных батарей двигателя.

Альберт угасал на глазах. Его шея была обмотана тряпкой, сквозь которую просачивался гной. Он еле волочил ноги и пил много воды. С распухшей нижней губы стекала слюна. Эльза то и дело вытирала его подбородок. Каждый привал он ложился на щебенку и вытягивал ноги.

Ежедневно, как Бадди когда-то, я дважды бурил скважину. Утром и вечером. И ловил змей. Я вырезал новую маску, так как та, что носил Бадди, пропиталась ядом, струи которого летели на меня, едва я приближался к ползучим тварям. Змеи, пускавшие яд, были особо опасными.

Альберт ошибся в прогнозах. Уже на восемнадцатый день после того, как он показал мне свою болячку, ему стало плохо. Его рвало; гнойная язва, превратившаяся в гангрену, покрыла шею, спину, верхнюю часть груди и поднималась по лицу, пузыря кожу на небритых щеках.

В разговорах мы избегали употребления этого мерзкого слова. «Гангрена». Это слово было сродни тому, другому слову, которое Альберт произнес, ворвавшись ночью в наш шалаш. Мы на старый манер пользовались выражением «антонов огонь».

Каждый раз он с нетерпением ждал открытия вентиля на скважине. Только ледяная вода могла избавить его от мучительной боли. Она смывала засохший корочкой гной, придавала ему сил. Мне удалось поймать тушканчика и накормить ученого вкусным мясом. После ужина он лег спать бодрым и улыбающимся.

4 апреля Альберт ослеп. Его глаза стали бесцветными. «Антонов огонь» покрыл все его тело, за исключением кистей рук.

После очередного ужина он попросил нас остаться у костра.

— Я решил остаться здесь, — сказал он. — Завтра я уже не смогу встать на ноги. Я уже стал обузой, которая замедляет ваш ход. Мой друг, — Альберт обратился ко мне, — я рад, что тебе, наконец, удалось освоить секстан. Я уверен, вы сможете выбраться отсюда. Также я уверен в том, что ты, мой друг, выдержишь данное мне обещание, — ученый, помимо своего рюкзака, протянул мне две пачки сигарет.

— Мы оставим скважину открытой на ночь и сделаем тебе небольшой пруд. Я уже выкопал под скважиной маленький бассейн, — сказал я.

— Спасибо. Это облегчит мои предсмертные мучения, — ответил Альберт. — Я попросил бы тебя, мой друг, нарубить мне кактуса, чтобы мне надолго хватило корса. Сильно мерзнут ноги.

— Конечно, Альберт. — Я оглядел округу. Кактусов здесь было много, и я взялся за работу.

Мы уходили, когда солнце было в зените. Так как наша остановка растянулась на три дня, пруд получился достаточно большим. Шириной в пятьдесят и длиной в семьдесят метров. Глубина местами доходила до двух метров.

— Я останусь с ним, — сказала Эльза, когда мы начали собираться.

Мы опешили и молча смотрели на нее. Она — на блаженствующего в воде Альберта. Девушка засучила рукав — на ее локте пылал «антонов огонь».

— Я осталась бы с ним, даже если бы была здорова. Идите. Кто-то должен достичь цели.

Я подошел к Альберту. Хотел пожать его руку, но он покачал головой. Из его слепых глаз текли крупные слезы.

— Счастлив, что знаком с тобой, — проговорил я.

Он кивнул.

— Взаимно. Береги Лиз. Видеть во сне распадающееся тело — к долгой болезни. Остерегайтесь заноз, плотно перевязывайте порезы и не заразитесь, — проговорил он. — И еще... Пожалуйста, оставь нам сигарету.

Я высыпал в ладонь Эльзы десяток сигарет. Она поблагодарила меня и поцеловала в щеку. Затем и Лиз.

Мы ушли на восток, держась за руки. Лучи раскаленного солнца грели наши спины.

Запах кожи портфеля, скрип подошвы новых ботинок, снова заветное «дзинь», извещающее о том, что лифт прибыл на требуемый этаж. Тарахтят принтеры, жужжат копировальные машины. Кто-то отлынивает от работы у автомата, пытаясь вернуть монету за только что выпитый кофе. Неплохо бы засучить рукава, прежде чем браться за работу. За эту работенку, которую ты, сукин сын, делаешь замечательно.

А потом дорога домой. Уже на площадке пахнет свежесваренным кофе. Соседка варит отличный кофе и виляет отменной попой. Замечательно бы познакомиться с ней и пригласить куда-нибудь. Скинуть ботинки и бросить плащ на кресло — это все, на что хватает сил. Плащ сполз на пол. Черт с ним!

Водяной матрац с массажным эффектом. Большой лохматый пес принес пищущий мячик. Можно лениво бросить его пару раз, а потом и вовсе метнуть под шкаф. Пес оставит тебя в покое — ближайшие пять-шесть часов у него бу-

дет другая цель. Ему предстоит грандиозный мозговой штурм. Кстати, пора бы уже придумать ему кличку. Не дело откликаться псу на «Эй, парень».

Семейная пара за стеной, в соседней квартире, выясняет отношения. Остается упрекнуть себя за экономию на звукоизоляции. Этот борнидонс так проникаем холодом и шумом... Пара переходит на битье посуды. Затем семейный скандал плавно перетекает в бурный секс.

Остывший кофе, сгоревшая яичница и великолепный бекон, заказанный по интернету, — так начинается очередное утро. Опять все сначала. Запах кожи портфеля, скрип новых ботинок, «дзинь» — шевелите задницами, ребята, пора браться за работу. Эй, лентяй, оставь в покое автомат, лучше постучи по своей пустой голове.

Все это составные части, вырезки большой аппликации — прежней, уже далекой жизни. Она забывается, вымывается из памяти, словно испарина со стекла. Можно миллионы раз зажмуриваться и открывать глаза в надежде, что все вернется. Но все напрасно. Ты взрослый мужчина и не веришь в сказки. «Спокойной ночи, малыши» ушел из эфира двадцать два года назад. Нынче даже двухлетний малыш может сообразить, что под столом сидит дяденька и шевелит куклой.

Это не сон. Можешь перестать себя щипать. Во-первых, это больно, во-вторых, ты выглядишь идиотом.

Есть бескрайняя пустыня, чертово солнце, шалаш, набор для бурения, снеикетч, мачете, карты и любимая женщина, вынашивающая твоего ребенка. Женщина, которую ты любишь.

Ах да, есть еще мифический Небесный Оазис, давно перешедший из категории «Цель» в категорию «Несбыточная мечта».

Май. Тридцать первое.

На ступнях Лиз — «антонов огонь», и вот уже шестой день я нес ее на руках. Мы продолжали свой путь. Я нес ее, а она что-то рассказывала и изредка целовала меня. Целовала мою шею, небритые щеки. Иногда плакала. В это время она была похожа на маленького херувима, спустившегося с небес.

Лучик надежды пробился в наши души, когда я открыл полезные свойства экстракта кактуса и змеиного яда, смешанных в соотношении три к одному. «Антонов огонь» распознал намного медленнее. Компресс ужасно пах, но такие мелочи не особо заботили нас. Лично меня больше беспокоили галлюцинации, мучавшие Лиз, едва я начал лечить ее новым способом.

Ей все время мерещатся улицы Столыпин-Сити, Небесный Оазис, охотящаяся стая волков, новогоднее обращение президента и много всякой другой ерунды.

4 июня мы остановились на ночлег там, где щебень переходил в траву. Мы радовались и пели. Лиз удалось встать на ноги и сделать несколько шагов. Запах травы, подорожника, луговых цветов — давно забытое тут же восстановилось в памяти. На ужин я поймал двух жаворонков. Пришлось пожертвовать справочником по лечебным травам. Из книги в твердом переплете получилась отличная ловушка.

Утром меня разбудила Лиз.

— Ян! Посмотри на это! — она была снаружи и дергала за штанину. Я приготовился констатировать очередную галлюцинацию. Для убедительности своих слов прихватил бинокль.

Взял на руки Лиз, и мы прошли путь, который она проползла, пока я спал. В двух сотнях метров от нашего костра начинался крутой склон. Лиз захотелось сесть, и я положил ее на траву. Приложил к глазам бинокль, настроил резкость и увидел шпиль. Еще один. Третий.

Я вновь подхватил Лиз на руки и побежал.

— Что там?! — прокричала Лиз.

— Это башни, Лиз, башни!

Через минуту нам открылось озеро. Деревья на берегу, помосты и флигели. Небольшой причал. Лодка едва уловила покачивалась на волнах. С гор, обступивших озеро полукругом, стекали шесть ручьев, истоки которых были увенчаны башнями. Живописный вид водопадов завораживал.

Я замедлил бег. Брюки стали мокрыми от росы, и в ботинках хлюпала вода.

Чем ближе мы подходили к озеру, тем неестественнее оно казалось. В нереальности того, что мы видели, я убедился, приблизившись вплотную... к огромной картине. Лянец блестел на солнце. Палец провалился в пустоту, проделав дырку. Затем рука до самого плеча. Я проделал большую дыру и переступил за картину. Меня встретил все тот же луг.

Немного левее я увидел здание, похожее на ангар. Такой, который можно увидеть на любом аэродроме.

Я вернулся за Лиз, взял ее на руки. Компресс выпал, но мы не обращали на это внимания. Распахнул дверь, и мы вошли в темноту.

Внезапная вспышка ослепила нас. Кто-то закрыл позади нас дверь. Когда зрение вернулось, мы увидели двух операторов, снимавших нас с разных ракурсов, сверху на нас надвигался кран с телекамерой. Зрители сидели на трибунах вокруг арены, в центре которой висели мониторы. На одном я увидел себя рвущим полотно. Другой монитор показывал, как в почти высохшей луже лежали два разлагающихся тела. На третьем Бадди хоронил трех китайцев.

Зал неистово аплодировал.

— У нас есть первые победители! — седоволосый мужчина с микрофоном в руке сильно смахивал на давно забытого Валдиса Пельша. На нем были превосходный смокинг и не менее превосходная бабочка. — Поприветствуем первых победителей реалити-шоу о выживании «Небесный Оазис» — Ян Робицки и Элизабет Кидман. Примечательно, что это произошло именно сегодня, когда население Луны достигло двухсот тысяч человек. Поздравляю вас! — Ведущий пожал нам руки. — Что вы чувствуете?

Клон Валдиса Пельша поднес к моему рту микрофон.

— Что?

— Что вы чувствуете? Вы теперь свободны. По условиям реалити-шоу, победители получают свободу и амнистируются. Скажете что-нибудь?

— Моя девушка... — Я взглянул на Лиз. — Она беременна... И заражена.

— Нам известно. В вашей скважине, робах и шалашах были установлены скрытые камеры. Семь спутников вели съемку из космоса. Вас уже ждут наши врачи и курс реабилитации.

Зал продолжал аплодировать стоя. Ведущий вел нас к середине арены.

— 2914 дней прошло с тех пор, как я под видом умирающего старика вручил одному из участников группы карту и рассказал о Небесном Оазисе. Как и участникам остальных групп. Три миллиарда шестьсот миллионов человек со всех уголков планеты, Луны, с орбитальных станций следили за вашей судьбой последние восемь лет. По итогам опросов — вы самые популярные участники проекта.

— Так все снимали? — наконец, что-то смогла произнести Лиз.

— Да! Да!!! Дорогая Лиз Кидман! — ведущий, словно проповедник баптисткой церкви, дирижирующий хором, размахивал руками. Для полного антуража не хватало только выкриков «Аллилуйя».

Лиз упала в обморок. На арену выкатили носилки. Я уложил на них Лиз. Ее лицо накрыли кислородной маской. Один из врачей спешно сделал ей по уколу в каждую икроножную мышцу. Носилки укатили с арены. Я вместе с операторами проследовал за врачами. За кулисами меня тоже уложили на носилки. У изголовья Лиз ставили капельницу. Я взял ее за руку. В ее ладони был зажат игрушечный поросенок. Она пришла в себя, посмотрела на меня и улыбнулась.

На арене продолжал вопить ведущий.

Я закрыл глаза. Сильнее сжал ладонь Лиз, словно боясь потерять ее. Наверное, она, как и я, думала о том, что дорога к солнцу когда-то казалась нам не просто долгой, а мучительно бесконечной.

СКОТНЫЙ ДВОР

Молодой хряк Борька сунул рыло в корыто с помоями, вяло чавкнул пару раз и отвернулся.

— Ты чего? — удивился кормившийся рядом Федька. Он был самым толстым во всем свинарнике, и поэтому все свиньи его уважали и считали паханом.

— Надоело... — нехотя ответил Борька.

— Помои надоели?! — Федька от удивления даже перестал жевать. — Ты что, с ума сошел? Разве может быть что-нибудь лучше помоев?

— Да нет, не помои. Вообще все надоело! Вся эта свинская жизнь! Ну, подумай сам: живем в хлеву, питаемся отбросами, кроме скотного двора вообще ничего не видим! Вот ты, Федька, к примеру, знаешь, зачем ты живешь?

— Конечно! Я живу, чтобы сожрать как можно больше помоев!

— Ну, а кроме этого?

— Кроме? Ну, еще свеклу, репу, отруби... К примеру, я сегодня залез в кормушку к Буренке и сожрал здоровенный кусок комбикорма.

— Да нет, я не об этом! Я никак не могу понять, для чего нужно постоянно все жрать, хапать, воровать, отнимать у других? У той же Буренки, к примеру?

— Как для чего? Чтобы разжиреть и стать крутым!

— Ну, хорошо, а дальше что? Допустим, ты разжирел и стал самым крутым! Однако и тебя, и меня, и Шустрика, который в два раза худее тебя, все равно всех нас ждет одно — мясокомбинат!

— Ну, положим, на мясокомбинат еще не завтра. И вообще я не люблю эти разговоры.

Федька замолчал на несколько секунд, еще раз нюхнул помои и продолжил:

— А вообще, если хочешь знать, я не боюсь мясокомбината! Да, не боюсь. Порядочной свинье не нужно его бояться! Говорят, что там хорошо, там целые реки помоев! Можно прямо с копытами залезать в эти помои и лежать в них... А как ты думаешь, Борька, есть там желуди? Я все мечтаю желуди попробовать! Говорят, вкус просто божественный!

— Трудно сказать, что там есть, на этом мясокомбинате, оттуда еще никто не возвращался! Я только слышал, как Шарик говорил, что там со свиней сдирают шкуру и делают из них колбасу!

— Нашел кого слушать! Этот Шарик — известный брехун! Это он от зависти! Ты посмотри на него: кожа да кости. Впрочем, оно и не удивительно: жизнь-то у него, прямо скажем, собачья. Кормят впроголодь, держат на цепи да еще заставляют наш свинарник охранять! Вот он и придумывает всякие небылицы! — Федька возмущенно хрюкнул и повернулся к своему корыту.

— Нет, ну подумай сам, — все никак не мог успокоиться Борька, — для чего мы, свиньи, живем? Шарик дом охраняет, куры яйца несут, коровы дают молоко, которое нам иногда подливают в помои. Нас кормят, чистят, за нами убирают, а мы только жрем да загаживаем окружающую среду!

— Странный ты какой-то, Борька! Ты посмотри на Степана: он кормит, поит нас, чистит, убирает за нами дерьмо, а ты думаешь, он знает, зачем он это делает? Просто таков порядок вещей, вот и все!

— Но почему, почему он именно таков, этот «порядок вещей»?

— Да потому что мы, свиньи, — существа высшего порядка, это же ясно, как день!

— Слушай, Федька, я вот все думаю, а может, его и вовсе нет?!

— Кого?

— Ну, этого, мясокомбината! Может быть, это все только одни выдумки!

— Вот те раз! А что же тогда есть?

— А ничего и нет! Вообще ничего! Только мрак и пустота!

— Ну, это ты, Борька, того! Слишком хватил! Да как только такое тебе в голову могло придти! Ты, пожалуй, еще хуже Шарика! Надо же до такого додуматься! Да ведь если нет мясокомбината, то и вся наша свинская жизнь не имеет никакого смысла!

— Вот и я о том же!

Подошел фермер Степан, подлил в корыто еще помоев, ласково похлопал Федьку по жирному боку и проговорил:

— Ну, Федор, ты и разжирел! Пора тебе на мясокомбинат! Завтра, пожалуй, и отвезу!

Затем перевел взгляд на отвернувшегося от кормушки соседа и скептически хмыкнул.

— А ты, Борька, чего помои не жрешь? Не нравится? Худой, как велосипед! Ладно, погуляй еще пару недель, а там...

И тут слова застряли у Степана в горле, в глазах скотины он вдруг увидел такую смертную тоску, что ему на мгновение показалось, что хряк понимает его слова. Человек и свинья несколько секунд, не отрываясь, смотрели в глаза друг другу. Наконец, Степан не выдержал и отвернулся.

— Фу ты черт, померещится же такое! — пробормотал фермер и вытер пот со лба тыльной стороной ладони...

Борька Лужин проснулся и, сев на кровати, тупо таращился в темноту.

— Так, — пробормотал он — значит еще две недели...

О том, что ждет его по истечении этих двух недель, думать не хотелось.

Он встал, подошел к комоду и посмотрел на часы — три часа. Этот странный сон про свинарник снился ему почти каждую ночь, и каждый раз он просыпался в холодном поту. Но сегодня впервые был назван конкретный срок — две недели!

На работе Лужин долго не мог сосредоточиться, из головы не шел проклятый сон. Его друг Федька Стеклов, напротив, был весел и просто лучился от счастья. Когда они вышли покурить, он, наконец, поделился с Борисом своей радостью.

— Машину покупаю! — сообщил он. — «Лексус», полный привод, коробка — автомат, все дела!

— Постой, так у тебя же вроде есть машина, БМВ, совсем новая, в прошлом году купил!

— Ну и что? На ней будет жена ездить!

Надо сказать, что в последнее время Стеклов очень сильно поднялся, купил 4-комнатную квартиру в элитном доме, начал строить дачу, а теперь еще и вторая машина. Поговаривали, что он берет крупные откаты с поставщиков, но точно никто ничего не знал, даже его друг Борька.

— А когда? — спросил Лужин.

— Завтра поеду, я уже и отгул взял!

— Завтра? Слушай, ты там поосторожнее... — посоветовал Борька.

— Не бойся, меня не надуют, я сам кого хочешь...

— Да я не в этом смысле! — смутился Лужин. — Я так, вообще!

На следующий день у Лужина должен был состояться деловой обед с поставщиком электрооборудования Кириллом Алексеевичем Конюховым.

Поставщик пришел в ресторан не один, а с молодой красивой девушкой в очень короткой юбке.

— Эльвира, мой референт, — представил Конюхов свою спутницу. — Вы не против, если она будет присутствовать на наших переговорах?

Борька был не против. Дело в том, что он вообще начал плохо соображать с того момента, как увидел длинные и стройные ноги девушки. Он просто глаз не мог оторвать от них, во всяком случае до тех пор, пока она не села за стол и не спрятала под него свои ровные круглые колени.

В японском ресторане Лужин оказался впервые и поэтому немного смутился, увидев, что вместо вилки ему подали бамбуковые палочки.

— О васаби! Как я люблю васаби! — воскликнула Эльвира, когда официант стал расставлять на столе небольшие тарелки с густой коричневой жидкостью. — А вы Борис, вы любите васаби?

— Не знаю, я не пробовал! — честно признался Лужин.

— Вы обязательно должны попробовать! Это просто божественно! Все очень просто — надо взять палочками ролл и окунуть в соус, вот так, смотрите!

Борька попытался повторить сделанный девушкой трюк и, конечно же, утопил рисовый цилиндрок в тарелке с соусом.

— Давайте я вам помогу! — пришла на помощь Эльвира. Она ловко выудила ролл и поднесла ко рту Бориса. — Кушайте!

— Итак, что мы вам предлагаем, — начал между тем деловую часть ужина Конюхов. — Кабель, розетки, щитки, короче полный комплект, плюс к тому...

Он не успел закончить фразу, у него в кармане заиграл полонез Огинского. Извинившись, он вытащил мобильник и встал из-за стола.

— К сожалению, Борис Иванович, мне придется вас покинуть, — сказал он, вернувшись через минуту, — Произошла авария! Но вы можете продолжить переговоры с Элей, она полостью в теме и я доверяю ей, как самому себе!

— Ну что, продолжим переговоры? — спросила Эля, когда они остались вдвоем.

— Продолжим! — согласился Борька.

— Скажите, Борис, вы верите в реинкарнацию?

— Что? — Лужину вопрос показался настолько неожиданным, что он даже вздрогнул, и капля соуса упала на лацкан его пиджака.

— Реинкарнация, переселение душ, буддизм... — пояснила девушка.

— Вы, наверное, намекаете на то, что я в прошлой жизни был свиньей? — попытался пошутить Борька, вытирая салфеткой злополучную каплю.

Эля звонко рассмеялась, показав ровные белые зубы.

— Мне нравится ваше чувство юмора, — проговорила она, отсмеявшись. — И все-таки, если серьезно?

— А если серьезно, то, по-моему, говорить о реинкарнации просто не имеет смысла. Ведь насколько я понимаю, при переходе в новую жизнь вся информация о прежней жизни стирается? Так?

Девушка молча кивнула.

— Но ведь эта информация и есть мое я! Если ее стереть, то, что же тогда реинкарнирует? Не знаю что, но уж во всяком случае не я!

— Пойдите, но ведь человек каждый день запоминает кучу разной ерунды и почти столько же забывает. Если сравнить содержимое вашего мозга, скажем, в пятилетнем возрасте и сейчас, то сами понимаете...

— Я уже думал об этом. Мне кажется, все дело в том, что информация бывает разной. Одно дело информация о том, какая сегодня погода или по каким ценам вы продаете свое оборудование. Такая информация легко усваивается и легко забывается. Но есть системная информация, которая собственно и образует уникальную личность, она запрятана глубоко, и стереть ее очень трудно...

У Лужина в кармане завибрировал телефон, он извинился и приложил аппарат к уху. Звонила жена Федьки Стеклова, сквозь всхлипывания и сморкание она сообщила, что у ее мужа отобрали машину, а самого избили и теперь он в реанимации.

— Ты бы съездил в больницу, он очень просил! Правда, к нему не пускают, но я договорилась — тебя пустят!

— Извините, у меня друг попал в больницу, я должен идти! — сказал Борька, убирая трубку в карман.

— Да, конечно, идите! — ответила Эльвира. — Но я надеюсь, мы еще продолжим наш разговор? Я вам позвоню!

— Да, разумеется! — сказал Лужин, поднимаясь из-за стола. — Буду ждать вашего звонка! С нетерпением!

Стеклов лежал на кровати, весь опутанный прозрачными трубками, с забинтованной головой и синяками вокруг глаз. Но, увидев Лужина, он сразу ожил, улыбнулся и тут же принялся рассказывать о своих приключениях.

— Прикинь, взял я машину, все нормально, возвращаюсь в Москву, настроение отличное, и вижу: на обочине девушка голосует. А девушка, надо сказать, очень даже — юбка короткая, а ноги длинные, красивые, короче, мимо не проедешь. Я даже из машины вышел, галантность проявил, старый козел! Дверь ей открыл, легонько так под локоток усаживаю на переднее сидение, а сам все на ее ноги таращусь, просто глаз оторвать не могу! И тут краем глаза замечаю, как из кустов выходят два бугая. Глянул я на их морды, и мне как-то сразу нехорошо стало. А еще я заметил у одного из них в руках монтировку. Ну, думаю дело совсем худо!

— У вас какие-то проблемы, ребята? — спрашиваю.

— Это у тебя сейчас проблемы будут, петух щипаный! — отвечает бугай, тот, что повыше ростом, а сам монтировку в правую руку переключивает. — Ты куда нашу соску везти собрался?

— Я никуда, — отвечаю. — Это ошибка! Просто девушка попросила...

Этот дебил мне даже договорить не дал, как вмажет со всей дури по башке! Я инстинктивно дернулся, и поэтому удар скользящий получился, а если бы он мне прямо в лоб засветил, как метил, я бы сейчас с тобой не разговаривал! Доктор так и сказал: «Вам Стеклов очень крупно повезло!»

«Да уж повезло, ничего не скажешь!» — подумал Лужин, глядя на опутанное трубками и проводами Федькино тело.

— И знаешь что самое странное? — продолжал между тем болтать Федька. — Я вот все пытаюсь вспомнить лицо этой девушки и никак не могу! Перед глазами только ее ноги! Да, кстати, я хотел спросить у тебя одну вещь, только ты мне обещай, что скажешь правду!

— Конечно! Какой смысл мне врать! — заверил Борька.

— Вчера, когда ты мне говорил, чтобы я был осторожнее, ты что имел в виду? Ты что-то знал?

— Нет, откуда? Я просто так вообще, — ответил Лужин. — Машина дорогая, вот я и подумал...

Тут дверь открылась, и в палату вошел врач с рентгеновским снимком в руках.

— Вы, Стеклов, просто в рубашке родились! — сказал он, разглядывая на свет негатив. — Всего-навсего небольшая трещина в черепе да пара переломов! Я думаю, дня через два мы вас переведем в обычную палату...

По дороге домой Лужин пытался вспомнить лицо Эльвиры, но как ни старался, так и не смог.

Сегодня вкус помоев показался ему особенно мерзким.

«Черт знает, какой дрянью нас кормят! — подумал Борька. — Они что думают, если мы свиньи, то нам можно давать отбросы? И запах какой-то странный! На что же это похоже? Васоби? Стоп! Откуда я знаю это слово?»

На несколько секунд этот вопрос парализовал Борькин мозг, но, сколько он ни напрягал память, так ничего и не вспомнил. Есть окончательно расхотелось, и он вышел из свинарника.

Возле будки, подставив пузо весеннему солнышку, лежал Шарик. Завидев Борьку, он приветственно гавкнул и тут же поделился с ним новостью:

— Слышал, дружка твоего, Федьку, сегодня на мясокомбинат увезли?

— Не может быть! Я же только вчера с ним... вот, как с тобой... Когда?

— В шесть часов, пока все спали. Степан подогнал фургон, погрузил и увез. Сейчас из него уже, наверное, колбасу делают или сосиски. И до чего же вы, свиньи, глупые! Глупые и жадные, вам бы только хапать и жрать, хапать и жрать! И никому даже в голову не придет, что чем больше он будет жрать, тем скорее попадет на мясокомбинат! Хотя, с другой стороны, если даже и не хапать, все равно мясокомбината никому из вас не миновать. Жизненный путь свиньи predetermined с самого ее рождения!

— Да погоди ты со своей философией! — перебил пса Борька. — С чего ты решил, что Федьку отправили на мясокомбинат? Может быть, он заболел, и Степан повез его к ветеринару?

— Ну да как же, заболел, такой здоровый кабан! И потом я своими ушами слышал, как Степан сказал жене, что повезет Федьку на мясокомбинат. Надо думать, что следующий на очереди ты!

— Я? — переспросил потрясенный Борька. — С чего ты взял?

В ответ Шарик как-то странно посмотрел на Лужина, положил лапу ему на плечо и принялся трясти его приговаривая: «Проснись! Да проснись же ты, кабан!»

— А? Что? — проговорил Борька, открывая глаза и оглядываясь по сторонам. Он лежал в своей постели, было темно, и за плечо его трясла Вера, его жена.

— Что случилось? — повторил он. — Где кабан?

— Ты кабан! — ответила жена. — Храпишь, так что стены дрожат! Повернись на другой бок!

В коридоре Борьку остановил шеф.

— Зайди ко мне на минутку, — попросил он.

В кабинете директор молча достал из сейфа бутылку коньяка и две пузатые рюмки.

— За Федьку Стеклова, не чокаясь! — сказал он, разливая коричневую жидкость в бокалы.

— Пойдите, как? Я же только вчера с ним разговаривал! Он уже на поправку пошел, врач сказал... Когда?

— Сегодня утром, в 6 часов. Звонила его жена, теперь уже, конечно, вдова. У них там, в больнице, какая-то авария произошла, электричество отключили, а все спали. Короче, система искусственной вентиляции легких...

— Но ведь она же должна подключаться через источник бесперебойного питания!

— Был там бесперебойник, только у него аккумулятор сдох... да что теперь рассуждать, человека-то не вернешь!

Борька выпил коньяк и закусил долькой лимона.

— Я тебя вот зачем позвал, — продолжил между тем шеф. — Думаю Федькиных клиентов тебе передать. Сам понимаешь — это же золотое дно! Ко мне сегодня уже двое подходили, просили. Но ведь Стеклов был твоим другом, так что, я думаю, будет правильно, если его клиентуру унаследуешь ты. Надеюсь, ты меня не подведешь. Так что иди, забирай бумаги, какие у него в столе остались, ну и в компьютере порыйся, может, найдешь что полезное...

В компьютере ничего интересного найти не удалось, в основном попадались счета, договоры и накладные вперемешку с порнофайлами. А когда он начал рыться в столе, то неожиданно наткнулся на ксерокопию статьи из какого-то научно-популярного журнала:

«...Червь-паразит заставляет кузнечиков совершать самоубийство при помощи специальных белков, утверждают в своем исследовании французские ученые.

Личинка паразитирующего червя-волосатика *Spinochordodes tellinii* развивается внутри кузнечиков и сверчков до тех пор, пока не приходит время превращаться во взрослого водяного червя.

Определенным образом волосатик «промывает мозги» своему хозяину, заставляя его вести себя так, как нормальный кузнечик себя бы никогда не повел, а именно искать водоем и бросаться в него, сообщает *New Scientist*.

Оказавшись в воде, созревший червь, который, если его вытянуть в длину, в 3-4 раза превышает размеры хозяина, выбирается наружу и уплывает спариваться, оставляя хозяина умирать в воде...»

Борька собирался домой и убирал мусор, накопившийся за день на рабочем столе, когда позвонила Эльвира.

— Вы обещали продолжить наш разговор о реинкарнации! — напомнила девушка мягким и чуть хрипловатым голосом.

— Я даже не знаю, — смущено пробормотал Борька. — Сегодня, наверное, уже поздно!

— Всего нет! — возразила Эльвира. — Еще только шесть часов! Я приготовила утку по-пекински. Так что бросайте все свои дела и приезжайте. Пишите адрес!

Звонок не работал. Борька постучал — никто не ответил, тогда он постучал сильнее, и дверь медленно распахнулась. Он вошел, где-то в глубине квартиры, очевидно, в ванной, слышался шум льющейся воды.

— Борис это вы? — произнес голос Эльвиры. — Закройте дверь на щеколду и проходите в комнату, я сейчас! Пока посмотрите журналы, не сучайте!

Борька сел на диван и взял один из лежавших на столике журналов. С обложки на него черными бусинками глаз смотрела огромная серая крыса. Статья называлась «Крысы — зомби».

«...Уже несколько лет назад было показано, что присутствие *Toxoplasma gondii* в организме крыс меняет их поведение — запах кошачьей мочи начинает нравиться грызунам вместо того, чтобы вызывать у них страх. Недавно ученые выяснили, что паразит поражает крысиный мозг с хирургической точностью, затрагивая только нужные участки.

Исследователи из Стэнфордского университета во главе с Аджайем Вийас, изучая распределение токсоплазм в мозгу инфицированных крыс, установили, что их концентрация в миндалинах в два раза больше, чем в других отделах мозга. Эти парные структуры подкорки играют важную роль в механизмах эмоций, интеграции сенсорной и ассоциативной информации.

Очевидно, каким-то образом вмешиваясь в работу миндалин, токсоплазмы изменяют поведение промежуточных хозяев так, что у крыс сохраняется способность нормально воспринимать все запахи, кроме запаха кошки, и все обычные инстинкты, в том числе позволяющие избегать опасности, — за исключением опасности быть съеденным кошкой.

Механизм такого специфического действия токсоплазмы неизвестен, но повышенная концентрация токсоплазмы в миндалинах и самоубийственное поведение грызунов, скорее всего, как-то связаны между собой.

На наличие токсоплазмы проверили людей, попавших в автомобильные аварии. Зараженные токсоплазмой люди в два раза чаще попадали в аварии, чем те, в мозгу которых не было обнаружено паразитов...»

Борька так увлекся, что не заметил, как Эльвира вышла из ванной.

— Вот и я! — услышал он нежный слегка глуховатый голос и поднял голову. Девушка стояла перед ним свежая, розовая, в белом махровом халате без пуговиц, с поясом, завязанным на животе узлом.

— Извините, я зачитался, — сказал Борька, откладывая журнал в сторону — Статья интересная!

— Утка будет скоро готова, — сказала Эльвира, усаживаясь рядом с ним на диван и обдавая его ароматом каких-то гелей, шампуней и Бог знает чего еще. — А вы, мне кажется, чем-то расстроены? У вас такое лицо!

— Помните, вчера, когда я уходил, я сказал, что иду к другу в больницу?

— Да конечно!

— Так вот сегодня я узнал, что он умер! Какой-то отморозок ударил его со всей дури монтировкой по голове, другой раздолбай забыл поменять аккумуляторы в системе искусственной вентиляции легких, а третий отключил больницу от электричества в 6 часов утра! И человека больше нет!

— Вы знаете, Борис, очень давно античные философы Платон, Сократ и другие считали, что все предметы нашего материального мира лишь проекции, как бы тени неких идеальных предметов из идеального мира. К примеру, вот этот стол является проекцией некоего идеального стола, и кривой он не потому, что его делал пьяный столяр, а потому что проекция всегда искажает исходный объект! Какая-то больше, а какая-то меньше. И вообще весь наш мир это проекция некоего идеального мира, точнее одна из проекций. И таких проекций много, возможно, бесконечное количество, и ни одна из них не идеальна. Нам остается только смириться с тем, что мы живем не в идеальном мире. Вот посмотрите на меня! — Эльвира развязала пояс и сбросила халат на пол. — Я всего лишь проекция, бледная тень некой идеальной женщины Эльвиры!

— Вы не проекция, — проговорил Борька не в силах оторвать глаз от девушки. — Вы идеал!

— Вы, правда, так думаете? Тогда давайте потанцуем!

Эльвира включила музыку, подошла к Лужину и положила руки ему на плечи.

Что произошло дальше, Борька помнил плохо. Мощный поток энергии пронзил его тело, голова у него закружилась, и ему показалось, что земля больше не удерживает его, и он парит в воздухе...

...Очнулся он на полу, на паласе, голый. Рядом лежала Эльвира, также голая, и спокойно смотрела на него.

— Я что, уснул? — спросил он.

— Ты был такой смешной! — сказала девушка и улыбнулась.

— Тогда я пойду?

— Иди! — сказала Эльвира.

Борька встал и принялся собирать одежду, разбросанную по полу.

— Кстати, имей в виду, если контракт будет подписан, то 9 процентов твои! — напомнила Эльвира.

— Какие девять процентов? — Борька замер с трусами в руках.

— Обычные комиссионные. Да тут нет ничего особенного, все так делают!

«Вот черт! — думал Лужин, возвращаясь домой на своей старенькой «Мазде». — Все-таки эта Эльвира просто... А тут еще эти 9 процентов...»

Машин было мало, он слегка прибавил скорость и принялся вычислять, сколько составит 9 процентов от суммы контракта. И в этот момент впереди совсем близко, метрах в тридцати, неожиданно вспыхнул яркий свет. Борька инстинктивно дернул руль влево, пересек двойную сплошную и выскочил на встречную. И тут он увидел, что прямо на него несется огромный трейлер. Он успел разглядеть перекошенное лицо и белые от страха глаза шофера. Раздался беззвучный удар, Борьку подняло с сиденья и мягко потащило вперед.

«Ну, вот и все!» — подумал он, и сознание его померкло.

Придя в себя, он увидел, что сидит на песке, на берегу какого-то водоема (реки?) и над этой рекой расстилается густой белый туман. Боли не было, напротив, во всем теле ощущалась удивительная легкость, казалось, стоит только посильней оттолкнуться, и можно будет без труда взлететь над землей. Он встал на ноги и огляделся, но ничего, кроме тумана, не увидел, только невдалеке, шагах в десяти, темнело нечто похожее на корягу. Подойдя ближе, он понял, что ошибся, — это была не коряга, а лодка, привязанная к берегу, и в лодке сидел человек в черном плаще с капюшоном.

— Добрый день! — поздоровался Борька.

Незнакомец ничего не ответил, а только повернул в его сторону голову. Лица его Лужин не разглядел, мешал капюшон, да и туман казалось, стал еще гуще.

— Извините, вы не подскажете, как добраться до города? — спросил Борька.

— Город на той стороне, — ответил лодочник глухим, несколько хриплым голосом.

— Еще раз извините, а вы не могли бы меня туда отвезти?

— Мог бы, — согласился человек в плаще. — Собственно говоря, для этого я здесь и сижу. Только сначала ты должен мне заплатить!

— Да, конечно, сейчас... — смущенно пробормотал Лужин и принялся рыться в карманах, но, к своему удивлению, ничего там не нашел, кроме старого чека из супермаркета.

— Вы знаете, у меня нет денег, как оказалось...

— А ты поищи во рту... — дал идиотский совет перевозчик.

Борька улыбнулся, как бы давая понять, что он оценил шутку, и в этот момент почувствовал, что ему и в самом деле что-то мешает. Он пошарил языком за щекой и нащупал нечто круглое. Он выплюнул мешавший предмет себе на ладонь — это оказалась небольшая медная монета странной формы, очевидно старинная, во всяком случае раньше ничего подобного ему видеть не приходилось.

— Этого хватит? — спросил он и протянул денежку перевозчику.

— Вполне! — ответил тот, пряча заработок в складках своего необъятного плаща. — Садись на корму.

Лужин залез в лодку, и перевозчик, взяв в руки длинное весло, оттолкнул лодку прочь. И в тот же момент берег скрылся в тумане.

«Как он определяет, куда плыть? — думал Борька, глядя, как человек в плаще уверенно орудует веслом. — Ведь ничего же не видно!».

— А мы не заблудимся в таком тумане? — спросил он. — Может быть, лучше было бы подождать?

— Бесплезно, — ответил лодочник. — Здесь всегда туман.

— Скажите, а до города далеко?

— Не близко!

— А вообще что это за город?

— Город как город. Мэрия, почта, две школы, мясокомбинат!

— Что? Мясокомбинат? — нервно переспросил Лужин. — Пойдите! Я не хочу на мясокомбинат! Остановите лодку!

Но человек в плаще продолжал грести, словно не слыша Лужина.

— Да остановите вы, наконец, лодку! — закричал Борька. Его вдруг охватила паника, он вскочил, чтобы отобрать у лодочника весло, но лодка закачалась у него под ногами, он потерял равновесие и полетел в реку. Ледяная вода обожгла его тело, и он проснулся.

Он лежал на полу, на паласе, голый. Окно было открыто, и от холодного ночного воздуха все тело его покрылось мурашками. Рядом лежала Эльвира, также голая, и смотрела на него с беспокойством.

— Ты так кричал! Тебе что, кошмар приснился? — спросила она.

— Ты знаешь, приснилось, будто бы я разбился на машине! — ответил Борька. — Такой бред!

— Хочешь, я тебе такси вызову?

— Нет, спасибо, не надо! Я сам прекрасно доеду! Не обращай внимания, это всего лишь глупый сон!

До дома Борька добрался без приключений, только на выезде с кольца его остановил гаишник, проверил документы, аптечку, огнетушитель и, грустно вздохнув, отпустил.

Шарик лежал возле своей будки и увлеченно грыз здоровенный масол, когда Борька подошел к нему и спросил:

— Слушай, а с чего ты решил, что я следующий?

— Интуиция, — коротко ответил Шарик, недовольный, что его оторвали от любимого занятия. — Я слишком долго живу на этом свете! Знаешь, сколько свиней я проводил в последний путь?

— И что же мне теперь делать? — растерянно проговорил Борька,

— Не знаю! Хотя если честно, то я бы на твоём месте сбежал. Ведь тебя же не держат на цепи, как меня!

— Но как? Забор высокий, калитка заперта!

— Можно сделать подкоп! Вон у тебя какое рыло — только землю копать! Я знаю на заднем дворе очень удобное место, там кусты растут около самого забора, копай, сколько влезет, никто и не заметит! Идем, я тебе покажу!

Место и в самом деле оказалось расположено довольно удачно — со стороны дома его прикрывали кусты смородины, да и с дороги трудно было что-либо разглядеть.

— Ну, давай копай! — сказал Шарик.

Борька нерешительно ковырнул землю копытом.

— Нет, ты не так! Ты рылом давай!

Часа через три изнурительного труда подкоп был практически готов, и пришло время его испытывать. И тут Борька к своему удивлению понял, — он понятия не имеет, что будет делать, когда покинет свинарник.

— Слушай Шарик, а куда мне идти? — спросил он. — И что я буду есть? Здесь меня, по крайней мере, кормят два раза в день!

— Здесь тебя кормят на убой! Нет, ты меня просто поражаешь — тебя самого собираются сожрать, а ты спрашиваешь, что ты будешь есть! Найдешь что-нибудь! Пойдешь в лес, говорят, там всегда можно чем-то поживиться: ягоды, грибы, корешки, желуди, наконец! Ты же свинья, ты можешь есть все что угодно! Ну что ты стоишь? Лезь, давай пока Степан тебя не хватился!

Борька сунул в подкоп голову, затем начал протискивать тело и вдруг понял, что он застрял.

— Ну, что ты остановился? — спросил Шарик. — Лезь дальше!

— Не могу, — ответил Борька.

— Ты что, застрял?

— Наверное!

— Тогда давай назад!

— Назад тоже не получается, я пробовал!

— Все из-за того, что ты слишком много ешь! — с упреком сказал Шарик. — Я же тебя предупреждал, что обжорство до добра не доведет! Если Степан тебя здесь застукает, он тебя сразу отправит на мясокомбинат!

Борьке сделалось страшно, он забил копытами, пытаясь выбраться из лаза, и проснулся. За окном брезжил хмурый осенний рассвет, часы показывали восемь, пора было вставать и собираться на работу.

«Сегодня поеду на метро», — подумал он, заваривая себе чай прямо в кружку.

В метро было очень шумно и полно людей. Лужин уже давно не пользовался общественным транспортом и, когда подошел поезд, немного сплеховал — непроизвольно пропустил вперед толстую бабку с сумкой-тележкой. В результате двери вагона захлопнулись перед самым его носом. Но зато теперь он оказался в первом ряду и уж в следующий поезд точно должен был попасть.

Он глянул под ноги и его оптимизм мгновенно улетучился — он стоял на самом краю платформы буквально в двадцати сантиметрах от кромки. Стоило кому-нибудь сзади нечаянно толкнуть его или даже просто надавить чуть сильнее, и он полетит туда, на рельсы, а там 500 вольт, и поезд уже вот-вот должен подойти. Борька почувствовал, как все тело его покрывается холодным потом. Он попытался хотя бы немного отодвинуться от края, но безуспешно — пассажиры за его спиной стояли насмерть.

Наконец поезд с жутким грохотом подкатил к платформе, и тут произошло что-то странное: послышались крики, визг, толпа отхлынула от платформы, и в образовавшейся пропелсине Лужин увидел мужчину лежащего на мраморном полу ничком. Голова его была повернута набок, и возле нее уже начала образовываться маленькая красная лужица.

— Слишком близко к краю стоял, — услышал Борька у себя за спиной сочувственный женский голос. — Вот его и зацепило зеркалом заднего вида! Да так нехорошо, прямо по виску!

Откуда-то появились носилки, и санитары принялись осторожно перемещать на них неподвижное тело.

Лужину сделалось дурно, он с трудом протиснулся сквозь толпу и бросился бегом к выходу из метро.

— Что случилось? — спросила жена, открывая дверь. — Забыл что-нибудь?

— Да, нет! Просто вдруг что-то нехорошо стало! — ответил Борька, неопределенно махнув рукой. — Ничего страшного!

— Может, врача вызвать? — предложила жена.

— Нет, не надо! Ты лучше моему шефу позвони, скажи, что я заболел и сегодня не приду! А я пока на диване полежу, и все пройдет!

Изображать больного, лежа на диване, было скучно, и Борька включил телевизор.

«...В свою очередь РИА Новости, ссылаясь на представителя управления информации и общественных связей ГУВД Москвы, сообщают, что около 07:20 на рельсы на станции «Курская» Кольцевой линии упал мужчина, — красивая дикторша в строгом костюме переложила страницу. — Спасти упавшего не удалось. Для извлечения тела погибшего движение поездов прерывалось на 27 минут. Причины происшествия выясняются. К 08:30 движение поездов по Кольцевой линии в обоих направлениях удалось восстановить...»

Лужин почувствовал, что глаза у него заволакивает тугая белая пелена. Он выключил телевизор, повернулся на бок и как-то на удивление быстро провалился в липкий тягучий сон...

...Он все еще продолжал барахтаться в черной ледяной воде и, что самое ужасное, со всех сторон его окружал туман, и было совершенно непонятно, куда плыть. А силы, казалось, уже начали покидать его.

— Помогите! — крикнул он и увидел, как из тумана навстречу ему выдвигается весло. Борька вцепился в него мертвой хваткой и какая-то неведомая, но явно нечеловеческая сила втащила его в лодку.

— Спасибо! — поблагодарил он своего спасителя. — Только я вас очень прошу, давайте повернем лодку! Я не хочу на мясокомбинат!

— Поздно, — ответил перевозчик. — Мы уже прибыли!

Борька поднял голову и увидел медленно выплывающие из тумана железные ворота, над которыми белой масляной краской было написано: «Бойня № 6».

— Стойте, я не хочу на бойню! — закричал Борька. — Мне еще рано! Я и не жил совсем!

Но человек в плаще словно не слышал его и продолжал молча орудовать веслом.

Ворота открылись, и лодка медленно двинулась по направлению к ним...

ПАФНУТИЧ

Пафнутич расположился на веранде, удобно развалившись в кресле-качалке, в котором умер почти двадцать лет назад. Вытянув уставшие за день ноги и уместив их на маленькой скамеечке, старик поплотнее завернулся в плед, и, сонно щурясь, смотрел на сплошную стену леса, подступившую к самой избушке.

Стояла осень, ещё тёплая и влажная, пёстрая, с лёгкой прохладой по утрам, с густыми ночными туманами и дневным птичьим щебетом. Последние солнечные деньки Пафнутич ловил жадно, усаживался каждый вечер в любимое кресло и наблюдал за закатной игрой солнечного лучика, с трудом добирающегося сквозь пока ещё густую листву к резным перилам веранды. Не сфальшивит ли? Не сделает ли неверное па в своём безмолвном танце? Не сдует ли его внезапный осенний ветер, нагнавший бог весть откуда рваных облаков?

Сегодня всё обошлось. Яркий солнечный день каким начался, таким и растворился в вечернем лесу.

Старик благодарно закрыл глаза, с удовольствием чувствуя, как ароматный воздух леса, вырвавшийся на ночной простор, приятно шевелит седые волосы на его голове, жёсткую зелёную шерсть на вытянутых ногах, пробегает щекотливой волной вдоль длинного хвоста.

Своё посмертное превращение Пафнутич принял с удовольствием. То, что теперь в нём обитало два существа, его несколько не раздражало, ведь его второй половиной стал самый что ни на есть закадычный приятель Лерон, бессмертный камышовый кот, смотритель Разлома.

Если бы это было нужно, то наверняка были бы сложены поучительные легенды о суровой мужской дружбе, не дрогнувшей перед лицом смерти, а победившей её, о самопожертвовании во имя друга и прочей романтической ерунде. Но кому нужны эти сказки? Кто их будет слушать, если на многие километры вокруг простирается только бескрайний лес? Если об этих местах кто и знает, то только жители ближайших деревень да топологи, составляющие карты.

Пафнутичу было обидно.

Обидно потому, что сказка была бы красивой, настоящей и непростой. Ведь чтобы всё произошло именно так, как произошло, потребовался труд самых близких его друзей — ведьмы Епистимы и кота Лерона. Лерон пожертвовал ради друга своим обликом, своим телом, частью своей бессмертной души. А Епистима смогла собрать в одно бессмертное существо два таких разных индивида: мёртвого старого беглого каторжника, которым был Пафнутич, и Лерона.

А когда обида прошла, когда Пафнутич освоился и осмотрелся, когда полностью ощутил преимущества новой жизни, тогда он стал записывать истории. Чтобы никогда и никому больше не было бы обидно оттого, что его жизненные коллизии, достойные быть переданными другим, канули в пустоту.

Именно так начала своё существование его знаменитая винная библиотека.

Марухона старик почувствовал сквозь полудрёму. Нехотя выплыл из тумана обрывочных видений, в которых лениво скользил, разморенный закатным солнцем. Медленно открыл глаза, пытаясь разглядеть на песчаной тропинке, ведущей к избе, знакомый силуэт.

Это всегда было сложно. Угадать, как именно будет выглядеть Марухон в следующий свой визит, мало кому удавалось. Даже самому Марухону. И сегодня он был труден для описания: размером с большую собаку или волка, но с телом водяной крысы, упруго сидящим на шести мохнатых паучьих лапах. Вместо головы, которая должна была находиться на мощной жилистой шее, было неясное марево: то ли пятно сумрака, то ли комок плотного ночного тумана. А впереди всей этой конструкции размещались огромные рачьи клешни, наверное, в качестве оружия. Хотя какое оружие нужно мёртвому богу?

Пафнутич Марухона всегда жалел. Жалостью глубинной и искренней — так на Руси всегда жалели нищих и юродивых. Видеть, во что превратилось божество, более древнее, чем Ярило и Дажь-бог, более могущественное, потому как единовластное...

Э-э-х!

Пафнутич выпутался из пледа и пошёл навстречу гостю.

Марухон был настолько давно забыт, что существовал только за счёт силы Разлома. Ведь забытый бог — мёртвый бог. Если никто уже не помнит не только тебя, но и людей, променявших твой лик на благосклонность других богов... Если за сотни пролетевших веков нигде не осталось ни одного твоего храма, ни жреца, ни даже деревянного идола, вырезанного неумелым ножом... Если никто, даже ты сам, не помнит, как ты выглядишь... Это значит, что ты мёртв. Мёртв окончательно и бесповоротно.

Пафнутич задумчиво смотрел, как Марухон добрался до веранды, как мягко прошелестели паучьи лапки по деревянным ступеням, как стукнули клешни о порожек. От этого стука он встрепенулся, и, сосредоточившись, представил Марухона в виде крепкого, мускулистого парня в полотняной тунике, подпоясанной красным кушаком. Марухон благодарно взглянул на старика.

— Спасибо, уважил. Мне уже эти лапки-клешни-хвосты вот где! — юноша резко провёл ребром ладони по шее, словно пытаясь отпилить себе голову.

Пафнутич задумчиво почесал затылок.

— С чего это вдруг кушак мне привиделся? Ума не приложу!

— Пускай! Мне так даже нравится, — парень одёрнул тунику, подтянул кушак и сел за стол.

Пафнутич подвинул вторую табуретку и сел напротив.

— Чего пришёл-то? — поинтересовался хозяин.

— А то не знаешь?

Пафнутич скривился. Почему-то опять вспомнились нищие, вернее та грань, которую многие из них норовят перепрыгнуть. Только что они, жалкие и молящие — рука сама тянется в карман за монеткой. Как не подать? А подал, сразу начинают клянчить всерьёз, будто именно ты виноват в их теперешнем положении и потому медным пятакон не отделаешься.

— Ты же был у меня недавно. Или забыл?

— Ну, Пафнутич, чего ты жадничаешь? У тебя их вон сколько! — Марухон красноречиво кивнул в сторону комнат.

— А без тебя было бы ещё больше. Ты что, в счетоводы ко мне собрался? Так я и без тебя знаю, где у меня что стоит и сколько.

— Ну, чего ты! Твоё же вино никогда не заканчивается. Его сколько ни пей, всё равно бутылка полная.

— А чего же ты ко мне заявился? Сколько я тебе бутылок передавал!

— Так то же я! Я хоть и мёртвый, но бог! У меня другие мерки.

— Мерки у него! — проворчал старик, — Тоже мне, вспомнил! Может, вместе со своей божественностью ты и про гордость вспомнишь? Или про чувство меры, там, или про те же правила приличия. Не надоело ходить побираться?

Марухон насупился.

— Ты как был жадным ещё в прошлой, человеческой жизни, так жадным и остался.

— Я не жадный, я люблю, когда порядок. А насчёт качеств разных я тебе тоже могу многое сказать. Например, что без разницы, бог ты или дохлая собака, а вот если ты неудачник, то это навсегда.

Разговор скатился в привычное русло. Вино, которое действительно никогда не заканчивалось, Марухоном убивалось за один приём. Сколько старик ни убеждал Марухона, что вино нужно пить, а не принимать ванну, это всё пропускалось мимо ушей.

— Да пойми ты, мне эти божьи истории вообще не нужны, чего я в них не видел? Мне нужна фактура, мне нужен мир, хоть и такой кривой, как у них, но настоящий! Иначе я вообще скоро в туманное облачко превращусь. Да-да! Лет через триста у меня не будет даже крысиных хвостов и паучьих лапок. Потому что и эти твари меня замечать перестанут!

На эти слова Пафнутич ничего возразить не мог, а только, беспомощно тушуясь, чесал макушку. Словно слушал смертельно больного человека, которому помочь уже никто не в силах.

И только то, что Марухон называл его вина «божьиными историями», его задевало. Сам-то он считал свои творения самым гениальным своим детищем. Может, оттого что на самом деле так оно и было.

Рассказчиком Пафнутич был всегда великолепным, а слушателем так и вовсе таким, о котором можно только мечтать. Люди охотно делились с ним самыми сокровенными, самыми трогательными и самыми невероятными своими историями. И с удовольствием слушали чужие, которые старик умел очистить от ненужной шелухи, лишних деталей и подать в огранённом, отшлифованном виде.

Мысль записать свою очередную историю не по старинке, на листе бумаги, а сплести в одно целое с вином, используя его огонь и жизненную силу, пришла к нему легко. Она не рождалась в муках, не сидела гвоздём в голове, мешая спать, не требовала к себе особого внимания. Просто однажды пришла в голову, да так там и осталась. Как бродячая кошка приходит в дом и остаётся в нём жить, потому что там ей понравилось.

Труднее было всё реализовать на практике. На это ушёл не один год ежедневной упорной работы, хотя какое значение имеет время, когда впереди вечность?

Зато сейчас результат никого не мог оставить равнодушным.

Каждая история хранилась в своей бутылке, имела своё Имя и свою судьбу. Она была не только живым существом, она была маленьким, строго очерченным и отмеренным кусочком чьего-то мира. Достаточно было сделать глоток, как вино, настоящее на травах, сила которых благодаря магии выросла в сотни раз, переносила человека из привычного мира в другую его плоскость.

— Тошно мне, Пафнутич! — ныл Марухон. — Ох, как тошно! Это же не жизнь, это и не смерть, это одна непрекращающаяся агония. И, главное, за что?

— Я тебе в этих делах не советчик. Откуда я знаю, отчего с тобой такая напасть случилась? Может, ты слишком ленивый? На кой хрен людям нужен ленивый бог? Он что есть, что его нет.

— Ну, да! Раньше, значит, нужен был, а теперь, когда столько лет прошло, так и забыли? Что за жалкие, ничтожные людишки! Что им нужно-то?

— А может, они тебя не боялись?

— Боялись! Даже жертвы человеческие приносили, и девственниц, и быков, и вино..., — Марухон с укором посмотрел на старика. — Всё, как положено, всё честь по чести.

Пафнутич, уже поняв, что и сегодня он расстанется с одной из своих бутылок, нехотя поднялся.

— А может, боялись, боялись да перестали. Бывает же такое?

— Это же как?

— Ну, стали чего-нибудь другого бояться, а что тут такого! Я по себе знаю, это запросто.

— Не, вряд ли. Я же если наказывал, то насмерть. А что может быть страшнее смерти?

— Кто бы спрашивал, — Пафнутич усмехнулся. — На себя-то посмотри! Небось и рад бы помереть, да не выходит.

Так ведь?

Марухон совсем скис.

— Да ладно. Ты богом-то чего был?

— Да разве ж я помню! Знаю только, что строгий был. Но справедливый!

Пафнутич открыл дверь в чулан, уставился на широкий, во всю стену, и высокий, до самого потолка, стеллаж, заставленный разномастными бутылками. Тут были и старинные, толстого стекла штофы, и водочные бутылки, и винные, и из-под шампанского, и из-под лимонада. Но больше всего бутылок было из-под портвейна «777», продававшегося и на станции, у Вальки в буфете, и в городе, в каждой уважающей себя забегаловке.

Пафнутич, задумчиво ощетинив куцые усы, пристально просматривал поблёскивающие в сумерках чулана ряды, выбирая очередную жертву.

— Ну, скоро ты? — прохныкал истомившийся Марухон.

Старик в сердцах сплюнул, помянул не существующую в природе Марухонову мать и взял с самой нижней полки первую попавшуюся бутылку.

Выйдя из чулана, человек-кот закрыл дверь, едва не прицелив себе хвост, решивший ещё немного побыть рядом с драгоценными бутылками.

Вернувшись за стол, он сел на старое место и поднял бутылку на уровень глаз, пытаясь поймать в него последние отсветы заходящего солнца. На мгновение стекло озарилось, и Пафнутич смог разглядеть в рубиновом винном водовороте таёжный пейзаж, буровые вышки да несколько барачков, прижавшихся к подножию сопки. Даже вертолёт, зависший где-то над посёлком.

— На, держи! — старик поставил бутылку на стол. — Это одно из первых, мне геологи тогда много чего интересного порассказали. А я вот на тебя перевожу...

Пафнутич полез было за стаканом, но только махнул рукой, с отвращением наблюдая, как Марухон сцарапывает то зубами, то ногтями сургучную печать, закрывающую горловину.

— Ты совсем сбрендил? — наконец спросил он, глядя на безуспешные попытки страдальца. — Это же печать Сирхуса!

— О-о-о! — от нетерпения Марухон начал подвывать. — У меня все слова из головы вылетели! Как там — «кангур», «сварокха»... Ну... Открой, а? Пафнутьюшка, будь добр...

— Тьфу, ты! Давай сюда!

Выватив из дрожащих пальцев Марухона бутылку, старик ворчливо забормотал мёртвые слова заклинания, снимающего печать. Вспыхнул лёгкий сизый дымок, сургуч осыпался невесомой кучкой пепла и вспыхнул маленьким фейерверком в осенней ночи.

— На, держи! Ты уже хуже последнего алкаша!

Марухон ничего не ответил, судорожно выхватил драгоценную бутылку и надолго приложился к горлышку.

— Уф! — наконец оторвался он и поставил почти пустую посудину на стол. Впрочем, такой она была недолго, на глазах наполняясь, восстанавливаясь до прежнего состояния.

Изменился и Марухон. Вместо парня в тунике, теперь за столом сидел крепкий, лет сорока, мужик полуинтеллигентного вида. В свитере грубой ручной вязки, синих затёртых джинсах и густой бороде. Наверное, геолог.

— Ну что, полегчало? — поинтересовался Пафнутич.

Марухон блаженно улыбнулся и опять потянулся за бутылкой.

— Ну, пошло-поехало, — в сердцах сплюнул старик, презрительно наблюдая, как геолог стягивает с себя свитер, расстегивает не первой свежести рубашку, обнажая заросшую седыми волосами грудь.

— Давай-давай, чего там меня стесняться. Лезь уже.

Геолог действительно лез. Раздевшись, он выставил бутылку напротив себя, и, превратившись в струйку серого дыма, ловко просочился сквозь горлышко.

— Это же надо, а! — сетовал Пафнутич, наблюдая за метаморфозами осквернённой бутылки.

С бутылкой, действительно, творилось что-то непонятное. Сначала она вскипела, забурилась, закачалась. Потом помутнела. Прежде чистое, прозрачное, как слеза, вино стало похоже на болотную жижу. Потом всё затихло. Поднятый было осадок неспешно, нехотя, осел на дне, заняв собой добрую половину. И под конец, опять забурилась, бутылка треснула, рассыпавшись на мелкие кусочки, испустив напоследок истошный тёмно-зелёный клуб дыма.

— Тьфу! — вынес вердикт старик.

На столе в мутной винной луже лежал геолог, мокрый, взъерошенный, но удовлетворённый.

— Уф, — наконец вымолвил он, глупо улыбаясь и стращивая с волос искорки синего света, искрящегося и шипучего. Как шампанское.

— Давай, слазь уже, — проворчал Пафнутич, сметая со стола бутылочное стекло.

— Прости, Пафнутьюшка, — заискивающе заглядывая тому в глаза, полебезил геолог. — С меня причитается.

— Ага, жду не дождусь. Не дождусь, когда ты свалишь отсюда, — поджав губы, Пафнутич ловко орудовал веником.

— Да я бы с удовольствием, сколько раз тебе говорил, да не выходит! Я без нашего янтарного разлома, без его магической силы ни во что превращусь, уже сколько раз пробовал! Сколько раз думал в город податься, да не выходит! Только до переезда через Лещиху доберусь, как сразу таять начинаю. Один раз еле-еле себя собрал, меня почти развезло.

— Ну, так попроси кого-нибудь тебе помочь.

— Кого? Епистиму, что ли? Или Лукерью? Так они обе меня на дух не переносят.

— Мда... Наши дамы, хоть и ведьмы, но, как все женщины, неудачников терпеть не могут. Слушай, а может, ты того, разозлишь их хорошенько, так они тебя сгоряча и испепелят! Они да, они могут.

— Испепелят, как же! У них нервы железные, их из себя не выведешь, я пробовал. А потом, если вдруг кто из них и даст слабину и избавит меня от такого существования, так потом ошибку-то и исправит. Вернут всё, как было.

— Незадача, — человек-кот глубоко задумался. Очень уж ему нравилась мысль о том, что однажды Марухон навсегда исчезнет с его горизонта.

— Тогда попроси кого-нибудь, чтобы тебя в город переправил. А в городе-то, о-го-го! Там магии немерено, ведь столько людей там живёт! Вот там-то развернёшься!

— Это да, — мечтательно проблеял Марухон. — Только кто ж за такое возьмётся? Да и вдруг у меня там ничего не получится? Вдруг той магии, той силы мне не хватит?

Пафнутич задумчиво смотрел на медленно одевающегося Марухона.

— Постой-ка, — неуверенно проговорил он. — Не торопись, есть у меня одна идеяка.

Старик отшвырнул веник и метнулся в чулан. Через минуту он вернулся с бутылкой в руках, торжественно водрузив её на стол.

— Это ты чего? — неуверенно спросил Марухон.

— Нам нужно что?

— Что?

— Нам нужно, чтобы ты попал в город в целостности и сохранности, не растерявшись по дороге. Это раз. Два — чтобы ты получил способ самостоятельно добывать энергию, научился обходиться без магии Разлома. Верно?

— Ну... — пожал плечами Марухон. — И что с этого?

— Так вот! Вот же решение твоей проблемы! — Пафнутич энергично указал на бутылку.

— Что, опять пить? — не понял Марухон.

— Да нет! — рассердился старик. — Ты что, ничего не видишь?

— Где?

— Тьфу!

— Да не плюйся ты, а толком объясни! — Марухон поддался волнению Пафнутича.

— Да вот же, на горлышке, это что?

— Пробка.

— И? — Пафнутич вытягивал правильный ответ, как терпеливый учитель из нерадивого ученика.

— Пробка, запечатанная печатью Сирхуса.

— Ну, наконец-то! — обрадовался старик. — Теперь понял?

Геолог отрицательно помотал головой.

— Печать Сирхуса сохраняет содержимое сосуда в целостности и сохранности. Никакая магия, никакая сила не может на него повлиять.

— Ты, что, хочешь...

— Конечно! Я запечатаю тебя в бутылку и перевезу в город. И в дороге, заметь, с тобой ничего не случится, ты даже окрепнешь.

— Ну, не знаю...

— Чего там знать? Давай залезай!

Марухон принялся опять раздеваться, но внезапно остановился.

— погоди! Закупорить-то ты меня закупоришь, а открывать тоже ты будешь?

— Нет! В этом-то и состоит вторая часть моего плана. Есть у меня идея, как вернуть тебе не только силу, но и былое могущество. А, может, и поболее чем былое. Давай устроим второе рождение бога! А? Да не бойсь, всё у нас получится!

— Так, а если не ты, то кто? Ведь, чтобы печать снять, нужно заклинание прочитать! Оно хоть и написано на самой печати, но кто сможет разобрать древние руны? В современном городе, в двадцать первом веке? Или ты просто меня замуровать решил? Тоже мне, Аладдин выискался!

— Ну, как знаешь, — Пафнутич поджал губы и потянулся за веником. — Я тебя уговаривать не собираюсь, не хочешь — как хочешь. Но за моими «бомжинами историями», как ты изволишь выразаться, больше не приходи. Не дам.

— Да ладно тебе! Чего разобижался-то! Я же рискую!

— Чем это ты рискуешь, интересно знать? Тебе что, есть чего терять?

— Ладно, ладно, — примирительно затараторил Марухон, — говори, что делать нужно?

Пафнутич стоял перед зеркалом, гримируясь перед поездкой в город. Немного примитивной магии, и пушистый, своевольный хвост уменьшился до совершенно незаметных размеров. Заострённые уши тоже приняли привычный человеку вид. Куцые кошачьи усы перестали бросаться в глаза, уравновесившись двухнедельной щетиной с просе-

дью на щеках и подбородке. Старая фетровая шляпа, коричневый замызганный плащ и вельветовые засаленные брюки с пузырями на коленях завершили превращение. Втиснув ноги в растоптанные ботинки, старик удовлетворённо крякнул, придиричиво оглядев себя в зеркале.

— Вот и славно, — одобрил он своё отражение и вышел на веранду.

Взяв со стола запечатанную бутылку с тремя семёрками на этикетке, он сунул её в карман плаща и зашагал в сторону станции.

Вчерашний день Василий помнил, но не в подробностях. Были в его воспоминаниях какие-то провалы непонятного размера и формы. Вроде и мог сказать, что, где, и зачем, но в то же время чувствовал, что было что-то ещё, а вот что именно...

И ещё болела голова. Виски противно выкручивало, словно кто-то там пальцами ворочал, с ноготками. И с чего бы? Ну, посидел он после работы с Михалычем в чебуречной, так ведь тот вскоре домой убежал. А Василию-то чего торопиться? Чего он дома не видел? Стен, что ли, облупленных? Или поломанного телевизора?

С другой стороны, и в чебуречной сидеть смысла не было. Денег в кармане не только не шелестело, но даже и не позвякивало. И, как на грех, ни одна знакомая сволочь в поле зрения не появлялась. В общем, жуть!

Василий прошлёпал на кухню, открыл кран, долго смотрел на струю, тощенькую и несвеже пахнущую. Дождался, пока вода станет чуть светлее, чем жигулёвское, напился, стараясь не обращать внимания на ржавый привкус.

Наверное, зря. Сразу замутило. Или из-за воды, или после вчерашнего. Хотя какое оно было, это самое вчерашнее, память не выдавала. Молчала.

Васька вышел на балкон, закурил. Задумчиво прищурил глаза, рассматривая жиденькие облачка дыма. Закашлялся. Надо же, удивился он, первая сигарета, а не пошла. Во рту проявился отчётливый, противно солёный вкус. Тьфу!

Выбросив окурок, мужчина вернулся в комнату, плюхнулся в продавленное кресло. Что ж так хреново-то? Всё-таки вчера что-то было, не иначе. Эх, принять бы чего на грудь для здоровья.

Поиски ничего не дали. Все заначки были давно разорены, а сами пополняться и не думали. Скоты!

Василий побрёл в прихожую посчитать оставшуюся в карманах наличность. В правом пусто, во внутреннем дырка, в левом... Вот те на! Вот так сюрприз! Вот уж и не надеялся!

Сдерживая радостно застучавшее сердце, Васька заскочил на кухню, вытащил из мойки чашку и полетел обратно в кресло, к журнально-обеденному столику. Водрузил на самую середину свою находку, гордо несущую коричневую этикетку с тремя заветными золотыми семёрками. Полюбовался.

Вспомнил.

Как этот мужичонка появился, Васька так и не понял. Зато сразу смекнул, что его приглашают выпить на пару, чтоб не в одиночестве, стало быть. Это тот мужик так сказал. И бутылку поставил точно такую же, и газетку с закуской развернул...

Васька ещё удивился. Мужик-то весь чуть ли не в обносках, плащ замызганный, шляпа по советской моде фетровая, но тоже вся залапанная. И рожа небритая, густая такая на ней щетина с проседью, а усы, наоборот, хоть и длинные, но куцые. Вот Васька и подумал, что тот ему боярышника предложит, а он на тебе, портвешок выуживает, а на газете у него и колбаска копчёная, и пучок лука, и какая-то вяленая рыбина.

Мужик этот правильный оказался. Настоящий. Соль земли, как говорят. Легко с ним было Василию, так легко, как давно не было. Отвёл Васька душу. Выговорился всласть. Всё, что в себе таил, то, что никому не показывал, даже Михалычу, всё этому поляку выложил. Потому как понимал он его, Ваську, как никто другой. Слушал внимательно, кивал сочувственно, не перебивал, как другие, норовя что-то своё вывалить. Интересно ему было с ним, с Василием Сергеевичем Трусковым. Вот так-то!

Василий выплеснул из чашки остатки воды и потянулся к бутылке. Надо же, как пробку заделали, как сургучом залили. И значки тут какие-то выдавлены. Или это вместо акцизной марки? Придумают же!

Ха! Вспомнил! Как они с поляком этим, куцеусым, песни пели, когда уже по парку гуляли. Васька после этих песен его «поляком» и окрестил. Потому как все слова были сплошь не русские. Мотивчик вроде знакомый, а слова какие-то непонятные. Что-то там про «кангур», «меринталь» и «сварокха»... Так в голове и крутится. Прямо слышно, как мужик этот прямо в ухо щекотно так ему напевает.

Пытаясь вспомнить слова незнакомой песни, Василий задумчиво крутил в руках бутылку, делая попытки приловчиться и скovyрнуть тугую пробку. И сам не заметил, как получилось. И песня вспомнилась, и бутылка открылась. Да так хлопнула, будто это шампанское было.

Васька обрадовался, пододвинул поближе чашку и уже открыл было рот в предвкушении... Да так с раскрытым ртом и остался.

Из бутылки, из зеленоватого стеклянного горлышка, сначала показался палец, потом рука, потом начал протискиваться на свободу здоровенный, бородатый мужик, по виду то ли егерь, то ли геолог. Только без трубки.

Васька испуганно заворочал глазами, словно бешеный бык, и отшвырнул от себя бутылку.

— Прочь! Уйди, уйди!

Забившись в кресло, вдавившись в его спасительное поролоновое нутро, Василий еле бормотал дрожащими от страха губами.

— Ну, всё! Это белочка! Допился... белочка...белая горячка. У-у-у!

Подёрнутые пеленой ступора Васькины глаза уже не замечали, как геолог, выбравшись, наконец, из бутылки, уселся во второе кресло, поднял со стола пустую емкость, покрутил в руках и внезапно швырнул её о стену, разнеся на мельчайшие стеклянные брызги.

— Боишься? — неожиданно радостно спросил он трясущегося бедолагу.

Васька, перед глазами которого уже мелькали холодные белые коридоры психушки, злые, рослые санитары-сидисты и внутривенные болючие уколы, только застонал.

— Так боишься?! — навис над своей первой жертвой геолог.

И видя такое подавленное, растоптанное состояние этого пропитого, несчастного существа, громко и облегченно расхохотался, с гордостью прислушиваясь к раскатам собственного, крепнущего с каждой минутой громоподобного голоса.

Затея удалась. Стать богом горьких пьяниц, Хозяином Белой горячки, властелином перегара и владыкой похмельного синдрома — это Пафнутич здорово придумал! Именно ему, Марухону, они будут теперь поклоняться. Вспоминать каждым тяжёлым утром. Ведь это место было пусто, а теперь стало свято.

Марухон подошёл к окну, отёрнул в сторону пыльную занавеску и посмотрел в немытое окно.

Город с тысячами жалких, беспомощных, трясущихся от страха при одном его виде людишек лежал у самых ног.

Город ждал.

ЕСТЬ КОНТАКТ

Антон лениво перелистывал журнал «Ом», полулежа на скрипучем, из последних сил сопротивляющемся старости диванчике и положив ноги в нечищенных ботинках на ещё более пожилой табурет. Иначе было не пристроиться — диван слишком короткий. Впрочем, другой в его бытовке и не уместился бы. Половину помещения размером два с половиной метра на полтора занимал массивный письменный стол образца тридцатых годов прошлого века. А на оставшейся половине Антон пытался расположить себя самого. Получалось не очень, но и жаловаться тоже грех. Ведь он не просто лежал на диване, а как бы работал.

Есть такая профессия — приёмщик цветного лома. Не такая уж и плохая, кстати говоря. Некоторые приёмщики совсем неплохо зарабатывают. Но Антон к этим счастливицам не принадлежал. И не потому, что плохо работал, просто точка была бесперспективная. У хозяина, Павла Ивановича, а за глаза — просто Пашки, дача в Михайловке. Вот он и поставил возле станции контейнер с бытовкой, а Антона посадил приёмщиком. Для перевоспитания.

Два месяца назад Антон с приятелями махнул на выходные в Москву и там немного подзадержался. Всего-то дня на три — обычное дело. Но Пашка вдруг завёлся и отправил его в ссылку. Вот и сиди тут дурак дураком! Работы-то нет никакой. Пока не кончилось лето, деревенские хроники иногда кое-что приносили. Кто — вентиль латунный, кто — кусок провода, а кто и — подсвечник. А нашёл или украл — это уже не Антона забота.

Но сейчас на дворе уже середина сентября, и всё вокруг вымерло. За день всего два клиента заходило, какой уж тут нафиг заработок! А самое обидное — свалить с работы пораньше не получится. Пашкина мамаша здесь до самых холодов живёт и обязательно настучит сыну, если Антон бытовку раньше времени закроет. А до города ещё час на электричке пилить. И до ноября хозяин сворачивать точку не собирается, если вообще не решит её на зиму оставить. Вот ловуха, надо же было так вляпаться! И работа — не работа, и бросить её нельзя. Антон уже полтора года от армии косит, легально ему никак не трудоустроиться. Вот и сидит здесь, считай, что в лесу. Ещё немного — и сам волком с тоски завоешь. Хоть бы урод какой залётный к нему заглянул!

Грустные размышления Антона прервал негромкий, но настойчивый стук в окно. А затем послышался знакомый сиплый голос:

— Антох, а Антох! Выдь сюда, дело есть.

Это Петрович, абориген. Один из немногих мужиков в деревне, кто ещё не полностью пропил свои мозги. Петрович по ночам охранял бытовку и пользовался неограниченным доверием Пашки. На своём веку он пережил уже трёх приёмщиков и ни разу не был замечен в воровстве. Приёмщики были замечены, а он — нет.

Сторож предпочитал в случае нужды занимать деньги у тех же приёмщиков, а потом отработывал долг на погрузке товара. Но если и сейчас он пришёл с той же просьбой, то его ждёт глубокое разочарование. Ничего Антон Петровичу не даст. Он и сам уже пару раз беспардонно залезал в кассу, чтобы как-то свести концы с концами. Ещё одного хлебника бюджет фирмы не выдержит.

— Ну, чего тебе? — проворчал Антон, открывая дверь, и только тут заметил, что Петрович пришёл не один. Рядом с ним стоял...

М-да, за два года работы Антон насмотрелся на разных клоунов, но такого видел впервые. Из-под синего, замызанного халата, какие обычно носят уборщицы, выглядывали тощие нелепо вывернутые ноги в оранжевых лосинах. А обуви совсем не было. Сам незнакомец весь какой-то щуплый, сгорбленный, а руки у него короткие, зато с длинными, тонкими пальцами. И пальцы эти мелко и безостановочно дрожали.

«Запойный», — намётанным взглядом определил Антон.

Интерфейс доходяги подтверждал правильность первоначального диагноза. Лицо даже не синее, а какое-то фиолетовое. Череп абсолютно лысый, губы тонкие, а глаза — огромные и какие-то безумные. Добавьте к этому сморщенную, словно чернослив, кожу, крохотный нос пуговкой, почти не заметный в складках местности, и острые, в форме лаврового листа уши, прижатые к голове, и вы поймёте, какая это была картина маслом.

И весь описанный натюрморт тоже мелко подёргивался на длинной, слишком тонкой для такой нагрузки шее. Да, плющило мужика конкретно. Без дозаправки может до аэропорта и не дотянуть. И цель визита вырисовывалась всё яснее. Но не мешало бы уточнить. А вдруг, всё-таки не с пустыми руками припёрся?

— Ну, и что это за чучело? — поинтересовался Антон у Петровича, поскольку глупо было обращаться к сбежавшему из кунсткамеры экспонату.

Но чучело оказалось говорящим. Оно сделало шаг вперёд и произнесло почти нормальным человеческим голосом:

— Здравствуй, землянин!

Антон хмыкнул. Да, с такой работой и в цирк ходить не обязательно. Но достойный ответ клоуну сочинить не успел. Петрович оттолкнул брата по разуму в сторону и взял инициативу в свои руки:

— Помолчи, юридический, я сам всё объясню! Представляешь, Антох, — с виноватым видом повернулся он к приёмщику, — сидим мы с Васькой Сафоновым в лесочке за его хатой. Здоровье поправляем. И вдруг из кустов этот выходит. Привет, говорит, земляки! Дайте посмотреть, что это за жидкость у вас в бутылке? А я ему отвечаю: не беспокойся, братан, та самая! А он всё сомневается. Мне, говорит, в эту... как её... жизнеобеспечения залить надо. Во как завернул!

В голосе Петровича слышалось неподдельное восхищение.

— Видать, из интеллигентов. Но я тоже не в капусте найденный, на том же языке ему отвечаю: вот и у нас с коллегой аналогичный случай. Короче, налили мы ему полтинничек. Не пропадать же человеку. Сами час назад такими же были. А он чуть отхлебнул и кочевряжиться начал. Не, говорит, мне много надо. Я подшутить хотел, спросил: канистру что ли? А он задумался так, да и согласился: не меньше. Я его аж зауважал — мелкий, но наглый! Вот что, братан, говорю, есть тут один человек, который горю твоему помочь сможет. Только он — не то, что мы, за просто так не наливает. Ты ему железяку какую-нить принеси, а он тебе за неё спиртяшки нацедит. Правильно я говорю?

— Да правильно, правильно, — отмахнулся Антон.

К долгим и путаным рассказам Петровича он уже успел привыкнуть. А расплачивался с кладоискателями он и в самом деле обычно спиртом. И ему выгодно, и старателям удобно. Не нужно потом на станцию в магазин тащиться.

— Дальше-то что?

— Сам увидишь, что дальше, — ничуть не обиделся сторож. — Ушёл он в лес, а через полчаса воротился. И с собой вон ту хреновину притащил.

И он показал на лежавший чуть в стороне круглый предмет, больше всего похожий на крышку канализационного люка. Только не ржавую, а сверкающую металлическим, чуть ли не зеркальным блеском.

— Тяжеленная, падла! Как он её допёр? Дальше я с ним вдвоём её нёс, и то чуть пупок не надорвал. Глянь, сгодится?

Надежду, с которой Петрович смотрел на Антона, объяснить не трудно. Ясное дело, что он не по доброте душевной помогал незнакомцу эту крышку нести. Но и обнадёживать его раньше времени не стоит.

Антон присел на корточки над странным трофеем. Сразу и не скажешь, из чего он сделан. Не чугун и не простая железка, это точно. Но и не оцинковка. Уж, на это добро он посмотрелся и привык уже считать себя знатоком металлов. Но тут никак не мог определиться. Скорее всего, нержавейка, но тоже не факт. Провёл на всякий случай по диску магнитом — не прилипает. Дернул напильником — не берёт. Ударил им же по краю крышки — не звучит. Вообще никак не звучит! Чёрт знает, что это такое?

— А я у него спрашиваю: ты откуда такой взялся? — продолжал зудеть над ухом Петрович. — А он отвечает: из леса. А я ему: ты что, живёшь там или работаешь? А он кивает: ага, мол, работаю. А кем, спрашиваю. Он в ответ глазами заморгал — не понимает. Ну, объясняю, должность-то у тебя какая? И тут чудила этот такое выдал! Если бы я не на стакане был, ни в жисть бы не запомнил: оператор антигравитационного модуля. А у нас в лесу, вот чтоб мне, кроме воды, ничего в жизни не пить, отродясь никаких модулей не встречалось. Разве что военные чего понастроили. Так ведь тоже никто про такое не слышал. Да и не похож он на военного-то, дохлый больно.

Петровича не слишком заботило, слушает его Антон или нет. Главное — как-то сгладить томительные минуты ожидания приговора.

— Мне, говорит, у вас дышится трудно, воздух здесь не такой. Оно, конечно, если к городскому дыму сызмальства привык, то в нашем лесу и вправду может дыхание перебить. У нас не воздух, а настой сосновый. Душа радуется.

У Антона душа не радовалась. Даже наоборот. Он думал, как поступить с непонятным куском метала. По-хорошему, так не стоило и связываться. Но у него за две недели едва пятьдесят килограмм набрано. Пашка будет рвать и метать. А если ещё и кассу пересчитает — вообще труба! А тут такая тяжеленная штукавина. Может, всё-таки удастся выдать её за нержавейку?

— Давай-ка, Петрович, грузи её на весы! — наконец решился он и стал открывать контейнер.

Вдвоём они едва подняли крышку на платформу весов. А дальше уже Антон действовал по давно отработанной схеме: два пишем, пять на ум пошло. Сразу же скинул с веса хреновины двадцать килограмм. Потом подумал, и вычел ещё пять. Надо же недочасту в кассе отбивать.

— Так, семьдесят восемь кило, — уверенно заявил он, поскольку заранее отогнал Петровича в сторону от шкалы весов. — Ну, будем считать — семьдесят пять. По восемь рублей...

(На самом деле, нержавейка стоила десять рублей за килограмм, но кто станет с ним спорить? Он может эту дуру и вовсе не принимать. Не знаю, что это такое — и весь разговор. И кати её тогда обратно в лес.)

— Итого — пятьсот сорок рублей, — ловко подытожил Антон. — Спирт будем считать по восемьдесят рублей за литр.

(И опять же на самом деле Антон покупал его со скидкой, по семьдесят, но это к делу не относится.)

— Значит, — продолжал он калькуляцию, — с меня — шесть литров.

И Антон достал из контейнера две трёхлитровые банки со спиртом. Он всегда держал здесь небольшой запас — пол-литровки, литровые банки и на всякий случай пару трёхлитровых. Вот и пригодились. А на ночь он все сокровища перевозил в сарай к Пашкиной мамаше. Не стоит издеваться над порядочностью Петровича и заставлять его охранять огненную воду от своих же собутыльников. Сдадут нервы у мужика, и где потом другого сторожа найдёшь? А на Пашкину фазенду хроники не сунутся — там пёс здоровенный.

Была ещё мизерная вероятность, что интеллигент проверит подсчёты Антона. Но тот находился в полной прострации. А Петрович и так был доволен сделкой. Не зря пыхтел, волоча эту херомантию. Сторож ловко ухватил правой рукой одну из банок, а левой махнул приятелю:

— Эй, земляк! — весело сказал он. — Бери вторую банку и айда твоё жизнеобеспечение в порядок приводить.

У опушки леса он обернулся и крикнул:

— Спасибо, Антох!

Но тот уже закрывал дверь в бытовку, и потому не видел и не слышал Петровича. Мысли его были заняты подсчётом навару с только что проведённой операции. А про странного товарища сторожа он уже успел забыть. Мало ли каких чудаков земля носит. Всякого понавидался. Один раз к нему два негра кусок кабеля приволокли, и то ничего.

В следующую субботу у Антона случилась отгрузка товара. Пашкиному партнёру, перекупщику Максуду, срочно потребовался металл, и хозяин сам приехал на точку к Антону в стареньком, но ещё крепком газике-фургоне. Он приказал перегрузить из контейнера всё до последней проволоочки. И ту железяку, что приволок Петрович, — тоже. Сам сторож где-то загулял. Такое с ним хоть и редко, но случалось, и Антон эти дни оставлял бытовку без охраны. Обошлось.

Но и на погрузку Петрович тоже не явился. А это уже было плохо. Пришлось нанимать штрейкбрехеров, а те брехали гораздо лучше, чем работали. Но за два часа и один литр спирта всё-таки с задачей справились.

Сам Паша находился в непривычно благостном настроении. Вероятно, по случаю удачного договора с Максудом. Он даже выдал Антону зарплату за последние два месяца, да и за отгруженный товар расплатился вперёд. После чего укатил, на радостях даже усевшись на место водителя. А воскресный вечер, да и ночь заодно, Антон оттягивался в ночном клубе, чего не мог себе позволить со времён злополучной поездки в Москву.

Наутро он появился на точке в несколько утомлённом состоянии и сразу же занял привычную рабочую позицию на диване. Сил у него даже на чтение журнала не осталось. Но вздремнуть так и не удалось. Буквально через пять минут зазвонил мобильник. Пашка ведь Антону ещё и телефон оплатил.

Антон с трудом разлепил глаза, одновременно нащупывая на столе трубку, и сонным голосом пробормотал:

— Слушаю.

Звонил, конечно же, Пашка. Но уже не такой довольный жизнью, как накануне. Не злой, нет, но какой-то расстроенный и даже разочарованный.

— Ну что, друг Антоха, попали мы с тобой на бабки! Из-за твоей крышки от унитаза попали, — он нервно хохотнул. — Убыток, конечно, не большой, но поделим, как всегда, пополам. Уж не обижайся.

Антон и не думал обижаться. Он вообще с трудом сообразил, о чём речь.

— Крышка? — переспросил он.

— Ага.

— Та самая, здоровенная?

— Точно.

— Так что с ней не так-то?

— Да никакая это не нержавейка была, оказывается, — объяснил хозяин. — И Максуд отказался её без химанализа брать. Но это ещё пустяки. Ты послушай, что дальше было. Значит, Максуд мне и говорит: отпили от крышки кусочек и отвези к Фаине в лабораторию. Посмотрим, что она скажет. Так представляешь, какая штука — не отпиливается. Не берёт эту хренотень ни один инструмент. Пришлось Файку к себе на склад везти. Она вокруг крышки твоей два часа скакала, знаешь, что потом заявила?

Голос Пашки звучал таинственно, но Антон после бурной ночи не был способен на проявление каких-либо эмоций.

— Ну? — вяло поинтересовался он.

— Что, ну? Сам застегну! — отшутился Пашка, слегка обиженный его равнодушием. — Я чуть на жо не сел от неожиданности. Неизвестный, говорит, науке материал. Возможно, внеземного происхождения.

— Чего-чего? — переспросил Антон. — Какого происхождения?

— Вне-зем-но-го! Понял?

«Что ж тут непонятного? Внеземного, так внеземного. Чего только в нашей работе не случается», — вяло подумал Антон. И только тут его мозг окончательно проснулся и осознал смысл сказанного.

— Постой, Паш! Так она ж, наверное, бешеных бабок стоит?

— Ага, раскатал губищу! — Пашка наконец-то дал волю своему раздражению. — Хрена тебе лысого, а не денег! Может, где-нибудь в Америке нам с тобой и отвалили бы за неё пару миллиончиков. А скорее всего, просто грохнули бы для надёжности. А здесь, у Максудов этих, твоя хреновина ни хрена не стоит!

Хозяин Антона окончательно сбился на излюбленное словечко.

— Максуд мне так и сказал: да хоть ты целую летающую тарелку привезёшь, я её всё равно по весу принимать стану, да и то — только после химанализа.

— Вот в каком дурдоме мы с тобой живём, Антоха! — сделал Пашка пессимистический вывод и отключился.

А Антон переместился с дивана на табурет, закурил и глубоко задумался. Уснуть после таких новостей смог бы только законченный пофигист или какой-нибудь урод тупорылый. А Антон, что ни говори, не всю жизнь приёмщиком металла работал. Он, между прочим, почти целый семестр в Политехе отучился. И книжки разные в своё время почитывал.

Мысли Антона были сумбурными, но крутились исключительно вокруг загадочного предмета: «Внеземного происхождения! Надо же, такая вещь, и никому она, оказывается, не нужна. Кроме моих алкашей. Где они её, интересно, откопали? В лесу? А там она откуда взялась? — и тут его внезапно осенило: — А что если в лесу приземлилась настоящая летающая тарелка? — дальше мысли его понеслись с поистине космической быстротой: — А ведь внутри её вполне могли находиться инопланетяне! Конечно, вряд ли кто-нибудь уцелел при падении, но вдруг? Погоди, а что если этот чудила...»

Антон вскочил и судорожно закурил новую сигарету.

Как он сказал: «генератор антигравитационного поля»? Не мог деревенский хроник такие слова сам выдумать! Да и одет он был чудно. Если уж на то пошло, он и на человека-то не очень похож. Оттого Антон его за синяка и принял. Точно — пришелец! И задыхался он оттого, что земная атмосфера ему не подходит. Авария у него, наверное, произо-

шла. Он же собирался... сейчас... ах, да!.. систему жизнеобеспечения чинить. Почему-то спиртом. Уже починил, должно быть.

«Эх, такое событие со мной могло произойти! — сокрушённо вздохнул Антон. — Этот... как его... первый контакт. А я о килограммах, о деньжонках своих думал! Теперь, наверное, пришелец уже далеко. Починил аппарат и улетел к себе на Альфу Центавра. Вот ведь блинство! Кругом непруха!»

Неожиданно прямо над головой Антона раздался резкий, мощный хлопок, напоминающий звук лопнувшей крышки. Только громче в сто раз. Когда в ушах перестало звенеть, Антон открыл дверь и выглянул наружу. Вроде ничего необычно, только стемнело как-то рано. Он вышел из бытовки и посмотрел на небо.

— Й-ё-о-о!

У Антона возникло ощущение, что он уже наблюдал подобное зрелище. Да, кажется, фильм назывался «День независимости». Половину неба закрывал огромный металлический блин, нарядно украшенный по краю разноцветными бегающими огоньками.

Не успел Антон найти подходящее ругательство, чтобы выразить своё изумление, как от блина отделилась маленькая точка. Она быстро увеличивалась в размерах, пока не превратилась в типичную летающую тарелку, зависшую в каком-то полуметре от земли. На абсолютно гладком корпусе вдруг вырисовался круглый люк, открылся и из него показался...

Только, пожалуйста, не делайте вид, будто не догадываетесь, кто там показался. Конечно, он. В таких же клоунских лосинах, только жёлтого цвета. И теперь пришельца уже не колбасило. Голова и руки больше не тряслись, дышал он тоже нормально. Зато от него за версту разило перегаром, а глаза из безумных превратились в мутно-весёлые.

Пришелец спрыгнул на землю, с трудом удержавшись при этом в вертикальном положении, и произнёс слегка заплетающимся языком:

— Здравствуй, землянин! Привет тебе от Петровича. Он теперь Великий Учитель на моей родной планете Крау. А вот это, — он показал тонкими пальцами на висящий в небе блин, — трофейный боевой крейсер Халпакской империи. Принимай товар, начальник!

ПОЕДИНОК

Проклятье! Что это, я сплю?! Помню, был на кухне, хотел отрезать колбасы, чтобы по— быстрому перекусить, пока подогреется ужин, а вместо этого, сжимая нож, как идиот стою незнамо где. Похоже, пустыня, горизонта не видно, всё в какой-то дымке, солнце тоже непонятно где, да и температура невысокая, даже малость прохладно. Это глюк? Потрогал песок. Нет, настоящий. Так, каким образом меня из своей любимой квартиры по пути к холодильнику вдруг занесло сюда?!

— Иди прямо, — даже не голос, а чужая мысль промелькнула в голове.

— Что?! Кто здесь?!!!

— Не ори, я и так тебя слышу, можешь просто думать.

— Вот чёрт!

— Почти угадал.

— Так, я сошел с ума, это всё глюк, это глюк... — сильный удар тока прекратил истерику.

— Хватит ныть! Делай что велено.

— Хорошо, только больше не надо, это больно.

— Я знаю.

— Тогда почему?

— Ещё хочешь?

— Нет, нет! Я пойду, вот, уже пошел.

— Хорошо. Иди прямо, пока не скажу «стоп».

Идти долго не пришлось. Вскоре из непонятного марева впереди, словно воздух там был более густой и менее прозрачный, возникли очертания фигуры. С приближением в ней можно было опознать человека, но в тоже время что-то странное в фигуре порождало смутное беспокойство, точнее множило уже имеющееся, ибо о каком спокойствии можно говорить в такой ситуации. Я уже хотел подойти поближе, чтобы рассмотреть его, он тоже явно двигался в мою сторону. Но голос скомандовал «стоп». При этом встречный тоже остановился.

— Теперь молись.

— Зачем?

— Самое время покаяться в грехах, попросить у своего бога помощи, защиты. Короче, как у вас там заведено, я во всех тонкостях не знаю, мне неинтересно.

— Зачем?!

— Может, это твой последний шанс. Ты сейчас будешь биться вон с тем... назовём его, скажем, пришельцем. Бой — до смерти.

— Зачем? Ради чего?

— Ради жизни.

— Но я и так жил, никому не мешал, никого не трогал. Зачем я здесь? Почему я?

— Почему ты? Воля слепого случая. Как у вас говаривали — злой фатум. Зачем? Чтобы выжить. Чтобы спасти свой мир от нашествия э... демонов.

— Демонов?!

— Хе-хе, тебя ждёт сюрприз, ты его ещё не видел во всей красе. Думаю, земляне именно так называли бы этот народец. Видишь ли, его мир гибнет, а они хотят жить, как и все мы. Он вызвал тебя на поединок.

— Но почему именно я?! Почему нельзя было взять нашего солдата, спецназовца? Я не воин.

— Он тоже. Соперники выбраны случайной жеребьёвкой, исключительно с одним условием — оба физически равные и практически с эквивалентным простейшим оружием.

Я взглянул на нож, который по-прежнему сжимал в руке.

— Идиот! Он же кухонный. Разве это оружие?!

— Злость, это хорошо, а оскорблять Высшего опасно, впрочем, ты мне начинаешь нравиться. Могу тебе дать один совет — забудь все ваши постулаты ведения боя, перед тобой иное существо, не человек... большего сказать не могу, это нарушит равенство сил. Убей. Не можешь — умри. Но помни, на кону не только твоя жизнь.

— А тебе-то что до этого?

— Мне, собственно ничего, мне безразлично, кто победит, я просто развлекаюсь.

— Так ты это всё из вредности затеял?

— Можешь считать, что да, если тебе так легче, — всё равно истины разум твой не постигнет. А теперь молись, времени осталось мало... Твой Бог дал тебе разум, а уж как ты им распорядишься, зависит только от тебя. И не жди от него помощи. Считай это испытанием силы духа и веры.

Зловещий издевающийся хохот «собеседника» звучал как-то вразрез со сказанным, но, наверное, таковы они, тёмные, — в стороне силы, что перенесла меня сюда, я уже не сомневался. Что ж, наверное, действительно стоит помолиться. Как же это делается? Я раньше никогда даже и не думал об этом. Наверное, надо встать на колени. Я взглянул в сторону соперника. Насколько можно было разглядеть, тот стоял на одном колене, воздев руки к несуществующе-

му здесь небу, кивая время от времени головой. Видимо, тоже молится. Как же там было-то? Отче наш... а как дальше? А, впрочем, если Бог меня видит и слышит, то разве он не поймёт молитвы своими словами?

— Прости мне, Господь, все прегрешения мои, вольные и невольные, прости и за то, что не сделал. Господи, спаси и сохрани, помоги мне в деяниях моих, не оставь в опасности, огороди от несчастья, от нечисти, от зла, дай мне сил...

— Пора, — вмешался голос.

— ... прости меня, Господи, за содеянное, и за то, что сейчас свершить собираюсь. Я хочу жить. Будь со мной.

Я встал, противник уже приближался. Из принципа я не пошел ему навстречу, и к моему удивлению меня не понукали. С каждым шагом соперника мой разум наполнялся ненавистью к нему, уж не знаю, сам ли я себя накручивал, или это хитрые манипуляции организатора нашей с ним встречи. Хотя причина ненавидеть чужака у меня весьма веская — это он бросил вызов, это он пытается отнять у меня мой мир, это он возжелал убить меня и весь мой род. Наглая, вонючая, отвратительная тварь! Ты умрёшь сегодня! Соперник перешел на бег, подняв левую руку с клинком наподобие ножа, на уровне плеча, почему-то отведя его далеко в сторону. Видимо, надеется нанести мощный удар с размаха. Но при такой траектории он не попадёт в грудь, да и для шеи низковато... Мысли мелькали сами собой, а я всё ещё стоял и ждал, когда лезвие уже пыталось ужалить меня в корпус под правую руку. Обалдев от такой прыти и не ожидая удара в это место, я чуть не напоролся на нож, но вовремя увернулся, так что получил только неглубокий порез. В свою очередь я поразил соперника в грудь, — он даже не прикрывал её свободной рукой, плотно прижимая её к правому боку. Но, вопреки ожиданию, нож, проникнув сквозь одежду и кожу, вдруг лягнул по чему-то твёрдому, лишь вырвав лоскут плоти. Чужак вскрикнул и отскочил, схватившись за грудь. Чёрт! Не везёт. Надо же было попасть в ребро...

Только сейчас, в короткой передышке после первой попытки, в которой задохнулась надежда обоих на стремительную победу, мы получили возможность рассмотреть друг друга. Действительно, демон. Под одежкой, напоминающей комбинезон, скрывалось щуплое тельце, покрытое словно бы рыбьей кожей, как у осетра, например. Лицо, если его можно было так назвать, имело, как и у нас, два глаза, более крупных, чем человеческие, без век, по крайней мере я не видел никаких мигательных перепонок или чего-то в том же роде. Впрочем, может, это вообще очки. Носа тварь не имела, рот, да, тот присутствовал, скорее даже пасть. Единственное сходство между нами — это гуманоидный тип, две руки, две ноги, вот и всё. Ах, да, ещё и кровь, кровь была красная, что логично. С чего ей быть зелёной, если оба дышим кислородом? Рана на его груди обильно кровоточила. Тот факт, что мой порез пустяковый, а у него там хоть и поверхностная, но обширная рваная рана, давал надежду записать очко в свою пользу. К тому же силы равны, а значит и «танцевать» нам, вероятно, придется долго... Может, он истечёт кровью?

Но чужака явно такой расклад не устраивал, он вновь ударил первым и опять попытался всадить нож мне под правую руку. Он наносил удары по большой траектории, всей вытянутой рукой, не сверху, а сбоку. Благо я уже понял, как увернуться, придвинулся к нему вплотную, так что его клинок проскочил мимо, вскользь резанув спину. В этот момент я снова «ковырнул» грудь уродца, и снова безуспешно, словно у него не рёбра, а сплошной панцирь. Я от злости отшвырнул его от себя, попутно зарядив кулаком в нос, точнее, в то место, где он должен был находиться. Чёртовы рефлексы! Как больно! У него бронированная черепушка. Я переложил нож в левую руку, сжимая в конвульсиях от боли правую. А какого чёрта я пытаюсь сломать то, чего нет?! Стоп! А почему у него должны быть рёбра, ведь эта образина из иного мира?! Почему я решил, что знаю, как его убить? Но ведь что-то схожее есть? Да, суставы. В этот момент враг решил воспользоваться моим замешательством и снова бросился в атаку, пытаясь с разбега нанести очередной удар. К его несчастью, я теперь точно знал, куда он метит. Не дожидаясь этого удара, я подпрыгнул насколько мог и постарался приземлиться всем своим весом на его ногу в районе коленной чашечки. Сустав хрустнул, и нога уroda согнулась в обратную сторону. Боль и для него, должно быть, дикая, ибо противник взвыл и вскинул обе руки вверх, пытаясь удержать равновесие. Мои действия опередили ещё не до конца сформировавшуюся мысль, левая рука сама отвелась назад для удара, и в следующую секунду всё было кончено.

Гадкое, несуразное существо повалилось на песок, окропляя его кровавым фонтаном из-под правой руки, где секунду назад мой нож побывал по самую рукоять. Нож я не рискнул оставить в его теле, не зная наверняка исхода, да и теперь ещё сжимал на всякий случай. Кто его знает, может, тварь просто отдыхает, собирается с силами?

— Он мёртв, — объявил голос в моей голове, — поздравляю с победой.

«Увы, мы сами показывали друг другу, как нас можно убить», — промелькнула в голове мысль.

— И что дальше?

— Дальше? Вернёшься к себе в квартиру доедать колбасу, ужинать, спать, работать, стареть, умирать своей скучной банальной смертью.

— Ты недоволен?

— А с чего мне радоваться? Это земные низменные чувства. Я всегда невозмутим.

— Что-то незаметно.

— Не играй с огнём.

— О! Так ты нам завидуешь. Ведь ты хотел бы иметь чувства, а?!

— Жалкий человек, я имею такую власть, которая тебе и не снилась!

— И что, она без чувств? Каково иметь и не радоваться?

— Ты не поймёшь, что такое вечность. Тебе не постичь своим примитивным разумом истинности моего бытия. Ты лишь букашка во вселенной, мелкий муравей. Сегодня я решил не раздавить тебя, как обычно, а подарить жизнь.

— Тебе скучно и ты ничего не можешь с этим поделать. Ведь так?

— Глупец, я играю твоим миром. Сегодня он спасён, а завтра новый поединок. Правда, моё завтра для такой мелочи, как вы, наступит эдак через пару тысяч ваших лет, так что ты можешь считать себя героем, спасителем челове-

ства. Людишки могут спать спокойно до очередного апокалипсиса, а ваши провидцы снова решат, что ошиблись, но это не мешает им назначить новую «страшную» дату. Ха-ха. Прощай, муравей. Надейся, что в следующий раз твоё племя будет представлять такой же хладнокровный и догадливый убийца.

ИСПЫТАНИЕ

01

В окно беспокойно стучали дождевые капли. Сквозь эту дробь едва-едва проглядывала залитая густым туманом панорама — бесконечный лес, зеленым морем колыхавшийся у подножия гор. Отсюда он казался таким же, как и столетия назад, — живым, трепещущим, растущим. Но опытный глаз без труда отмечал перемену — деревья были огромны. С высоты горного перевала их исполинские размеры скрадывались, но стоило оценить расстояние до крон, припомнить высоту, на которой находишься... Некоторые из деревьев поднимались вверх на сотни метров, а стволы их не смогли бы обхватить и несколько десятков человек. Еще десятилетие назад о существовании таких деревьев могли говорить разве что сказки.

Сказки... люди все чаще их вспоминали, неожиданно находя сходство с тем новым миром, что возник будто бы в одночасье.

Человек устало прикрыл глаза. Он мог часами смотреть в окно — в бесконечную серость пейзажа, вкосую расчерченную мелким дождем. Ничего не менялось, но он продолжал смотреть, надеясь, что небо когда-нибудь потемнеет, и закончится, наконец, этот бесконечный закат.

Слегка охнув, он поднялся со стула, растирая затекшую спину. Забот у человека было немного, вот и смотрел — часами, пока глаза не начинали слезиться и болеть.

Убранство жилища его было простым и отдавало ветхостью. На стенах висели выцветшие фотографии в поблекших рамках. Кто был запечатлен на них — уже и не скажешь. В тусклом свете не рассмотреть было размытых силуэтов, лица давно превратились в светлые пятна, фон — в неразборчивую рябь. Мебель в большинстве своем сильно обветшала, многие предметы были неоднократно чинены, некоторые детали заменены на самодельные — необработанные и плохо подогнанные. Бревенчатые стены щетинились просмоленной пенькой, торчащей из щелей. В углу притаилась потемневшая от копоти печь — грубо переделанная старая железная бочка. Сквозь щели в заслонке мигали рыжеватые угольки, сверху, на чугунной плите сердито стучал крышкой старый чайник с потрескавшейся эмалью. С одной стороны от печки расположилась железная кровать, спинка которой, в несколько слоев покрытая облупившейся краской, напоминала кладбищенскую оградку. С другой стороны стоял кухонный стол — приземистый, колченогий. На нем покоились накрытые чистой тряпичной тарелки, кастрюли и сковородки, а рядом на табурете пристроились большой жестяной таз для умывания, черпак с помятыми боками и большой кувшин.

Над кроватью висели косо сколоченные полки. На полках этих стояло несколько книг, завернутая в истлевшую, прохудившуюся газету стопка журналов, треснувшее зеркальце и консервная банка с выгоревшей синей этикеткой, на которой с трудом можно было разобрать слова «Сгущенное молоко». Были там еще какие-то безделушки, но царивший в комнате полумрак скрывал их.

Человек, настолько высокий, что выпрямись он — задел бы головой потолок, сутулясь, подошел к печке. Был он еще не стар, но выглядел измученным, словно от долгой болезни. Лицо его, бледное и морщинистое, походило на мороженое яблоко. Спутанные, давно не стриженные волосы неровными прядями спадали до плеч, и уже нельзя было наверняка сказать, какого они цвета. Одет он был в старый, тертый пиджак с латками на локтях, черный свитер с растянутым горлом и брюки, заправленные в порядке изношенные валенки.

Спрятав ладонь в рукав свитера, человек снял с плиты закипевший чайник и поставил его на стол. Затем, пошарив рукой под тряпичной, выудил оттуда сначала чашку, затем жестяную коробку. Откупорив крышку, он взял из коробки щепоть какой-то сушеной травы неопределенно темного цвета и бросил ее в чашку, залив кипятком. От чашки пошел густой пар, а комната наполнилась горьким ароматом. Поставив чайник на стол, человек зажег маленькую свечку, взял с полки одну из книг и, подвинув к себе чашку, уселся за стол.

Он не спешил ни пить, ни читать. Бережно взяв книгу двумя руками, он перелистал ее, выбрал нужную страницу, затем, не выпуская книги, слегка подул на чашку. На чердаке тихо свистел ветер, под полом скреблась мышь, за печкой, в забитых пенькой щелях шуршали тараканы. Было хорошо и спокойно, можно было не думать ни о чем плохом, а просто и тихо радоваться очередному дню.

Человек читал старую книгу, пожелтевшие страницы которой стали ломкими, а буквы — бледными. Книга живописала другое время, время, когда все было иначе, когда встав из-за горизонта, солнце поднималось в зенит, а в положенный срок — скрывалось на западе, когда люди жили в больших, светлых городах, а он, человек, звался Валерием Акуновым, инженером-конструктором первой категории.

Сейчас он Пограничник. Заключил договор с Бронзовым двором и, следуя этому договору, поселился здесь, на Уральском перевале — на самой границе вечной ночи и пограничных земель.

Люди редко к нему заходили — все чаще подменыши, гнилое семя. Пограничник не любил их — не за что особо любить было. Наверное, если б не они, все могло бы и по-другому сложиться. Там, к востоку от перевала начиналась вечная ночь. Из окон его домика даже в самую ясную погоду виден был только краешек солнца. Внизу, у подножья гор, ночь царствовала безраздельно. Людей там уже не было. Там жили пришлые.

Сами пришлые даже в пограничные земли ходили редко и неохотно. Людей они не любили. Для таких походов у них подменыши были приспособлены. Подменыши эти сначала всех людей с темной стороны выжили, а теперь в пограничье ходить повадились — осторожно пока, по двое, по трое, но с каждым разом все чаще, все наглее.

Пограничник шумно отхлебнул из чашки, перевернул страницу. Книгу эту он читал уже раз двадцатый, помнил почти наизусть, да только все равно раз за разом перечитывал. От этих выцветших строк становилось ему теплее и спокойнее, будто в старую жизнь свою окунался ненадолго.

В дверь постучали, громко и властно. Скривившись, Пограничник книжку аккуратно закрыл и поставил на полку. Затем встал и, пригибаясь, обходя потолочные балки, пошел в сени. Сеней у Пограничника было в доме двое — одни с запада, другие с востока. Сейчас стучали в восточные.

На пороге стоял некто, ростом пониже Пограничника, закутанный в блестящий от влаги плащ с низко надвинутым на лицо капюшоном. Левая пола плаща выпирала, приподнятая чем-то прямым и длинным, притороченным к поясу. Обувь, не тронутая дорожной грязью, сверкала медью застежек.

— Здравствуй, Пограничник, — прошелестел гость, —пустишь?

— Пущу, — коротко ответил Пограничник, отступая в сторону от двери, — заходи, подменыш.

Гость зашел, остановился в сенях. Когда человек закрыл за ним дверь, снял плащ и, отряхнув его от воды, повесил на гвоздь, вбитый в стену. Визитер имел рыжие волосы, но при этом чистую, без конопушек, кожу. Борода и усы отсутствовали, черты лица были тонкие, прямые, глаза — две плоски масла. Густого, медового цвета, без белков и зрачков, точно два янтарных камня в глазницы вставлены.

Под плащом золотилась тонкого плетения кольчуга, собранная так причудливо, что и не поймешь. На поясе — меч тонкий, ножны будто из палых листьев сшитые, рукоять медной ковкой блестит.

— Мир тебе, Пограничник, — сказал подменыш, учтиво кивнув, — не скис ты тут часом, не съели тебя тоска и одиночество?

— Мой долг — моя радость и утешение мое, — вопрос и ответ были частью старого пакта, который Пограничник заключил уже почти десять лет тому назад. С тех пор каждый, будь он подменыш или пришлый, заходил в дом Пограничника именно с этим вопросом, и именно так Пограничник должен был гостю ответить.

Подменыш прошел в комнату, сел на один из стульев. Тихонько звякнула кольчуга, жалобно скрипнуло дерево. Пограничник зашел следом, взял чашку в две руки, грея озябшие пальцы.

— С чем пожаловал, гость? — спросил он, глядя на подменыша. Этот почти не утратил людских черт — верно молод еще. Только вот глаза, да еще, пожалуй, фигура — слишком тонкая, вытянутая. Ну, все ж не чешуя с рогами.

— Дела мои, Пограничник, к тебе касательства не имеют. По договору, заключенному тобой и Бронзовым королем, пришел, чтобы пройти в земли людей.

— Не хочешь говорить — не говори, — не стал спорить Пограничник, — тебе как — прямо сейчас?..

— Погоди, — поднял руку подменыш, — не спеши. Посижу немного, пообвыкну.

Пограничник кивнул, затем сделал большой глоток из кружки. Чай уже поостыл, но все еще согревал кровь. Подменыш с интересом разглядывал убранство комнаты. Человек не припоминал, видел ли его раньше. Похоже, для этого прихвостня пришлых данный выход в пограничную землю был первым.

— Впервые идешь? — решил проверить свою догадку Пограничник. Подменыш огрызнулся:

— Не твоего ума дело.

— Значит в первый, — кивнул Пограничник, спрятав ухмылку за краем чашки, — в первый раз вы все с людьми такие резкие. То, что и сами люди, не сразу до вас доходит...

— Я — не человек, — резко оборвал его подменыш, зло тряхнув рыжей копной, — во мне — старшая кровь, меня воспитали при дворе Бронзового короля...

— Не усердствуй, слышал я уже все это, — буркнул Пограничник, чаю прихлебнув, — только нет в тебе никакой старшей крови. Когда пришлые на земле объявились, разнесли они по свету какую-то заразу. Кто-то от нее сразу умер, кто-то — ничего, вычухался. А некоторые, дети в основном, такими как ты стали. А пришлые их собирали и на свой лад воспитывали, мозги полоскали... Что, не слышал такой истории?

— Слышал, — неожиданно спокойно ответил подменыш, — я б тебе показал «заразу», да договор не велит. Так что твое счастье, старик. А так — запомни: если ты кого попытаешься убедить, что силы старшей крови — это болезнь и зараза, то любой, в ком она есть, в лицо тебе рассмеется. Мы реки вспять поворачивать можем! Из камня воду жать! Огонь вызывать! Летать по воздуху, дышать под водой... Все можем!

— Только под солнцем ходить не научились. А так — да, все можете.

— Научились, — подменыш зло прищурился, — на то тебя тут и посадили.

Теперь разозлился и Пограничник:

— Никто меня сюда не сажал. Я сам! И не тебе, сопляк, о том судить!

Замолчали, глядя друг на друга косо. Чай совсем остыл, отдав все тепло рукам. Пограничник поставил чашку на стол, слегка стукнув доньшком о доски стола. Подменыш встrepенулся, словно звук этот разбудил его.

— Засиделся я, — сказал, вставая, — пора.

Встал и Пограничник. Подошел к столу, достал из резной шкатулки кривой короткий нож.

— Я, слуга Бронзового двора, требую исполнения клятвы, данной Пограничником Бронзовому королю. Пусть твоя жизнь перейдет ко мне и даст мне силы ступить за грань Благословенной тени.

— Я, Пограничник Уральского перевала, исполняя данную мной клятву, дарю тебе часть своей крови, — человек сделал короткий надрез на запястье, — пусть кровь моя даст тебе тень той жизни, которой у тебя нет.

Красная капля сорвалась с запястья и упала на подставленную подменышем ладонь. Едва коснувшись его молочно-белой кожи, капля впиталась, через секунду не оставив после себя ни следа. Пограничник ссутулился еще больше, на лице словно появились новые морщины. На щеках подменыша, наоборот, проступил легкий румянец.

— Исполнено, — сказал он кивая, — отпирай мне дверь, хозяин. Пойду я.

Когда дверь за подменным закрылась, Пограничник, устало шаркая ногами по полу, вернулся в комнату. Постоял немного в самой ее середине, переводя дыхание и держась ладонью за бок, словно после долгого бега, затем подошел к окну, ведущему на восток. Там, в сгущающейся к горизонту темноте шумел лес, играли призрачные огоньки — вспыхивали и гасли. Дождь ненадолго прекратился, воздух стал прозрачнее. Человек вздохнул — исполнение пакта отбирало у него много сил. Пока подменыш не вернется и не возвратит взятое, усталость не исчезнет. А за текущую неделю это уже третий раз — и ни одного возврата.

Пограничник хотел было подкинуть дров в печку, но поленица оказалась пустой — он собирался сходить за дровами сразу после того, как выпьет чаю. Визит подменыша сбил ему намеченный распорядок. Накинув залатанный выгоревший плащ, захватив в сених небольшой топорик с треснувшей рукоятью, Пограничник вышел из дому, направившись ко входу в сарай, рядом с которым под небольшим навесом были сложены заготовленные дрова.

Выбрав из кучи несколько поленьев, человек стал сноровисто колоть их. Работал он неторопливо, размеренно, но движения были точными и уверенными. Когда-то он и представить себе не мог, что будет заниматься чем-либо подобным. Ничего — за пару лет привык, освоил. Наука-то нехитрая.

Из-за угла дома выплыло живое, трепещущее облачко серого тумана. Замерло за спиной Пограничника, застелилось по земле, вытянулось в столб, затем уплотнилось и вырисовалось в фигуру, похожую на человеческую.

Неизвестный был закутан в серые одежды, легкие и свободные, словно дым от сгоравшей листвы. Поверх одежды желтовато поблескивали странные украшения. Лицо неизвестного было вытянуто, глаза — неестественно большие с миндальным разрезом — выглядели странно, но в сумраке трудно было разглядеть детали. Брови, сросшиеся у переносицы, поднимались ко лбу под острым углом. Губы были тонкие и бледные, верхняя нависала над нижней. Уши напоминали уши летучей мыши — большие, заостренные кверху, поднимающиеся над головой почти на ладонь. Волосы... волос словно вообще не было — была странная копна высушенных, пожелтевших трав, спадающая почти до земли, на лбу стянутая медным обручем, гладким, без резьбы и украшений.

Выпростанные из широких пол одежды руки его, неестественно длинные, были схвачены на запястьях широкими коваными браслетами. Узкие ладони заканчивались непропорционально длинными пальцами, увенчанными похожими на иглы когтями. Ног под одеждой видно не было, полы ее словно растворялись, обращаясь в туман, растекавшийся по земле.

Почувствовав на себе тяжелый взгляд, человек обернулся. На какое-то время вокруг повисла тишина, не нарушаемая даже шорохом ветра. Наконец гость произнес:

— Мир тебе, Пограничник. Не скис ты тут часом, не съели тебя тоска и одиночество?

Голос его был гулким и звучал как из бочки — со странным призывком, почти что эхом.

— Мой долг — моя радость и утешение мое, — голос отзвучал с предательской хрипотцой, — но сдается мне, что не мира ты жаждешь.

— Не злословь, человеке, — существо сделало жест рукой, протянув ее слегка вперед и поиграв когтями, — нет в том нужды.

— С чем пожаловал, пришлый? — не стал ввязываться в спор Пограничник. Незнакомец покачал головой:

— Вот ты опять. Сколько уж раз тебе объясняли — как нас называть и почему. Еще раз повторить?

— Повтори, — спокойно отпарировал человек, — память у меня дырявая, не чета вашей. Вдруг чего забыл?

— Не в духе ты сегодня, — подытожил странный гость. Пограничник безразлично пожал плечами.

— А я ведь не просто так к тебе пришел, — спокойно продолжил пришлый. Пограничник невозмутимо вернулся к колке дров, повернувшись к нему спиной. Расколол еще одно полено, собрал дрова в охапку и направился к дому.

— Тяготишься ведь долгом своим? — существо осталось на месте, словно это было какое-то особое противостояние, шедшее не первый год. — Я могу избавить тебя от него.

Человек замер, все еще не оборачиваясь к собеседнику. Тот продолжал:

— Дело есть у меня к тебе. Работы — на неделю, не больше. Выполнишь — освобожу тебя.

— Не ты меня сюда ставил, — медленно, тяжело проговорил человек, — не тебе меня освобождать.

Рука старшего скрылась под одеждой, пошарила там и вынырнула, сжимая в когтях какой-то маленький предмет.

— Узнаешь вещицу, — он вытянул вперед руку. Между двумя пальцами блеснуло колечко — простая полоска желтого металла. Пограничник обернулся, вздрогнул.

— Уговор помнишь? Вернешь кольцо — свободен от долга своего.

— Чтoб тебя черти взяли... — тихо прошептал человек. Пришлый ухмыльнулся. Поднялась кверху губа, обнажив ряд выступающих зубов, тонких и острых.

— Заходи в дом, — хмуро бросил Пограничник и первым вошел внутрь. Пришлый через дверь не пошел, туманом растекся по земле, а через мгновение проявился уже в комнате, в дальнем от печи углу. Внутри сразу стало сыро и затхло. Пограничник бросил дрова рядом с печью и развернулся к гостю.

— Перед моим приходом ты пропустил через границу пробужденного, — заговорил тот, — скоро он вернется. С ним будет человеческий ребенок. В ребенке — особая кровь. Приюти их у себя дней на пять, не больше. Потом они уйдут. А ты — получишь свое кольцо. И волю.

Человек не ответил. Что-то странное было в этом простом, на первый взгляд, договоре. Подменыши часто воровали детей из пограничья, но еще никогда не останавливались в его сторожке — даже на час. Один из подменышей как-то сказал, что чем быстрее ребенок попадет под благословенную тень — тем лучше, тем слабее будет его связь с миром людей. Дело явно было нечисто.

— Темнишь, пришлый, — наконец произнес пограничник. Гость сложил руки домиком, клацнул когтями.

— А коли и так? — ответил. — Что тебе с того? Тебе ли в наши дела влезать? К тебе они касательства не имеют...

— Тогда ваш король также говорил, — оборвал его Пограничник, — обманули меня раз — хватит. Более не надо мне такого.

— Ну не надо — так не надо, — клыкасто улыбнулся пришлый, — я тебя на веревке к свободе тащить не буду.

— За службу мою король обещал семью оградить! Сколько лет я отслужил? Пять? Десять? А про кольцо что говорил? Да только не так все вышло, как обещал он мне!

— Не шуми, не возводи хулу напрасно, — спокойно проговорил пришлый, руки в полы пряча. — Король двора Бронзового обещал, что защитит тебя и семью твою от гнева старших — его двора и любого другого. Кто ж виновен в том, что люди сами твою жену с детишками заживо сожгли? Потому и кольцо не отдал — службы-то своей ты не исполнил!

Пограничник зло уставился на пришлого, затем отвернулся, открыл кочергой заслонку, подбросил дров. Отливающие рыжим угли выбросили сноп искр, несколько вылетели из печи и упали к ногам человека. Кочергой потушив их, он обернулся к гостю, недвижно застывшему в углу.

— Решайся, человек, — сказал тот вкрадчиво, — коли нет — так я пойду. Чего время терять?

Пограничник посмотрел на гостя тяжело, не тая злости. Разгоревшийся в печи огонек осветил стоящую вдалеке фигуру. Блеснули в пламени глаза чужие — с четырьмя зрачками.

02

Айдан поглубже надвинул капюшон, плотно запахнул плащ, спрятав под него руки и прибавил шагу. В Благословенной Тени он никогда не мерз — земля относилась к старшим и их окружению с бережностью матери. Впрочем, многим жгучий мороз был по душе — особенно Серебряному двору. Потому и была его твердыня в самом сердце Тени, где землю намертво сковал лед, а темнота была беспросветной — даже звезды и луна никогда не проглядывали из-за густых, низких туч.

Бронзовый двор полной тьме предпочитал обманчивый сумрак. Потому и поставили свою цитадель возле самых границ, потому и привечали людских отпрысков — пробужденных. Серебряный двор людей ненавидел и боялся, потому даже тех, в ком проявлялась старшая кровь, отвергал и истреблял. Золотой двор слишком гордился своей родovitостью, чтобы ставить пробужденных выше, чем люди — домашнюю скотину. Где-то далеко, на другом пограничье, по слухам, был еще двор Деревянный, но о нем Айдан почти ничего не слышал — только то, что вражда у них с Бронзовым двором была давняя.

Дорога спускалась вниз, туда, где раскинулся обиталищем призраков прошлого человеческий город. Давно покинутый, он лежал темным покрывалом, уже оборванным по краям кромкой леса. Только редкие огоньки кое-где пробивались сквозь царящий здесь закатный сумрак. К одному из этих огоньков и шел Айдан.

Там, на Перевале, дождь уже, должно быть, прекратился, но здесь он все еще лил, холодные капли забирались под плащ, противно щекотали кожу, то и дело заставляя вздрагивать. Склоны вокруг уже покрылись лесом — густым и молчаливым. Айдан мысленно поразился тому, как сильно отличается лес здесь и в Благословенной Тени. Жизнь в теновом лесу не затихала ни на секунду: порхали между ветвей легкие фонарики малых духов, шуршало в подлеске многочисленное зверье, звучно переговаривались птицы, шумели, беседуя о вечном, мудрые деревья...

Здесь только ветер беспокоил кроны. Пустая земля, ничейная. Айдан торопился — порученное старшими дело не требовало отлагательств, да и находиться здесь хотелось как можно меньше. Он прикрыл на секунду глаза, представив мир вокруг как тончайшую паутину, нащупал нужные нити среди ведущих к нему, обдумал, осторожно потянул. Накатившая было усталость медленно отступила, тело налилось свежей силой, шаги стали упругими и широкими. Хорошо стало идти — даже дождь и холодный ветер нипочем.

Покинутый город встретил его зловещим уханьем ветра в разбитых окнах и скрипом распахнутых дверей. Жутко тарасились темные проемы, хрустел под ногами растрескавшийся асфальт, остовы брошенных машин напоминали выброшенных на берег рыб. Когда солнце навсегда зависло над горизонтом, когда грань между мирами исчезла и старшие вернулись, чтобы потребовать то, что принадлежало им по праву, люди бежали отсюда. Города стали для них ненадежным прибежищем — законы природы, которые они столетиями пытались обуздать и заставить служить себе, наконец, вырвались из рукотворных оков. Следы этого были хорошо видны здесь: обвалившиеся громады домов, следы неистовых пожаров, огромные провалы, поглотившие целые кварталы... Люди в ужасе отрекались от старых своих путей — это спасало их от гнева земли. Но им нечего было избрать взамен... Счастливы те, в ком пробудилась старшая кровь, — вот истинные наследники людского рода, младая поросль, что заменит ставшее дряхлым и бессильным человечество. И старшие это понимали — пробужденные становились их детьми.

Старшие нечасто выходили за границы Благословенной Тени — за ней мир для них словно был лишен воздуха — они истощались, стремительно теряя силы. Пробужденные, сохраняя в себе частицу людского, все еще могли покидать Тень — пускай и с небольшой помощью. У пробужденных в пограничье было много дел.

Впереди показался грубо слеplенный из нелепых обломков забор, перекрывавший улицу. В заборе серели выкрашенные ворота. Ворота были заперты.

Айдан подошел к ним, осторожно коснулся рукой шершавой поверхности. Тихо было за воротами, сонно. Мерно шелестел дождь, тепло и уютно гудел дымок в печных трубах.

Пробужденный мог легко вышибить ворота, снеся заодно и всю стену. Но делать этого не стал. Подумав, он прикрыл глаза. Ветер вокруг него усилился, сворачиваясь в маленький смерч, подхватил завернутую в плащ фигуру, медленно оторвал от земли и поднял вверх. Когда ноги лазутчика оказались вровень с верхушкой забора, он спокойно переступил через него, а утихающий ветер опустил его на землю уже с другой стороны.

Живое поселение внутри мертвого. Почти на самую окраину бежали люди, туда, где застроено было меньше всего, но все же поближе к городу, к его руинам. Как стервятники, кормились они с его труп.

Селение было совсем крохотным — едва ли больше десяти домишек. Убогие, низкие лачуги источали едкий аромат, от дверей тянуло потом, готовкой и душным теплом. Неслышимой тенью скользил пробужденный между домами, выискивая взглядом нужный. Вот и он.

Заплетая в паутине вокруг себя замысловатый узор, Айдан навел морок, изменивший его обличье. Теперь всякий видевший его узнавал в нем своего знакомого и не удивлялся неожиданному гостю. Резко толкнув дверь, пробужденный, пригнувшись, вошел в лачугу.

Внутри было тесно и душно. Густым, пахучим жаром веяло от печки. Люди жались по углам, на колченогом столе коптила тусклая свечка. Айдан взглядом отыскал свою цель — младенца, которого держала на руках полная неопрятная женщина с широким щербатым лицом. Решительно шагнул к ней, протянул руки к ребенку и повелительно сказал: «Дай!».

Одуроченная морочком женщина безропотно протянула ему младенца. Ребенок дремал, но когда его потрянули, передавая из рук в руки, встрепенулся, открыл глаза и, посмотрев на Айдана, тихонько захныкал. Беспokoйно дернулась женщина, зашевелились в сумрачных углах другие обитатели — морок задрожал от беспокойства людского и мог в любой момент пропасть. Резко развернувшись, Айдан вышел из лачуги.

Ребенок захныкал громче, встревоженный темнотой и холодом. Пробужденный прикрыл ему лицо рукой, пытаясь нащупать нити паутины, ведущие к нему. Что-то странное было с этим ребенком, с узором паутины вокруг него... Но разобраться в нюансах не вышло: заголосили в лачуге, залаяла, завывала где-то рядом собака, заскрипели двери соседей.

Отойдя на пару шагов в тени между какими-то пристройками, Айдан привычно оплел себя чарами отвода глаз, заодно заглушив детский плач так, что и в шаге услышать было нельзя.

Какой-то детина выбежал из-за угла, остановился в нескольких шагах от укрытия пробужденного, прислушался. Младенчик всхлипнул, детина обернулся, словно услышал это. Минуту стоял, щурясь в темноту, затем глаза распахнул, рот раззявил...

Ждать Айдан не стал, думать, как заметил его человек сквозь пелену чар, — тем паче. Прижав одной рукой младенца к себе, другой выхватил из ножен меч. Колдовская сталь дымно заструилась в руке, мягким шагом подплыл пробужденный к человеку, рубанул коротко... Упал детина, хрипя. Ребенок еще громче разревелся. Вокруг тоже переполох — чуть не все селение из домов высыпало. Айдан отошел поглубже в тень, двинулся по задворкам к стене.

Добрался до нее быстро, церемониться не стал — не было времени паутину чародейскую плести: мечом рассек кое-как сбитые листья, вышел наружу. За спиной послышались злые вскрики — его, похоже, заметили. Что-то вспыхнуло, гроыхнуло — визжащая смерть пронеслась над плечом Айдана.

«Никак у вас и ружья остались? Вот тебе раз!» — подумал он, прячась за углом исполинского каменного дома. Вогнал меч в ножны, цыкнул на ребенка и дальше пошел. Младенец не унимался, но погоня, кажется, отстала, хоть долго еще над городом слышались гневные мужские выкрики да жалобное завывание баб.

Айден шел по лесу и смотрел на малыша. Тот, устав кричать, все-таки замолк, сердито всхныкивая время от времени и не отрывая от пробужденного пристального взгляда прозрачно-голубых глазенок.

А Айдан смотрел на узор паутины вокруг него.

Точнее, не на узор — на его отсутствие. Такого он еще не видел — узор паутины вокруг ребенка образовывал пустое пространство, словно кокон или яйцо. Никаких нитей к нему не подходило и никаких не отходило от него. Потому-то его плач и слышали сквозь завесу тишины, потому он и заплакал, увидев Айдана, из-за этого и забеспокоились обитатели лачуги, сумев разглядеть Айдана под наведенным морочком. Станный это был малый, очень странный... И зачем он понадобился старшим?

Узкая горная тропка взбиралась вверх по склону, замысловатыми петлями прорезая себе путь сквозь безмолвный хмурый лес. Там, впереди, на седловине Перевала расположилась сторожка Пограничника, где Айдану было велено ждать, пока не придут за ним старшие. Может, день, может — три, а может, и неделю. Неделю вдали от Благословенной Тени — шутка ли? Но приказ есть приказ. Дело старших — приказывать, дело пробужденных — исполнять их волю.

Вот, наконец, закончился подъем, засветилось тусклым огоньком впереди окошко сторожки пограничной. Ребенок снова забеспокоился, захныкал.

Придерживая сипло плачущего младенца одной рукой, Айдан с силой заколотил кулаком в двери. Внутри зашуршало, задвигалось, вскоре раздалось шаркающие шаги и глухое бормотание. Пограничник открыл дверь, угрюмо взирая на вошедшего из-под опущенных бровей.

— Вернулся? — каркнул он. — Заходи, коршун. С добычей, никак?

Пробужденный вошел молча, не глянув на человека. Прошел в комнату, осторожно снял плащ, постелил подкладкой вверх на кровати пограничника и положил на него ребенка.

— Отдавай что взял, — сердито буркнул из-за плеча Пограничник.

— Нет, — коротко отрезал Айдан, — побуду я у тебя недолго. Пока старшие не придут. Буду уходить — отдам.

Пограничник зло сплюнул на пол.

— Что за напасть? Чего тебе тут торчать? Ну, украд ты очередного дитенка, подменыша нового из него вырастят — эка невидаль! Чего вам здесь торчать?

— Не твоего ума дело, — огрызнулся пробужденный, обнажая лезвие, протирая его бархатной тряпицей. Оглядел убогое убранство комнаты, заставляя глаза привыкать к увиденному. Кто знает, сколько времени еще предстоит здесь пробыть?

Все же сидеть без дела Айдану не довелось. В землях Благословенной Тени еда была всего лишь одним из удовольствий. В Пограничье же она была суровой необходимостью. Есть хотел не только пробужденный, в котором пульсировала частичка чужой жизни, но и младенец. Пограничник, видимо еще помнивший, как нужно ухаживать за людскими детьми, в голос бранясь, погнал Айдана обратно в город — добыть еды и питья. В этот раз плетению паутин уже ничто не мешало и пробужденный просто взял все, что ему было необходимо, и вернулся в сторожку.

По возвращении он обнаружил в доме нежданную гостью. Молодая женщина хлопотала над ребенком, воркуя и напевая, а Пограничник довольно ухмылялся, потягивая дым из большой глиняной трубки.

— Кто это? — спросил Айдан, сбрасывая плащ и угрожающе положив руку на рукоять клинка.

— Марина, — неожиданно спокойно произнес Пограничник, выпустив пару дымных колец, — она захаживает ко мне иногда. Вот увидела ребенка, так сразу вызвалась помогать. А я не противился — младенцу без женской руки нельзя.

Айдан молча положил узел с добытой едой на стол, затем сел на табурет в дальнем, самом темном углу и замер, наблюдая за хлопотами женщины.

Он наблюдал за тем, как она кормит и купает младенца, как ласкает его и баюкает. Ребенок быстро привык к ней, улыбался в ответ, смеялся, когда смеялась она. Что-то в этих сценах, таких простых и таких чужих для него, заставляло Айдана следить за женщиной и ребенком неотрывно, затаив дыхание.

Когда тучи разошлись и горизонт осветился рыжими лучами солнца, пришел первый из старших.

Он был горд и величав. Тело его словно было соткано из солнечного света: кожа струилась яркими, золотистыми лучами, грудь была закована в сверкающий нагрудник, наплечи возвышались словно замковые башни, затейливо украшенные и переплетенные. Отороченный белым мехом плащ спадал до земли, тяжелый, словно отлитый из стали, и струящийся, словно шелковая лента. У него было четыре руки — две сжимали резной посох с янтарем в кулак размером, закрепленным на навершии, две покоились скрещенными на груди, тонкие пальцы украшало множество колец с самоцветными камнями. Волосы текли подобно расплавленному золоту, обрамляя идеальный овал лица. Ростом он был на пару голов выше Пограничника — человека довольно высокого. Он не смог бы войти в дом, не согнувшись почти пополам. Но входить он не стал.

Он принадлежал Золотому Двору, чья твердыня стояла в землях, где солнце замерло в вечном зените. Неимоверная жара иссушила те места. Когда-то там простирался великий океан, но горы, шедшие по его дну, были подняты по воле старших — и стали землей Непокоримого Солнца, землей, куда человеку путь был заказан. Старшие Золотого двора редко появлялись здесь, хоть и не состояли во вражде с двором Бронзовым.

— Пробужденный, Айданом названный! — громогласно произнес золотой великан, — выйди ко мне. Я желаю говорить с тобой.

Пробужденный вышел, щуря глаза от непривычно яркого света, исходящего от неожиданного гостя.

— Слушаю тебя, старший, — почтительно поклонившись, произнес он. — Поведай, что привело тебя в наши края. Путь, насколько мне известно, не близкий...

— Для того, кто творил этот мир, в нем не может быть долгих путей, — ответил старший, — но я пришел не для того, чтобы хвалиться своими силами. Скажи, пробужденный, здесь ли младенец, которого ты выкрал из небольшого городка на западном склоне гор?

— Да... — ответил Айдан до того, как обдумал свой ответ. Золотой довольно кивнул:

— Хорошо, пробужденный. Отдай его мне.

Айдан замер. Этого он не ожидал, хоть и понимал, что старший не мог появиться здесь без веской причины.

— Я счастлив тем, что вы снизошли до разговора со мной, — осторожно начал пробужденный, — но я служу Бронзовому двору, и по приказу моего короля должен передать младенца лично ему. Такова моя служба, старший.

Золотой великан переложил посох в одну руку, другой коснулся плеча собеседника. От его ладони исходило сильное, почти обжигающее тепло.

— Верность долгу — великая добродетель. Но твоим владыкам не достало знания понять всю опасность, заключенную в этом человеческом отпрыске. Быть может, поймешь ты?

Когда грань между мирами перестала существовать, человек оказался беззащитен перед Туманами творения, а мы, старшие, — стали уязвимы для Паутины мира. Вы, пробужденные, стали первым мостом между нами и людьми. В вашей власти было плести паутину, но не как было дано людям, а через вашу связь с Туманами. Мы обучили вас и обратили в щит между двумя народами...

Айдан кивнул:

— Это мне известно, старший. Те же слова говорили мне мои учителя. Но какое отношение к сказанному имеет этот ребенок? В нем нет старшей крови...

Золотой великан взял посох всеми четырьмя руками, выставив перед собой и опершись на него. Янтарь светился изнутри, переливаясь и мерцая.

— Твои слова поспешны, а речь моя еще не закончена, — произнес старший властно, — Дитя человеческое, которое ты принес в этот дом, не сможет стать пробужденным. Но не в этом кроется его опасность. Ни пробужденный, ни старший власти над ним не имеют: туманы творения обтекают его, а паутина не вплетает в свой бесконечный узор. Он словно вестник изначальной пустоты, времени, когда не было вообще ничего, даже самого времени. Кто знает,

во что вырастет сила его? Те из нас, кто почувствовал его появление, бояться, что однажды пустота вокруг него пробудится и поглотит этот мир...

Старший замер, пристально глядя на Айдана. Пробужденный молчал. Слова золотого великана заставили его задуматься. Старшие никогда не лгали — ложь была противна самому естеству их. Но и Бронзовый король не мог не знать, куда посылает своего слугу. Знал — и, посылая, о своем думал.

— А что вы сделаете с младенцем, если я отдам его? — спросил, наконец, Айдан. Сразу отказать старшему — означало навлечь на себя его гнев, а гнев их страшен. — Убьете его?

— Убить его мы не в силах. Уж скорее он убьет нас — даже сам того не поняв. — Слово почуяв изменение в настроении хозяина, померкло свечение янтаря в навершии посоха. — Мы скроем его, будем наблюдать и изучать его. Мы должны узнать, таит ли он в себе опасность, и раскрыть тайну его рождения. Его нельзя оставлять без присмотра.

— Но если вы не в силах убить его, как вы предотвратите вред, который он может нанести? — этот вопрос родился сам собой, словно спасительная нить, за которую Айдан тут же ухватился.

— Есть много способов убить человека, не прикасаясь к нему. Он не принадлежит землям Непокоримого Солнца. Если не ограждать его от жара лучей, не давать ему воду и еду — он умрет. Умрет быстро.

— Но не сразу?

Старший подался вперед, прижавшись щекой к посоху. Глаза его — два сияющих золотом провала — сузились.

— Достаточно быстро, пробужденный. Пусть подобные сомнения в нашей силе более не оскорбляют мой слух. Ты решился?

Айдан замолчал, отступив на полшага назад.

— Да, старший, — наконец произнес он, — я решился. Твои слова мудры, но долг перед моим владыкой для меня выше любой мудрости.

Золотой великан распрямылся, словно увеличившись в росте. Посох он теперь держал поперек тела, на вытянутых нижних руках. Верхнюю пару он скрестил на груди.

— Твоя верность долгу достойна восхищения, пробужденный. Но легко быть верным, скрываясь от мудрых слов в темноте незнания. А куда ты скроешься от страха?!

Фигуру охватило слепящее золотое пламя. Земля под ногами его вспыхнула и загорелась, камень пылал как сухая щепка, огонь с ревом вздымался к небесам, выл рассеченный сотней языков воздух. Айдан отшатнулся, закрыв лицо рукой.

— Я не отступлю! — закричал он пытаясь преодолеть рев пламени. Второй рукой он выхватил из ножен клинок. Дымное лезвие дрожало и колебалось под волнами силы, исходящей от старшего. Но первым Айдан бить не стал — знал, что поразить воина Золотого Двора сил у него все равно не достанет. Недвижим оставался и старший. Так стояли они, замерев в ожидании. Наконец пламя вокруг золотого великана спало. Он снова оперся на посох. Айдан опустил руку и убрал меч.

— Древний договор между нашими дворами запрещает мне напасть на тебя здесь. Хоть тут и граница, все же Пограничник — вассал Бронзового короля, а значит, тут — его земля. Так и передай своему сюзерену. Тебе же скажу: я — не последний гость, который придет к дверям этого дома. И когда стены покроются инеем, а за окном завоюет пурга — тогда ты вспомнишь обо мне, пробужденный. Вспомнишь и пожалеешь, что не внял моим словам. Закрой глаза.

Айдан повиновался, и тут же, резанув острыми лучами сквозь кожу век, ударил ослепительный свет. Все длилось недолго — не более секунды. Когда свет ушел и пробужденный рискнул открыть глаза, перед ним никого не было. Даже следов величественного гостя не осталось на каменистой земле.

За спиной скрипнула дверь, послышались шаркающие шаги Пограничника.

— Ушел? — спросил он, остановившись в шаге позади. Айдан не обернулся.

— Ушел, — ответил он, помолчав немного, — странные слова он говорил. Странные и страшные.

— А ты, подменишь, никак думал, что у старших все просто? — сипло хмыкнул человек. — У них ничего просто не бывает. Думал ли, на что тебя посылают? Странное дело, туманом покрытое. Чего дитенка неделю у меня держать — как думаешь?

Айдан молчал, вглядываясь в сумрачный, неясный горизонт. Пограничник сделал шаг вперед, став рядом с пробужденным.

— Я так мыслю — не ребенок им нужен. Нужен был бы — сразу б забрали. И не тебя, балбеса, за ним бы послали.

Айдан резко развернулся и уверенными шагами направился к дому. На пороге он остановился и сказал — веско, как гири кладя слова.

— Скоро сюда старший Серебряного двора придет. Ты готовься, старик. Тяжело будет.

Внутри жарко пылала печка. Сидя рядом с ней на колченогом табурете, женщина держала на руках завернутого в тряпицы младенца, баюкая его и напевая что-то в полголоса. Айдан сел в углу, положив спрятанный в ножны клинок на колени. Песня, которую он едва слышал на таком расстоянии, казалась ему почему-то намного прекраснее, чем возвышенные хоралы придворных певцов Бронзового двора, более чарующей, чем хрустальные переливы королевских арф... Замерев, он словно бы обратился в слух, стараясь ничего не пропустить, — но не решался подойти ближе, чтобы лучше слышать.

Вошел Пограничник, потоптался у порога, подошел к столу, выудил откуда-то краюху хлеба, откусил от нее, затем, случайно наткнувшись взглядом на Айдана, отломал от краюхи кусок и протянул ему.

— Поешь, — сказал шепотом, — голодный, небось.

Айдан покачал головой. Женщина перестала петь, и на душе у него погрузнело. В окно снова застучали мелкие дождевые капли.

Женщина осторожно переложила ребенка на кровать и подошла к Пограничнику. Они обменялись несколькими фразами, которые пробужденный слышать не смог. Потом женщина завопилась у стола — звякала посуда, стучали ложки о миски, плескалась вода. Айдан уже не смотрел. Он устало прикрыл глаза, стараясь на время забыть обо всем. Он хотел представить прекрасные своды Бронзового дворца, высокие башни его, ветер, играющий с тонкими, витыми флюгерами, парящие мосты, такие легкие и незримые, что кажется: тронь — задрожат и рассыплются. Высокие, сводчатые потолки украшенных древними знаменами зал, пышное убранство вельмож на балах и приемах...

Но образы ускользали, тонули в теплом, вязком сумраке, сквозь который рыжими пятнами пробивались сполохи пламени в закопченной печурке. И уже нельзя было понять, видит ли он их наяву или грезит. Если это и была греза, то с каждой секундой становилась она все реальнее. Домик вокруг преобразился — и похож, и не похож. Потолок понижее, к балкам привязаны пучки трав и вязанки лука, на стене висят хомут и оглобля, в углу печь — большая, выбеленная, от нее вдоль стен — лавки, а посреди комнаты — большой стол. И он, уже не Айдан, а кто-то другой, маленький и беззащитный, сидит на теплых, скрипучих половицах. Рядом с ним — кто-то похожий, только поменьше, в руках — фигурки, вырезанные из дерева и скрученные из соломы, вертит он их, что-то говорит, улыбается... А рядом с печью хлопочет женщина — большая, добрая и какая-то особенная. И вот сейчас, вот стоит приглядеться только — и вспомнит он, кто она, кто сидит рядом с ним и что за место вокруг... Вот сейчас...

Громко хлопнула дверь, беспощадно, вдребезги разбив тонкую грезу. Айдан вздрогнул, открыл глаза — и тут же кто-то с силой ударил его в лицо чем-то твердым. Пробужденный замотал головой, пытаясь сфокусировать взгляд. Его ударили еще раз — во рту появился резкий металлический привкус, на языке оказался небольшой твердый предмет. Рывком его подняли на ноги.

Комната была заполнена людьми. Пограничник и женщина лежали ничком на полу, над ними стояли затянутые в черное люди. На головах у людей были шлемы, лица закрывали странные, похожие на морды диковинных насекомых маски. В руках незваные гости сжимали оружие — огнестрельное. Хоть Айдан и редко видел его — узнавал безошибочно. От этих образчиков несло холодным железом — единственным, что люди могли противопоставить старшим. Впрочем, оно, хоть и могло ранить старшего или пробужденного, защитить своего носителя не могло.

Пробужденный сплюнул выбитые зубы, прикрыл глаза, словно обмякнув в руках, сжимавших его с обеих сторон. Мысленно он уже видел паутину этого места, видел тянущиеся к людям нити...

Вначале без всяких на то причин взвыли и упали в корчах двое, державшие Айдана. Еще до того, как они коснулись земли, для остальных фигура его помутнела и стала размытой, едва видимой в полумраке комнаты. Несколько похожих фантомов возникли в других ее частях. Кто-то попытался ударить фантом прикладом — но удар прошел сквозь фигуру, не причинив ей никакого видимого вреда. В ту же секунду взвизгнул рассекаемый воздух и из зыбкого марева материализовался изогнутый клинок, лезвие которого казалось дымчато-серым. Удар был стремителен, и один из людей упал, не издав даже стоны. Пол вокруг распростертого тела стал стремительно темнеть.

Раздалась выстрелы — они прошивали фантомы, словно те были лишь игрой дыма на ветру, но каждое попадание отзывалось Айдану острой, проникающей болью. Все три его призрачных воплощения разили врагов, те падали один за другим, не в состоянии предвидеть и отразить удары. Но их было слишком много, а каждая частичка холодного железа, проходившая сквозь туман фантомов, отнимала у пробужденного силы. Он успел поразить пятерых, прежде чем последний выстрел бросил его на пол, заставив призрачное марево сжаться до очертаний его обычной фигуры. Его окружили, били ногами и прикладами, били так, что темнело в глазах, но не было сил даже прикрыться. Сознание мутилось, готовое в любую секунду сорваться в пучину беспомощности...

03

Когда в комнате началась драка, Пограничник постарался отползти под стол, надеясь, что в этой кутерьме ему не достанется случайная пуля или удар. Плакал разбуженный шумом ребенок, билась в беззвучной истерике Марина. Рядом с Пограничником упал кто-то из солдат. Грудь его была рассечена, из раны фонтаном била кровь...

Драка закончилась неожиданно, буквально через несколько секунд. Солдаты сгрудились в углу, со злой радостью избивая подменыша, который под градом ударов не проронил ни звука. И тут Пограничник ощутил, что от пола, еще недавно прогретого и теплого, повеяло морозным холодом — резким, колючим. Пограничник задрожал — он помнил слова подменыша. Забившись под стол и вжавшись в стену, он зажмурился, надеясь, что смерть придет к нему быстро. Он пытался вспомнить какую-нибудь молитву, но строки давно ушли из памяти — да и какой смысл был молиться единому богу, когда божки поменьше бродили по земле, устанавливая на ней свои порядки и законы?

Оставленные охранять внешний периметр солдаты напряженно вглядывались в подернутые дождем сумерки. Любой человек в здравом уме не стал бы соваться в эти места. Здесь все те законы, которые человек понял и постиг, на которые столетиями привык полагаться, уже могли дать сбой — неожиданный, иногда смертельный. Потому внимание часовых было обострено до предела, пальцы сжимали рукояти автоматов, взгляды, усиленные сложной оптикой, пронзали темноту, отслеживая малейшее движение.

С востока, где на горизонте клубилась вечная мгла, налетел порывистый холодный ветер. Закручиваясь в маленькие смерчи, он шуршал каменной крошкой под ногами солдат, подвывал в щелях на чердаке, стучал ставнями. Мелкий дождь вдруг сменился острой ледяной крошкой. В доме, куда вошел отряд, прозвучало несколько коротких очередей. Там явно шла серьезная драка, но командир запретил без приказа покидать посты. Враг был слишком коварен и непредсказуем, чтобы даже на секунду ослабить бдительность. Впрочем, бой продлился недолго, всего через несколько секунд после того, как прозвучал последний выстрел, в наушниках раздался голос командира:

— Цель нейтрализована. Продолжать выполнение операции.

Солдаты переглянулись, один кивнул другому — мол, все идет не так уж и плохо. Жить ему оставалось меньше десяти секунд.

Принесенная очередным порывом льдистая крошка застучала по маскам, залепляя объективы. Кто-то отвернулся, кто-то торопливым жестом попытался очистить стекла. Все это не продлилось и мгновения, но и этого для старшего было вполне достаточно.

Земля перед одним из солдат вздыбилась, словно зарождающийся вулкан, и, расколов скальную породу, на поверхность вырвался исполин, высеченный из обсидиана. Фигура его лишь отдаленно напоминала людскую, огромные руки касались пальцами земли, плечи выступали вверх, а покоящаяся прямо на них, без шеи, круглая голова была лишена всяких черт, кроме двух пылающих синим огнем глаз и темной прорези широкого рта. Сутулый и сгорбленный, он казался настолько несуразным, выпадающим из привычной картины мира, что солдат, увидев его, ослепел. Одного удара огромной лапы хватило, чтобы изломать его, словно хрупкую куклу. Отброшенное ударом тело замерло в неестественной позе, остальные попытались открыть огонь.

Пули, звеня, отскакивали от массивного тела. Исполин медленно развернулся, и глаза его вспыхнули ярко, слепяще. Один из солдат вскрикнул коротко и страшно, а по телу его от ног поползла ледяная корка. Стремительно поднялась к поясу, перелезла на живот, сковала грудь и, наконец, сомкнулась на лице — за мгновения превратив человека в ледяную статую.

Последний оставшийся в живых солдат с трудом сдерживался, чтобы не броситься бежать, не разбирая дороги и забыв о приказах. Он поспешно пятился к дому, бормоча в переговорник несвязные призывы о помощи. Старший поднял руки на уровень груди и со страшным стуком ударил ладонями друг о друга. Человек даже не вскрикнул — он просто рассыпался морозной белесой пылью, словно и не было его вовсе.

Солдаты в доме слышали стрельбу и предсмертные крики. Повинуясь жестам командира, двое встали у окна, тут же открыв огонь, остальные бросились к дверям, готовясь к атаке.

Первые очереди, выпущенные во врага, отозвались визгом рикошетов. Выбежавшие из дверей солдаты рассыпались по двору, пытаясь укрыться. В сторону исполина полетела первая граната.

Прежде чем раздался взрыв, он поднял руки вверх, широко расставив длинные, искрящиеся сотней граней, пальцы. Земля задрожала, повинуясь воле старшего, пошла мелкими трещинами, из которых белым паром вырывался жуткий холод. Стекла объективов и металлические детали оружия тут же затянуло инеем, граната бесполезным куском железа подкатилась к ногам и замерла. Еще через мгновение инеем покрылись одежда людей и стены построек. Кто-то закричал, не выдержав обжигающего мороза, пронзавшего кожу. Солдаты один за другим выпускали из рук оружие, в корчах опускаясь на землю.

В доме, мигнув, погасли угли в печи, закрипело распираемое заледеневшей влагой дерево стен, покрывались инеем металлические предметы, со звоном лопнуло стекло, закрывавшее старую фотографию. Двое солдат у окна отпрянули, отбросив оружие, — металл, остыв, обжигал руки, словно раскаленный, — и даже перчатки не защищали. Оружие, ударившись о доски пола, хрипло звякнуло и разлетелось на осколки. Солдаты в оцепенении смотрели на матово поблескивающие обломки, не замечая, что изморозь уже покрыла их одежду.

Резкий холод вернул Айдана в сознание. Мысли обрели неожиданную четкость, хотя тело и отказывалось слушаться, на каждую попытку двинуться отвечая резкой болью. Отыскав взглядом Пограничника, подменыш, сцепив зубы, на локтях прополз к нему, рванул за хрустящий рукав.

— Бери девку, — процедил подменыш, не разжимая губ, — и ползите к ребенку. Вокруг него тепло. Ему это не вредит... Но перед этим... Я возвращаю то, что брал у тебя.

Зубами Айдан прокусил омертвевшую от холода кожу, поднес руку к лицу Пограничника. Небольшая красная капля упала на щеку человека, мгновенно впитавшись в нее. На лице его вдруг проступил румянец.

Пограничник ошалело посмотрел на Айдана, затем коротко махнул головой и пополз. Пробужденный не стал наблюдать за этим. Боль уходила вместе с иллюзией человеческой жизни. Он вновь возвращался в Благословенную Тень, причудливо выплетая себя из паутины мира. Спустя мгновение он уже стоял на ногах. Дымное лезвие призывно дрожало в руке, твердой и уверенной.

Он знал, что ему не одолеть старшего. Тем более старшего Серебряного двора — свирепого и беспощадного, вскормленного вражьей кровью. Но шаг за шагом он приближался к дверям. Переступил через скорчившихся людей, уже утративших от боли всякую способность шевелиться, вышел в сени, все белые от изморози, прошел сквозь открытый проем...

И оказался лицом к лицу с ожившей обсидиановой статуей, по силе сравнимой с богами из старых людских легенд.

— Кто ты и почему пришел на земли Бронзового короля с войной? — собрав все мужество в кулак, спросил Айдан, глядя на исполина снизу вверх.

— Я Варкхрайн, старший Серебряного двора, — пророкотал тот, словно внутри него перемалывались камни, — и это не земли твоего короля, подменыш.

— Пограничник заключил с Бронзовым двором договор, — предыдущий гость, сам того не ведая, подсказал Айдану спасительные слова, — он стал вассалом Бронзового короля. А суверен обязан защищать своего вассала.

Исполин замолчал, обдумывая услышанное. Тяжело переступил на кряжистых ногах, закрипел, захрустел стеклянной крошкой.

— Отдай мне ребенка, подменыш, — наконец громыхнул он, — и я пощажу тебя.

Айдан понимал, что жизнь его сейчас висит на тонком волоске. Но отступив сейчас, он лишь навлек на себя большие беды в будущем.

— Убей меня — и Бронзовый двор станет врагом двору Серебряному. Добавь это к вашей вражде с Золотым двором — не много ли берешь на себя, старший?

В этот раз исполин ответил быстро — гневом обжигали его слова:

— Что Бронзовому королю смерть такой букашки? Не начнет двор войны из-за такого, как ты!

Пробужденный знал, что старший ответит именно так. Слова Айдана не замедлили прозвучать:

— Смерть моя будет поводом, а ребенок — причиной! Он — наш по праву, а моя смерть делает это право еще крепче!

Великан закричал — мощно, раскатисто, зло. Кричал он от обиды и бессилия, ибо знал, что сделать ничего не может. Цель была близка — он чуял пустоту, что клубилась внутри убогой людской постройке. Протяни руку — и вот он, ребенок вождельный. Но на пути стоял подменыш, людская кровь, соломинка на ветру... И убрать его с пути нельзя было никак.

Крик еще долго эхом бился в вершинах, а обсидиановый исполин исчез — врос в скалу, будто и не было его. Тяжело дыша, Айдан смотрел перед собой. Вокруг него лежали люди, убитые беспощадным эмиссаром Серебряного двора. В комнатке, промерзшей до основания, жались друг к другу Пограничник, женщина и ребенок.

Твердым шагом пробужденный вошел в дом.

— Чего застыл, хозяин! — крикнул с порога. — Дров принеси, огонь растопи. Миновал лихой час!

Пока Пограничник колот дрова, Айдан выволок из избы мертвых солдат — им зарубленных и холодом старшего убитых. Сложил в ряд за сараем, паутину сплел — разошлась рядом земля, открылась в скале широкая щель. Перекидывая мертвых в нее, Айдан думал, что давно не видел таких. Только в самом сердце пограничных земель сохранились места, где человек все еще жил по-старому. Старшие туда не совались — паутина там была прочная, как стальной канат, скрывала туман, не давала лепить из него реальность. Даже пробужденным там было тяжело — она не подчинялась их рукам, даже на глаза показывалась неохотно. Там, по слухам, люди получали холодное железо — особый металл, для старших опасный.

Людское оружие не могло повредить старшим — оттого они и завоевали свои королевства без всякого труда. Но сплав, полученный в самом сердце пограничья, все же был опасен для них. Он ранил не плоть — он выпивал силу старших, растворял накопленные в них туманы творения, лишая власти изменять мир по своей воле. И старшие, могучие боги этой земли, под ударами такого оружия могли обратиться в беспомощных призраков. Правда, чем сильнее был старший, тем больше железа требовалось, чтобы обессилить его. Обсидиановый исполин, видно, был очень сильным — либо особые пули в отряде были не у всех...

Откуда же они пришли? Как узнали про ребенка? Много нитей сплеталось вокруг него, столько, что и не распутаешь сразу...

Земля сошлась, поглотив мертвых. Айдан довольно потер ладони, обернулся, чтобы идти в дом.

Перед ним беззвучно висел, едва касаясь земли полами серых одежд, один из старших Бронзового двора. Двора Айдана.

— Старший, — он поклонился, и, даже распрямившись, не смел поднять на стоящего взгляд.

— Пробужденный, — ответил гулкий, словно исходящий из множества ртов голос, — ты все еще жив.

— Да, старший, — формулировка слегка насторожила Айдана

— И ребенок все еще здесь, — продолжала фигура в туманных одеждах, — не думал я, что так все завершится.

— Как? — не удержавшись, спросил Айдан, рискуя навлечь гнев старшего. Как это ни странно, но гнева не последовало. Бронзовый спокойно ответил:

— Вот так. Не думал я, что люди узнают о нем, что найдут и выследят тебя. Что эмиссар Серебряного двора внемлет гласу рассудка, а эмиссару Золотого гордость позволит объяснять свои поступки низшему существу. Странно протек ручеек этой истории... но теперь он уже влился в реку судьбы. Возврата нет.

— А вы, — вдруг спросил Айдан, сам удивляясь своей смелости, — чего ждали вы? Чем важен этот ребенок?

Бронзовый помолчал, спрятав руки за широкие полы, затем улыбнулся — сверкнули длинные, как иглы, острые зубы.

— Младенец этот значения для нас не имеет никакого. Мы знали, что такой когда-нибудь да родится. Ну родился — и что с того? Ничего. Власти нашей над ним нет — так это не беда. И у него над нами власти тоже никакой. Пусть живет себе.

Айдан опешил. Такого услышать он не ожидал.

— Старший! — в голосе звучали обида и гнев. — Зачем тогда все это?

— Утихомирься! — прикрикнул на него бронзовый, затем указал на него длинным, когтистым пальцем. — Ты. Ты был важен, не дитя. Напыщенные Золотые, ослепленные ненавистью Серебряные. Все пришли сюда. Если бы не люди — обязательно встретились бы. И не сдержались бы — вцепились бы друг другу в глотки, как псы. А по древнему закону за бой двух дворов на земле третьего ему вира немалая полагается. Жаль, не вышло. Но и это не важно было...

Рука легла на плечо Айдана. Так же ее положил и посланник Золотого двора — только сейчас от руки исходило не тепло, а едкая сырость. Глаза с четырьмя зрачками смотрели, не мигая.

— Не каждый из старших видит всю вашу силу. Подменшами называют, разжиженными. Считают, что лучше них ничего на свете нет и быть не может. А вы раз за разом доказываете, что силы в вас поболее, чем во многих старших. И сейчас так вышло. Бронзовому королю многие на ухо шепчут. Ты мне для другого дела нужен, по-настоящему важного. Но словом убедить короля я не смог. Пришлось делом убеждать.

Айдан какое-то время молча смотрел на собеседника, не зная что ответить. Наконец, словно до него только дошел смысл сказанного, он проговорил:

— Так это все было для того только, чтобы испытать меня?
— И тебя, и меня, — кивнул старший и руку с плеча убрал, — весть о ребенке по трем дворам разлетелась быстро. Только не знаю, кто людей предупредил. Видно, нашлись доброхоты.
— По трем дворам? — переспросил пробужденный, не понимая. Старший кивнул:
— По трем: Серебряному, Золотому и Деревянному.
— Но посланников было только двое ...
— Знаю, — легко согласился бронзовый, — деревянные больше других с людьми знаются. Может, это они и подослали солдат... А может вообще не пришли — ловушки побоялись...
— Но ведь это и была ловушка, — перебил Айдан. Старший покачал головой, снова ощерив острые зубы в ухмылке.
— Это, дорогой друг Айдан, еще не ловушка. Слишком просто, чтоб старший в нее попался. Время пройдет — ты поймешь. Никто лучше нас, Бронзовых, такие ловушки плести не умеет. И ты, вассал верный, научись. Дай только срок.
— А ребенок? Что с ним будет? — спросил пробужденный. Перед глазами стояло видение комнатки с низким потолком, деревянных и соломенных игрушек, женщины... Старший кивнул:
— Ребенка здесь оставим. Нужен новый Пограничник — так лучше него человека и не найти. Как думаешь?

А в комнате над упеленанным младенцем склонилась заботливая женщина. Пограничник устало прикорнул на стуле в углу, на безымянном пальце правой руки поблескивало простое колечко. Теперь Марина могла чувствовать себя спокойнее. По рукам ее время от времени пробегали зеленоватые жилки, глаза засверкали, как два изумруда, волосы поплыли, как в тумане, и уже не угадать было — волосы это или пучок молодой лозы по плечам стелется.

Посланник Бронзового двора ошибся — их давние противники, двор Деревянный, все же явились на зов. Только пришел не старший, а такой же подменыш, как и Айдан. Деревянному двору не за чем было похищать младенца. Он был им нужен именно здесь, на этой земле — только свой, а не чужой. А что нужно младенцу, кроме материнской ласки? Ему предстояло вырасти, войти в силу и только тогда Деревянный двор вступил бы в игру открыто. Пока что женщина, назвавшаяся Мариной, делала свое тихое дело, закладывая основу для будущих событий. Хотя кто мог предсказать, какими они будут?

КРИТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Когда последние слова краткого отчета растворились в зеленоватом мерцании экрана, Бобров тяжело вздохнул. Затем встал и подошел к окну.

Поверхность планеты — черную, прокаленную неистовым солнцем, — обезображивали разбросанные тут и там каменные глыбы. Увидишь раз — больше не захочешь. А если ты обречен разглядывать подобный пейзаж годами, можно и депрессию заработать. Вот в чем одно из преимуществ станций-автоматов!

Инспектор считал, что не зря ест свой хлеб, но в этой ситуации не отказался бы от пары помощников. Из отчета следовало, что произошел взрыв, разворотивший энергетическую установку. Система защиты не дала станции взлететь на воздух, но радиация успела проникнуть в командный отсек. А это очень скверно — Мозг, наверняка, выведен из строя. Причина аварии... Да черт знает, что там сработало не так! И теперь, спустя столько времени, уже вряд ли удастся что-нибудь выяснить. Вот напасть!

— Мне нужна радиационная картина по всем отсекам, — обратился Бобров к информатору. — И самое главное: я хочу знать, в каком состоянии Мозг.

Когда-то все были помешаны на нанотехнологиях. Казалось, еще чуть-чуть — и проблема искусственного интеллекта будет решена. Но вскоре разработчики убедились, что этот путь ведет в тупик. Как научить мертвую схему гибко реагировать на изменения обстановки, принимать решения, продиктованные не только логикой, но зачастую и интуицией, рассматривать факторы, как будто не имеющие отношения к делу, но все же существенные, с точки зрения человека? Гениальный вычислитель — это все-таки не мыслитель!

Свет в конце туннеля забрезжил лишь после того, как был синтезирован витапласт. Это невероятно сложное вещество на углеродной основе обладало удивительными свойствами. Изучив их, ученые поняли, что получили ключ к созданию новой формы жизни — небелковой.

Первичные ячейки витапластовой структуры называли органеллами. Как оказалось, они могли выполнять те же функции, что и нейроны человеческого мозга. Наконец, многолетний труд ученых увенчался успехом: был создан искусственный разум, способный управлять огромными автоматическими системами.

Каждый такой Мозг был идеален для выполнения своей работы. Даже малейшие признаки опасности заставляли его «напрячь» органеллы, и он с честью выходил практически из всех передраг. Но, загружая рукотворный разум специальными знаниями, духовную сферу старались сократить до минимума. Это казалось справедливым, ведь переполненный эмоциями Мозг не мог вызывать ничего, кроме жалости. Ему пришлось бы постоянно страдать от сознания своего безграничного одиночества, от невозможности иметь все, чем обладали его творцы. Кроме того, он бы слишком приблизился к человеческой личности, и тогда неизбежно возникал вопрос: имеют ли люди право эксплуатировать равные им существа?

Итак, любой Мозг, не в пример своим многогранным создателям, находил счастье исключительно в труде. Таким был и тот, который «командовал парадом» на здешней станции.

Убедившись, что информатор выполнил приказ, Бобров снова уселся перед экраном.

Вроде бы не все так плохо: кроме энергетического, область повышенной радиации захватила только командный отсек. И на том спасибо...

Экран на секунду притух, затем вспыхнул снова. По нему побежали огненные знаки, рисуя длинные колонки символов и цифр. При виде первых же чисел Бобров пришел в восторг. Мозг жив! Все нормально! Хотя... Что за чертовщина? Он пробежал глазами алые столбики и ничего не понял. Таких значений просто не могло быть!

— Покажи командный отсек! — приказал Бобров.

На экране возникла знакомая картина: небольшое квадратное помещение, центр которого занимал Носитель — большой коричневый кристалл-двадцатигранник, вмонтированный в сложное приспособление и соединенный с ним множеством питающих трубок. Внутри оболочки, наполненной полупрозрачной стекловидной массой, покоился Мозг. Вокруг приспособления суетились «черепашки». Почему-то их было больше, чем обычно.

Изображение увеличилось, затем коричневая броня растаяла, и на экране появились два угольно-черных шара, между которыми протянулась поросль тончайших, еле заметных нитей.

Такого потрясения Бобров давно не испытывал. Он подался вперед, словно надеясь, что при тщательном рассмотрении картина изменится. Однако все осталось по-прежнему. Два Мозга вместо одного! Это было невыносимо!

Несколько мгновений Бобров лихорадочно соображал, пытаясь объяснить увиденное. Затем вспомнил, что Мозг, раз он уцелел, может сам дать ответ, и связался с командным отсеком.

— Мозг, ты меня слышишь? Это я, инспектор Бобров.

Молчание.

— Если ты не в состоянии ответить, дай сигнал через информатора.

Экран оставался чистым.

Бобров поскреб подбородок. Дело усложнялось. Только неисправный Мозг мог проигнорировать обращение человека. Впрочем, надеяться, что взрыв не оставит последствий, было глупо. Итак, чтобы установить истину, он должен сам отправиться в командный отсек...

Скафандр радиационной защиты был неудобен, громоздок, и Боброву пришлось повозиться, прежде чем он влез в него.

Стены коридора маслянисто поблескивали в неярком свете дежурных люминофоров. Время от времени на уровне лица вспыхивала яркими бликами крышка какого-нибудь встроенного блока. Уже подходя к свинцовой плите, которую воздвигла защитная система у входа в «резиденцию» Мозга, Бобров насторожился. Что-то было не так.

В следующее мгновение, преграждая ему путь, из темноты кольцевой галереи выступил массивный ремонтный кибер.

— В чем дело? — удивленно спросил Бобров. — Отойди.

Однако ремонтник — невероятная вещь! — не подчинился приказу. Металлическое чудовище продолжало возвышаться перед человеком, и в самой его неподвижности было что-то зловещее. Выждав еще немного, Бобров повернулся и медленно, с трудом веря в свое поражение, зашагал обратно.

Хотя станция была полностью автоматизирована, здесь предусмотрели комнату отдыха, киберповара и прочие маленькие удобства для инспекторов, посещавших планету раз в три месяца. Бобров нехотя ковырялся в тарелке с синтетической пищей и размышлял. Непонятное поведение кибера, раздвоившийся Мозг — что бы все это значило? В чем причина аномалий? Во взрыве? Но где связь?..

От множащихся вопросов не было спасения, и Бобров, выйдя из-за стола, почувствовал, что ему просто необходимо отдохнуть.

«Завалюсь-ка я спать, — подумал он. — Может быть, завтра на свежую голову что-нибудь придумаю. Впрочем, никаких может быть. Должен придумать!»

Утром, наскоро позавтракав, он запросил свежую информацию. На экране появилось изображение. Бобров взгляделся...

Непостижимо — шаров было уже четыре!

Да, скучать в этом чудном местечке не приходилось. Сюрприз за сюрпризом...

«Что же, он так и будет удваиваться каждые сутки? — думал Бобров. — Чушь какая-то! Зачем? Решил, что ум хорошо, а два лучше? Ладно, попробуем восстановить цепочку событий. Скорее всего, произошло вот что. Излучения, порожденные взрывом, проникли внутрь Носителя и вызвали мутацию органелл. Со времени аварии, по данным информатора, прошло двадцать три дня. Все это время в витапластовой структуре накапливались изменения. А затем произошел качественный скачок — Мозг освободился от наложенных на него ограничений. Он уже не был тем послушным слугой, каким его привыкли видеть. Решив обзавестись двойником, Мозг приказал «черепашкам» добавить в Носитель органических веществ и произвести синтез. Чего он хотел достичь? Увеличения мыслительных способностей? Но в земных лабораториях было доказано, что нынешний объем Мозга оптимален. А ремонтник? Зачем подвлять его центр подчинения человеку?»

Бобров потер лоб. Он не хотел конфликта с Мозгом, тем более что в этой дикой ситуации неясно было, кто победит.

«Придется на время сделаться дипломатом», — решил инспектор, включая связь.

— Мозг, ответь мне.

Ни звука.

— Молчание неразумно, — продолжал Бобров. — Я представляю могущественную силу. Но у меня нет причины относиться к тебе враждебно. Я уважаю тебя как личность и предлагаю все обсудить. Каковы твои цели? Изложи их. Возможно, они не идут вразрез с нашими планами. Всегда можно найти какое-то решение. Поддай хотя бы знак, что ты готов к диалогу!

«Итак, — подумал Бобров, безрезультатно прождав минут пятнадцать, — придется действовать. Во что бы то ни стало надо проникнуть в командный отсек».

Вспомнив стерегущего дверь кибера, он замаялся. До этого, пожалуй, ему ни разу не доводилось всерьез задумываться о смерти. Работа инспектора, в сущности, была лишена риска — все трудности доставались на долю первопроходцев. Но теперь обстоятельства, грубо и властно приперев Боброва к стенке, требовали от него поступка.

Он сидел неподвижно, положив руки на подлокотники, и смотрел в потухший экран информатора, словно надеясь увидеть там, в холодной глубине, подсказку. Наконец, осознав с предельной ясностью, что выбора нет, поднялся и стал натягивать скафандр. Облачившись в жесткие, как надкрылья жука, голубовато-серые доспехи, Бобров отстегнул от пояса миниатюрный излучатель и взвесил его в ладони.

Оружие имело вид короткой ребристой трубки. Мощность его была невелика, но заряда вполне хватало, чтобы повергнуть даже могущественного противника.

Бобров сунул руку с излучателем в карман и стиснул маленькую удобную рукоятку. Что ж, если у него не будет другого выхода... У кибера совершенная реакция, так что стрелять придется через карман. Совсем как в старинных детективах...

Он вышел в коридор. Ремонтник, как и вчера, неожиданно возник перед самым входом в командный отсек.

— Пропусти, — приказал Бобров.

Кибер даже не пошевелился.

— Пропусти меня, — Бобров заставил себя повторить приказ ровным, спокойным голосом, хотя ему хотелось заржать.

И тут ремонтник медленно, как в кошмарном сне, стал поднимать одну из своих шести рук — ту самую, что заканчивалась внушительным лазерным резаком.

Бобров завороженно смотрел на приближающееся черное жало и, отказываясь поверить в происходящее, все тянул и тянул время. Лишь в момент, когда мысль о близости смерти ледяной стружкой проникла в сознание, он нажал на спуск излучателя.

Ослепительно голубое лезвие луча вспорол корпус кибера. Ремонтник накренился и, на мгновение задержавшись в неустойчивой позе, рухнул на пол.

Бобров потрогал испорченный карман скафандра — там зияла дыра с неровными обугленными краями. На душе было мутно.

«Вот и началась война, — подумал Бобров. — Какая нелепость!»

Он обогнул искореженный корпус ремонтника и, подойдя к щиту, встроенному в стену, отключил блокировку командного отсека. Тяжелая защитная плита уползла в сторону. При взгляде на дверь отсека Бобров чуть не выругался: она была заварена. Энергии излучателя не хватило бы на то, чтобы прорезать отверстие нужных размеров.

Что-то шевельнулось под ногами. Он посмотрел вниз. «Черепашка». Универсальный кибер, каких полно в любом помещении станции. На выпуклом панцире красовалась большая тройка.

— Номер три, вскрой командный отсек! — скомандовал Бобров.

«Черепашка» продолжала ползти куда-то по своим делам. Это уже совсем никуда не годилось. Похоже, все киберы перестали подчиняться человеку!

Присев на корточки, Бобров бесцеремонно перевернул «черепашку» на спину, сдвинул центральную брюшную пластину и отключил канал связи с Мозгом. Теперь робот-малютка подчинялся только человеку.

«Черепашка» включила присоски и поползла по стене. С характерным чуть слышным, на пределе восприятия, звуком заработал вибронож, и спустя несколько минут аккуратно вырезанный металлический прямоугольник вывалился в коридор.

Бобров шагнул в проем и тут же наткнулся на странную сиреневую паутину, затянувшую отсек от пола до потолка. Даже не успев по-настоящему удивиться, он сгоряча попытался ее порвать. Непонятная субстанция не поддавалась. Выхватив излучатель, Бобров стал стрелять в одну точку — до тех пор, пока не кончился заряд. Никакого результата!

За сиреновой пеленой смутно виднелись фигуры оживленно работающих киберов. Бобров стоял у преграды, сжимая в руке бесполезный излучатель, и чувствовал себя мальчишкой, пытающимся подглядеть что-то недозволенное из загадочного мира взрослых...

Информатор пока еще не отказывался помогать человеку. Почему-то Мозг не спешил, а может, просто не считал нужным взять это устройство под свой контроль.

Числа, возникающие на экране, были ни с чем не сообразными, и в другой ситуации Бобров решил бы, что прибор неисправен. Но теперь оставалось одно — верить всему и, осмысливая информацию, искать выход.

Паутина... Это было что-то новое, не известное земной науке. Вещество? Поле? А может, то и другое сразу? Мозгу понадобилась высоконадежная защита — и он ее получил. Но каким путем? Вероятно, удваиваясь, он каждый раз, действительно, повышал свой интеллект, а теперь поумнел настолько, что решил проблему, к которой человечество еще и не подступалось. Ну, а сторож-ремонтник у дверей — это был, видимо, просто пережиток старого, «варварского» образа мышления.

Итак, Мозг сделался Супермозгом. Почему же в земных условиях этого не происходило? Очевидно, дело не просто в количестве компонентов. Нужно еще соединить их связями таким образом, чтобы образовалось не несколько равных разумов, а один, но зато какой! Мозг, претерпев мутацию, нашел гениальное решение этой задачи. Похоже, витал пласт обладает, кроме известных людям, какими-то совершенно особыми свойствами.

Но откуда берется энергия на все эти чудеса?

— Мне нужны данные о состоянии реактора, — сказал Бобров.

Ответ информатора его ошарашил: энергетический отсек был восстановлен и работал в нормальном режиме! Это означало, что армия ремонтников под мудрым руководством Мозга сработала фантастически быстро.

С одной стороны, небывалые способности, глубокое постижение тайн материи, а с другой — пренебрежение человеческой жизнью! Как это увязать?

«Мы сами виноваты, — подумал Бобров, — захотели создать идеального слугу, думающего только о том, как лучше выполнить свою работу. Но просчитались. Чего ожидать от разума, ограниченного искусственными рамками? Голый интеллект. Никаких чувств, кроме внедренного в подкорку почтения к хозяину. Стоило этому предохранительному клапану отказать — и прежней идиллии пришел конец. По воле случая станция превратилась в колыбель удивительного младенца, подрастающего не по дням, а по часам. Кто знает, чем все закончится? Может, уже завтра окрепший малыш сочтет свое жилище тесным, разломает его и начнет эксперименты в масштабах планеты?»

Информатор редко использовали для серьезных расчетов, но вот такой момент настал. Бобров перечислил ему все свои наблюдения и велел на их основе предсказать будущее искусственного разума.

Ответ был очень длинным и столь же неоднозначным. Согласно самому пессимистичному варианту, через некоторое время Мозг должен был сделаться властелином всей Галактики. Если же верить другому, ему предстояло, достигнув совершенства, замкнуться в себе, стать чистым философом. Между этими двумя крайностями уместилось еще множество прогнозов. Часто они различались лишь мелкими деталями. Бобров просматривал их до глубокой ночи. Наконец, сморенный усталостью, он отправился спать.

Утро принесло новые неожиданности. В воздухе появились странные цветные ручейки. Они непрерывно струились в различных направлениях и ловко уклонялись от попыток их потрогать. Под самым потолком кружились, не падая, яркие золотистые блески. Бобров легко дотягивался до них, но блески так же легко проходили сквозь его пальцы.

Информационный отсек изменился еще больше, чем комната отдыха. Над головой повисли слегка колышущиеся алые лоскутья, пол покрывала какая-то прозрачная твердая субстанция, а вдоль стен, закрывая выход в коридор, тянулась знакомая сиреневая паутина.

Боброва было трудно вывести из себя, но тут он, наконец, выругался. И так, во-первых, его замуровали. А во-вторых, перемена декораций наводила на мысль, что Мозг начал забавляться с пространством-временем. Физик, наверное, ходил бы на голове от радости, что довелось такое увидеть. Да, рай для ученого! Только как дожить в этом раю до прилета корабля? Ждать еще двое суток, а Мозг в любое время может выкинуть что-нибудь такое, от чего он, Бобров, распадется на атомы...

Другую новость ему сообщил информатор. На экране появилось изображение, слегка смазанное из-за обилия порхающих в воздухе клочков сиреневой паутины. Носитель, благодаря стараниям «черепашек», разросся уже в половину отсека. Шаров, опутанных густой сетью черных капилляров, было восемь.

Итак, Мозг снова удвоился. Не было никаких признаков того, что этот процесс когда-нибудь прекратится.

«Что же он, черт возьми, замышляет? — подумал Бобров. — Много бы отдал, чтобы узнать... А вообще-то... Тьфу ты, да ведь это совсем легко! Как я мог забыть!»

Одна из служб станции выполняла функцию контроля. Особое устройство — транслятор — позволяло прослушивать команды, которые Мозг отдавал автоматическим системам и киберам. Когда-то этим прибором пользовались часто, но со временем, убедившись, что неожиданностей не предвидится, вообще прекратили контроль.

Отыскав нужный блок, Бобров включил его. По экрану с огромной скоростью помчались строчки текста. В глазах заребило. Пришлось засинхронизировать изображение. Получилась неподвижная картинка — кусок, вырубленный из бесконечной ленты непрерывно отдаваемых Мозгом распоряжений.

Пробежав текст глазами, Бобров ничего не понял: лишь отдельные разрозненные островки команд выглядели осмысленными. Остальное излагалось на каком-то несуществующем языке. Загадочные слова перемежались не менее загадочными символами. Бред? Не похоже. В построениях фраз, даже непонятных, чувствовалась какая-то логика.

Очевидно, Мозг, ощутив недостаточность своего словарного запаса, создал собственный язык. После чего в два счета обучил ему подчиненных.

Мозг представился Боброву великаном, в очередной раз словившим прокрустово ложе установленных людьми ограничений. Однако невольное восхищение тут же уступило место тревоге. Вот что содержалось в доступных пониманию обрывках текста:

«...Спутнику «Альфа» перейти на восьмую орбиту... Зондам 7 и 13 подготовиться к изменению пространственной метрики в секторе E5C19... В отношении органоида, содержащегося в отсеке 4, не принимать никаких мер до особого распоряжения... Энергетической службе перевести реактор в режим номер два... Вспомогательному энергоагрегату возбудить гиперонное поле в секторе B11I9...»

Бобров поднялся и нервно зашагал вдоль сиреневых стен.

«Затеваешь что-то крупное, — думал он. — Режим номер два... Небывалая вещь! А гиперонное поле — искривление пространства... Что за этим кроется? Думай, думай! Надо доказать, что я не просто органоид, как издевательски назвал меня Мозг, не жалкая амеба, покорно ждущая особого распоряжения! Где-то должен быть выход... Все-таки стоит попытаться еще раз поговорить с этим сверхразумом. Неужели он не понимает, как опасны такие эксперименты? И первой жертвой может оказаться звездолет, который прилетит за мной!»

Он стал вызывать Мозг. Тот молчал. Через полчаса, исчерпав все возможности привлечь к себе внимание, Бобров выключил блок связи. Теперь у него не оставалось выбора. Что ж, на войне как на войне...

В комплектацию информатора входил запасной энергетический блок — компактный, но очень мощный. Как следует приложив руки, его можно было превратить в оружие.

Отыскав знакомую «черепашку» под номером «3», которой еще вчера велел не отлучаться далеко, Бобров привлек ее к работе. Так они и трудились вдвоем — человек и маленькая юркая машина, похожая больше на забавную игрушку, чем на высокоточный автомат, освоивший целый набор профессий.

К вечеру они закончили. Бобров надел скафандр (без термозащиты не обойтись!) и развернул изготовленный аппарат растробом к двери.

Сейчас смертоносная струя раскаленной плазмы, сметая паутину, хлынет в коридор, затопит командный отсек, выжжет его содержимое... Бобров представил себе все это и содрогнулся. Расправиться с другим разумным существом только за то, что оно предпочитает жить по своим законам?

«Но я имею право! — это был уже голос холодного рассудка. — Мне ничего не остается, как убивать».

Да, по-другому он поступить не мог. Достаточно было представить себе, как звездолет с Земли, приближающийся к планете, попадает в воронку искривленного пространства...

Бобров включил прибор. И... ничего не произошло.

Мозг предупредил человека. Этого следовало ожидать, но Бобров до последнего мгновения заставлял себя не думать о худшем. В сущности, вывести аппарат из строя можно было десятком способов — не ахти какая задача для сверхразума...

Бобров выполз из скафандра, опустился на пол и обхватил руками колени. Так, в каком-то оцепенении, он просидел всю ночь. Рядом, словно не желая покидать хозяина в трудную минуту, пристроилась «черепашка».

Ночь, как всегда, кончилась внезапно. Где-то вдаль, робко наметив линию горизонта, возникло бледное голубоватое свечение. Прошло, казалось, всего несколько мгновений, а планета уже вытолкнула из своих недр ослепительно белый солнечный шар. Поднимаясь все выше, он заставлял исполинские тени, пересекавшие плато, торопливо уползать на восток, жаться к подножиям бесформенных каменных громадин.

Бобров встал и, разминая затекшие ноги, несколько раз прошелся вдоль стен. Наконец остановился перед экраном информатора и запросил обзор командного отсека.

Шаров внутри Носителя заметно прибавилось.

«Шестнадцать, — подумал Бобров. — Можно и не пересчитывать».

Он огляделся. Красные лоскутья еле-еле трепыхались под потолком. Вид у них был потрепанный. Паутина поблекла, обвисла. Бобров подошел к выходу и рванул сиреневое полотнище, загораживающее дверь. Со странным звуком, напоминающим писк, паутина разъехалась в стороны.

В первый момент Бобров даже не обрадовался.

«Случилось что-то серьезное, — тревожно подумал он, подсаживаясь к транслятору. — Кто знает, к добру ли эта перемена?»

Экран покрылся строчками. Бобров взгляделся и, как вчера, опять ничего не понял.

«...Система уравнений нулевая орбита кибер пять прекратить пульсацию сетка Локкарта зачем неверное решение нет контроля... Решение системы органеллы распадаются почему турбулентный поток выхода нет топологический вариант каким образом вызвать номер семь распад пространство раскольковано дайте выход...»

Что за белиберда? Поколдовав с настройкой, Бобров зафиксировал на экране новый текст, не лучше:

«...Пропускная способность чернота режим замкнутого цикла нейтринный дождь вопросы вопросы вопросы второй заход девятый тебя не слышу органеллы в тупике задержать распад задержать распад задержать распад...»

Теперь Бобров знал, что произошло. Знал наверняка. Он физически ощутил, как груз проблем, державших его в непрерывном напряжении последние несколько дней, сваливается с плеч. Как просто все разрешилось! Любого финала можно было ожидать, но такого... Не смог великий и всемогущий Мозг вовремя остановиться. И жестоко поплатился за это. Очевидно, количество связей между компонентами нельзя было бесконтрольно увеличивать. Существовал определенный критический уровень. Удвоившись в последний раз, Мозг превысил этот уровень. И... свихнулся. Мысль заблудилась в лабиринтах чудовищно разросшейся коммутационной системы. Распад... Не зря о нем упоминалось в тексте. Видимо, органеллы, не выдержав нагрузки, стали отказывать.

Но не найдет ли гибнущий гигант силы, чтобы повернуть процесс вспять?

Задавая этот вопрос информатору, Бобров снова напрягся. Правда, ненадолго: из ответа следовало, что изменения в веществе Мозга необратимы.

Гениальный младенец так и не смог выбраться из своей колыбели.

ЗВЁЗДНЫЙ ПАТРУЛЬ

01

Серый космический корабль без опознавательных знаков вынырнул из-за диска красной планеты Талмер-6.

— Контрабандист показался, лейтенант Спайс, — заметил штурман пограничного сторожевого катера, затаившегося с заглушенными двигателями за одним из многочисленных спутников Талмера.

— Вижу, — кивнул командир, всматриваясь в дисплей внешнего обзора в командной рубке. Активность двигателей контрабандистов радар зафиксировал ещё с полчаса назад, но в пассивном режиме работы радара оценить размер и количество двигателей невозможно, а в обычном режиме их могли запеленговать. Контрабандист был кораблем класса А5, уступающим сторожевому катеру в вооружении, но более скоростным и манёвренным. Загнать его и взять на бордаж, действуя вдвоем против одного, не было такой уж трудной задачей.

— Приказ д'Обеля: торпеды — к бою! — доложил связист.

С другой стороны спутника притаился в засаде второй сторожевой катер Имперского Космического Пограничного Флота под началом лейтенанта графа д'Обеля, командующего всей операцией.

— Есть торпеды к бою! — ответил бортстрелок, в то время как его пальцы уже порхали над клавишами панели управления. Порты торпедных аппаратов по бокам патрульного звездолёта скользнули внутрь, явив равнодушным звёздам блестящие острые концы болванки торпед. Начался прогрев торпедных аппаратов.

— Ещё один контрабандист, сэр, — раздался голос штурмана, но командир и сам уже видел второй контрабандистский корабль, идентичный первому, показавшийся следом.

— Легкие деньги отменяются! — бодро заметил бортстрелок.

Теперь силы стали примерно равными.

— Д'Обель: приготовиться к бою! — доложил связист.

— Всем: к бою! — кивнул лейтенант, окидывая взглядом многочисленные показания приборной панели.

— Лейтенант, — раздавшийся в наушниках голос штурмана не содержал абсолютно никаких эмоций, — ещё один неприятель!

Третий контрабандист был кораблем класса В6, почти вдвое превосходил патрульный катер по размеру и, что гораздо важнее, по вооружению: он нёс на своем борту восемь торпедных аппаратов. Перевес сил резко качнулся в пользу неприятеля. «Это не обычные контрабандисты», — отметил про себя Спайс. Обыкновенно контрабандисты ходили по одному и не использовали звездолёты крупнее класса А.

— Заваруха будет, что надо, — словно услышав мысли командира, пробормотал бортстрелок Лепестон, но уже без былого энтузиазма.

Единственный плюс, на который мог рассчитывать теперь имперский патруль, это внезапность. Внезапность и слаженность действий.

— Диего, — обратился лейтенант к связисту, — связь с д'Обелем.

Через пару секунд на мониторе связи появилось хищное лицо д'Обеля:

— Лейтенант, нам выпал джек-пот!

Существование контрабандного коридора в этом районе уже давно подозревалося; подозрение окончательно подтвердилось, когда в Филстоне месяц назад полиция накрыла огромный склад нелегальной прихвальной водки. Были также опасения, что через этот коридор переправляется напланетное оружие для террористических групп на Катрионе. Пробовали даже удвоить наряды патрулей на границе, но никаких результатов это не принесло. Лейтенант Спайс, ещё раньше заметивший хитрую прореху, возникающую раз в три месяца на талмеровском участке границы при особом расположении спутников Талмера, предложил устроить засаду. Вначале его никто не желал и слушать, но затем этой идеей заинтересовался товарищ Спайса граф д'Обель, имевший некоторое влияние на командование в силу своего происхождения, и, в конце концов, капитан-лейтенант Макгинс, командир Талмерской заставы, махнул рукой и дал согласие на засаду малыми силами.

Первые четыре дня сидения в засаде прошли впустую, коридор почти закрылся, и д'Обель уже начинал злиться и сомневаться, но сегодняшней, пятый день разрешил все сомнения.

Это была первая серьезная самостоятельная операция д'Обеля и Спайса после учебки. Конечно, они участвовали в общей приграничной облаве полгода назад, но тогда некоторым из них даже пострелять не пришлось. Их и отпустили-то на эту засаду, потому что мало кто верил в эту затею.

— Однако, — возразил лейтенант, — контрабандист превосходит нас по силам. Предлагаю пропустить малые суда вперед и атаковать разом их флагман...

— Тогда малые суда успеют уйти, — скривившись, отрезал д'Обель, — не забывай, Спайс, что у них и так преимущество в скорости. Пропускать никого не будем, атакуем немедленно! Регулярный флот всегда бил контрабандистов!

Спайс ничего не успел ответить — д'Обель отключился.

— Д'Обель: в атаку! — тотчас доложил связист новый приказ.

В пылу своей самонадеянности д'Обель не стал использовать даже эффект внезапности; лейтенант лишь хмуро подтвердил приказ для своего экипажа, опуская на голову шлем боевого управления.

Темно-синие с золотыми буквицами названий имперские патрули включили свои двигатели, вышли из своего укрытия и резво понеслись навстречу контрабандистам. Особенную картину являл собой катер д'Обеля, вовсю паливший из лазерных пушек для устрашения, ибо с такого расстояния учинить какой-либо урон неприятелю было делом маловероятным.

Контрабандисты менять курс не стали, лишь изменили свое построение с кильватерного на боевое: малые суда расположились по бокам флагмана и чуть впереди.

Лепестон присвистнул, оценивая боевое построение контрабандистов.

Д'Обель, несущийся на полкорпуса впереди Спайса, неожиданно торпедировал неприятеля, но скорее опять для устрашения (или по глупости), потому что расстояние между противниками еще было слишком велико, и, как и следовало ожидать, все четыре торпеды стали легкой добычей для неприятеля. Теперь д'Обель остался без торпед — ввиду малости патрульных катеров они несли на борту только по одной торпедой для каждого торпедного аппарата.

После уничтожения последней имперской торпеды флагман контрабандистов в свою очередь осветился белесыми следами пущенных торпед.

— Четыре торпеды, — подытожил штурман.

«Тоже рано атаковал, — отметил про себя Спайс. — Но у него в запасе еще осталось двенадцать торпед».

Контрабандистские торпеды тоже были легко уничтожены. Спайс активировал силовой щит патруля: противники сближались, и скоро вступят в дело лазерные пушки.

02

Вдруг д'Обель исчез с монитора бортового обзора.

— Д'Обель меняет курс, — доложил штурман.

— Что он задумал? — озвучил озадачивший всех вопрос Лепестон.

И в самом деле д'Обель снижал скорость и сворачивал в сторону, опасно открывая свой бакборт неприятелю. Контрабандисты тут же этим воспользовались и открыли огонь из всех лазерных пушек по д'Обелю, хотя расстояние было еще велико. Силовой щит д'Обеля осветился от попаданий вражеских лазеров. Флагман противника вновь пустил торпеды, теперь уже из всех восьми аппаратов. Четыре из них сбили тотчас же совместными усилиями.

Но д'Обель все продолжал уходить в сторону, спешно сбивая оставшиеся торпеды.

— Да он удирает! — внезапно озарило Спайса.

И в самом деле д'Обель откровенно уходил в сторону, уклоняясь от боя. Граф явно запаниковал, потому что маневр был очень неудачным: неприятель был слишком близко, и граф подставил весь левый борт своего катера для вражеского обстрела. Но все равно он уходил, оставляя лейтенанта на поле боя одного.

Спайс лихорадочно соображал. Теперь приходилось рассчитывать только на себя. А значит надо действовать. Иначе — конец. После осознания этой мысли план действия созрел сам собой, и на Спайса снизошло какое-то удивительное спокойствие. Дальнейшее происходило будто во сне, Спайс отдалился от всего происходящего и смотрел на все как бы со стороны.

«Хоть бы один из неприятелей останется с нами в Вечном Космосе!»

— Машины — полный вперед! — команда, обычно короткая, как выстрел, на этот раз показалась Спайсу поразительно длинной и тягучей. — Погонные — огонь прямо по курсу!

И лейтенант взял курс прямо на вражеский флагман: главное — вывести из боя самого мощного противника.

— Лепестон! Торпеды только по моему приказу!

— Есть!

Теперь контрабандисты обратили внимание своих пушек на идущего контркурсом Спайса. Силовой щит засверкал всеми цветами радуги от попаданий лазерных пушек. При таком интенсивном обстреле его надолго не хватит.

На огромной скорости противники сближались. Три контрабандистских звездолета буквально поливали огнем имперский катер. Вдобавок неприятельский флагман пустил свои последние четыре торпеды. Лепестон в этот раз превзошел самого себя и сбил их в рекордное время; последнюю торпеду он сбил в непосредственной близости от катера, и взрывом разворотило одно из погонных орудий.

— Бортовые — огонь!

Спайс на контркурсе прошёл между малыми контрабандистами, обрушив на них всю мощь своих бортовых лазерных орудий. Те, в свою очередь, задействовали свои бортовые пушки. Этот мощный напор огня длился всего доли секунд, но напрочь снёс силовое поле имперского катера, о чем тревожно запищал соответствующий индикатор.

Малые контрабандисты, оставшись позади Спайса, понеслись в погоню за уходящим д'Обелем.

А Спайс мчался прямо на флагман контрабандистов, поливая его огнем из носовых орудий; неприятель тоже не оставался в долгу, и имперский патруль, оставшийся без силового щита, теперь сотрясали разрывы.

Лейтенант Спайс, вцепившись в штурвал, упрямо гнал катер прямо на контрабандиста. На огромной скорости неслись звездолёты навстречу друг другу. Спайс чувствовал, как весь экипаж, не отрываясь, смотрит на поистине завораживающее и всё увеличивающееся изображение корабля контрабандистов на экранах носового обзора. Но, как это ни странно, ничего другого имперскому патрулю не оставалось, его судьба была предreshена в тот момент, когда он остался один на поле боя. Однако теперь появилась надежда, что неприятель свернет первым.

— Командир! — не выдержал штурман.

Спайс не ответил.

Долгое, словно столетие, мгновение корабли летели навстречу друг другу, и, когда изображение неприятельского флагмана заполнило собой весь экран, когда столкновение уже казалось неизбежным, когда Спайс уже проорал приказ пустить торпеды и они, все четыре, устремились к цели, неприятель вдруг рванул в сторону и исчез с экрана. Мат облегчения прошелестел в наушниках. «Лепестон», — скорее догадался, чем узнал лейтенант и изо всех сил крутанул штурвал, делая разворот в другую сторону. От перегрузок помутилось в глазах.

— Бортовые — огонь! — заорал он, но бортстрелок уже до отказа вдавил гашетки. И тотчас бортовые орудия имперского патруля, оказавшиеся на какую-то долю секунды внутри силового поля противника, огненными всполохами прорезали брюхо контрабандиста.

В тот же момент патруль сотрясся от разрывов страшной силы. Сразу несколько экранов померкли. Куча сигналов заверещала нестройным хором, донося о полученных разрушениях. Катер развернулся носом к неприятелю, изображение которого снова появилось на экране переднего обзора.

Контрабандистский флагман являл собой страшную, неузнаваемо искореженную грудку металла, источающую клубы белесого, быстро растворяющегося в космосе дыма; лишь его кормовые абрисы еще узнавались, от носовой части вообще остались одни воспоминания. Но четыре торпеды не могли нанести столь чудовищных разрушений, видеть, что-то взорвалось в носовых трюмах. Каких-либо движений с целью продолжения боя со стороны неприятеля не наблюдалось; вертясь вокруг центра масс, корабль дрейфовал в сторону; наверняка была задета капитанская рубка, и некому стало командовать кораблем.

— Дэн, доложи о повреждениях.

— Покоробило ходовую часть — идти сможем только малым ходом, разгерметизирован отсек D, выведены из строя третий и четвертый торпедные аппараты, левый борт полностью разворочен, — скороговоркой доложил бортинженер.

— Лепестон?

— Бакборт подбит, — отвечивал бортстрелок, — уходные и часть погонных тоже подбиты, но штрирборт цел.

Спайс синхронизировал свой курс с дрейфующим неприятелем и стал на его траверзе.

— Диего — неприятелю: остановить машины, закрыть порты, открыть шлюзы.

Немного помедлив, флагман контрабандистов выполнил все указанные требования и стал на дрейфе.

03

— Контрабандисты возвращаются, сэр, — доложил тем временем штурман.

Малые контрабандистские суда, завидев, что случилось с их флагманом, бросили преследовать д'Обеля и начали разворачиваться к Спайсу. Силы противника уменьшились почти наполовину, но и имперский патруль уже не мог оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Контрабандистам ничего не стоило просто расстрелять практически беспомощный катер в открытом космосе.

Почему же в «открытом» космосе? Лейтенант зло ослабил. Обездвиженный неприятельский флагман еще может сослужить некоторую службу...

Спайс встал правым бортом к флагману неприятеля настолько близко, насколько это было возможно, и стал ждать, подставляя под атаку искореженную сторону. Контрабандисты атаковали сразу с двух сторон, пройдя друг к другу контркурсом.

— Предлагают сдаться, — виновато доложил связист, как бы извиняясь, что именно ему приходится докладывать об этом.

Спайс оставил это сообщение без ответа.

Видя, что имперский звездолет недвижим и не отвечает на выстрелы, на второй круг атаки неприятельские суда пошли медленнее и ближе. Катер от разрывов заходил ходуном. Померк последний монитор левого борта — теперь противников Спайс видел только по радару.

Второй контрабандистский корабль шел ближе своего напарника, ему в противоход и начал разворачиваться Спайс. Когда неприятель поравнялся со Спайсом, тот с упреждением выстрелил с правого борта абордажными кошками, которые служили для аварийного сцепления судов. Вообще говоря, расстояние между противниками было слишком большим для использования абордажных кошек, но запаса тросов должно было хватить.

Неприятель оказался в поле действия орудий правого борта, и Лепестон не заставил себя ждать — он открыл огонь, правда, скорее для морального удовлетворения, чем для нанесения урона противнику: все выстрелы разбивались о силовую щит. Однако сияние сверкающего от попаданий силового щита помешало контрабандисту заметить четыре абордажные кошки, которые настигли его уже на излете атаки.

— Берегись! — заорал Спайс, направляя катер в противоположную контрабандисту сторону.

Поддача троса автоматически блокировалась в тот момент, когда абордажная кошка, пронзив цель, намертво закреплялась, выпустив боковые крючья. Катер дернуло так, что в голове помутилось. Два троса тут же лопнули, один абордажный крюк вырвало вместе с целым куском обшивки; последний, четвертый крюк Спайс отстрелил уже сам. Однако они свое дело сделали: Спайса понесло по дуге прочь в сторону, сцепленного же с ним контрабандиста наоборот потянуло прямо на флагманское судно.

Времени для маневра контрабандисту не хватило, и он по касательной задел кормой развороченный нос флагманского корабля. Малое судно развалилось надвое, вернее, система безопасности корабля при столкновении отцепила кормовой отсек с основными двигателями. Кормовая часть застряла в искореженной части флагмана и взорвалась. Остальная часть — собственно сам корабль, но уже обездвиженный — отлетела в сторону.

Спайс вновь направил свой полуразрушенный катер на максимальной скорости, которую тот был способен развить, под сень флагмана контрабандистов и стал к нему теперь уже левым бортом: ведь оставался еще один противник, который, сделав круг, снова заходил на атаку.

Второй же подбитый контрабандист, оставшийся без хода, не желал сдаваться и пытался отстреливаться лазерными пушками, но дрейф потихоньку сносил его в сторону и сводил угрозу на нет.

Последний уцелевший контрабандист теперь осторожничал, даже слишком, близко не подходил и бил лазерами издали. Патруль пытался противопоставить ему свои лазеры, но пробить силовой щит противника всего лишь несколькими пушками было нереально. Неприятель, кружась вокруг, медленно, но верно добивал имперский патруль.

Взгляд Спайса остановился на вражеском флагмане. У того сохранились несколько орудий на нижнем борту, более мощных, чем у патрульного катера. Если их использовать неожиданно для уцелевшего контрабандиста...

— Экипажу подготовиться покинуть судно, — скомандовал Спайс.

— Куда? — поинтересовался штурман.

— Возьмем на бордаж вражеский флагман, вернее его остатки, — и Спайс, выстрелив единственной уцелевшей бордажной кошкой левого борта, подтянул катер вплотную к неприятелю.

— С одной развалины на другую! — буркнул бортмеханик.

— Думаю, до бордажа дело не дойдет, — заметил штурман, — с неприятеля отошел спасательный челнок.

И в самом деле, радар показал малое судно, оторвавшееся от флагманского корабля. Вскоре спасательную шлюпку можно было наблюдать и на мониторах внешнего обзора: ее подобрал уцелевший контрабандист. Почти сразу же подлетела шлюпка и со второго подбитого неприятельского корабля.

Внезапно вместо того, чтобы в очередной раз зайти в атаку, уцелевший контрабандист развернулся и погнал во свояси за планету Талмер-б. Причина этого вскоре выяснилась.

— Возвращается д'Обель, — бесцветным голосом доложил штурман.

В ответ Лепестон разразился длинной тирадой, в которой преобладали нецензурные выражения. Спайс усмехнулся: его всегда восхищал талант специфического красноречия бортстрелка.

Напряжение спало, тотчас же навалилась тяжесть усталости, и лейтенант заметил, что всё ещё сидит, вцепившись в штурвал мертвой хваткой. Освободить руки получилось не сразу, они отказывались слушаться, их будто свело судорогой. Наконец Спайс отпустил штурвал и непослушными деревянными пальцами снял шлем боевого управления. Голова была вся мокрая от пота. Глаза привычно резанул свет капитанской рубки.

— Дэн, какие у нас повреждения? — утирая пот рукой, устало спросил Спайс.

— Двигатели полностью выведены из строя, — затараторил тот, — кормовые отсеки разгерметизированы, но командная рубка и кубрик целы, система жизнеобеспечения ещё часов сорок автономно протянет.

Спайс кивнул — они еще легко отделались, а вслух сказал:

— Славный был бой, ребята. Штурман, подготовь призовую команду.

— Лейтенант, — обратился бортстрелок, — а если бы флагман контрабандистов не свернул тогда в сторону?

— Тогда, Лепестон, — усмехнулся командир, — нас наградили бы посмертно.

Но Спайс вдруг отметил про себя: он с самого начала знал, что противник свернет. Перевес сил был на стороне контрабандистов, и они шли пожинать лавры победы, а не умирать. Умирать шел одинокий имперский патруль. Шёл умирать, чтобы выжить.

На мониторе внешней связи появилось хмурое лицо штурмана со второго имперского патруля Тантуры.

— Временно принял командование катером, — отвечал он после некоторого молчания. — Граф заперся в своей каюте, — снова помолчал: — Потери есть?

— Потери нулевые, — устало ответил Спайс. — В отсутствие лейтенанта д'Обеля принимаю командование операцией на себя. Свяжись с базой, придется буксировать наш катер и два приза. Экипажи неприятельских судов успели эвакуироваться. Займись малым кораблем, а я высылаю призовую команду на флагман.

— Есть! — козырнул Тантура и отключился.

Спайс отстегнул ремни и, повиснув в невесомости, позволил себе расслабиться — ещё есть время, чтобы подготовиться к эвакуации. Катера с базы подойдут часов через двенадцать, а буксировщики вообще только через сутки. Теперь месяца на два он будет лишён полётов: именно столько, по самым скромным подсчётам, должно уйти на ремонт катера. «Надежная машина, не подвела!» — Спайс любовно оглядел рубку, где больше половины мониторов и датчиков были безмолвны. Зато на его счету два подбитых контрабандиста, а это очень даже неплохо для первого самостоятельного задания!

А вот со стороны д'Обеля лейтенант не ожидал такого поступка. Они вместе окончили Пограничное Космическое Училище, знали друг друга достаточно, и даже считались приятелями. Д'Обель не был трусом или слюнтяем, просто он слишком привык полагаться на свое положение и авторитет. Ни для кого не было секретом, что граф имеет протекцию в командовании пограничной области, ходили даже слухи — которые сам граф, впрочем, не отрицал, — что он внебрачный сын какого-то влиятельного вельможи, отправленный на службу в элитные пограничные войска единственно ради карьеры. Для д'Обеля была бы идеальной роль штабного офицера, однако сам граф жаждал боевых подвигов.

И все бы у него получилось, если бы контрабандисты попались обыкновенные, те, что, едва завидев патрульные катера, пускаются наутек, имея даже боевое преимущество. Всякий жулик старается избегать любого военного столкновения и дерется лишь, будучи зажатым в угол.

Но сегодня, как сказал сам граф, они сорвали джек-пот...

Из раздумья лейтенанта вывел связист: с ними связалась призовая команда.

— Контрабандисты покидали свое судно в такой спешке и панике, — сообщил штурман, — что даже не успели ничего заминировать. Корабль неуправляем, рубка разрушена, но уцелели кормовые трюмы и машинное отделение.

— Что в трюмах?

— Прихованная водка и боеприпасы для напланетного оружия.

Спайс довольно кивнул. Неплохой улов. Тем более что пять процентов из захваченного по закону полагалось экипажу. Закон этот был принят еще в те незапамятные времена, когда Империя раздиралась несколькими гражданскими войнами и контрабанда расцвела буйным цветом из-за малочисленности и сильной коррумпированности пограничных войск. И эти самые пять процентов помогли быстро остановить разгул контрабанды, потому что это было намного больше той суммы, которую могли предложить сами контрабандисты в виде взятки.

— Страшно представить, что же тогда рвануло у контрабандиста в носовых трюмах!

— Скорее всего, атмосферные бомбы или напланетные мины.

Лейтенант кивнул и отдал приказ призовой команде задрать трюмы обратно и возвращаться: если судно неуправляемо, то и им делать там нечего.

04

Помощь подоспела уже через пять часов: прилетел капитан Менстон, патрулировавший на двух катерах в соседнем районе. Окинув взглядом подбитые корабли, опытный капитан удовлетворенно хмыкнул.

— Молодцы, ребята. А теперь, Спайс, немедленно эвакуируйтесь к Тантуре и отправляйтесь на базу. Я же остаюсь здесь охранять призы до прихода буксировщиков, они уже вылетели и будут часов через двадцать.

Чтобы на борту одного катера поместились экипажи обоих судов, пришлось убрать межкаютные переборки даже с рубки, расширив таким образом кают-компанию по максимуму. Только капитанская каюта с запершимся там д'Обелем осталась не разобранной.

Установив курс на военный космопорт и распределив вахту среди двух экипажей, Спайс и Тантура дали утомленным людям отбой. Все, исключая, конечно, вахтенных, тут же свалились спать и поднялись только за несколько часов до подлета к космопорту.

Военный космопорт Новая Кармелита на орбите Филстона походил издали на огромный улей: сотни судов самого разного класса одновременно садились и стартовали с его площадок. Глаза разбегались от такого количества разноцветных огоньков; даже задавшись целью проследить путь одного из кораблей, невозможно было удержать его в поле зрения. Все операции по посадке и старту выполнял автодиспетчер космопорта, а потому какие-либо аварии были исключены.

Тантура отправил в космопорт запрос на стыковку и начал снижать скорость. Вскоре запрос был обработан, и управление катером взял на себя автодиспетчер. Корабль на малой скорости, будто с подчеркнутой аккуратностью направился к одному из стыковочных узлов.

— Сообщение от капитана Менстона, — доложил Тантура, — предварительная стоимость захваченных призов — три миллиона рубларов.

Кают-компания потонула в криках и свисте, все бросились поздравлять Спайса и его экипаж. Это была действительно крупная добыча, редко встречались контрабандисты с товаром на сумму большую, чем миллион. А пять процентов от трех миллионов — очень даже неплохая сумма. Даже поделенные на весь экипаж.

Шум в кают-компании не утихал до самой стыковки, хотя еще целый час корабль под управлением автодиспетчера всячески маневрировал: то поворачивал, то ускорялся, то тормозил...

Но вот наконец катер качнуло в последний раз, и из динамиков донеслось привычное: «Добро пожаловать в военный орбитальный космопорт Новая Кармелита».

— С удачной пристрелкой всех, — произнес обязательную в этих случаях фразу Тантура как командующий катером.

В космопорту корабли, до класса С включительно, пристыковывались носом к специальной стыковочной стреле. Отсюда и пошло выражение «пристрелиться», то есть пристыковаться к стреле. Эта же стрела служила монорельсом для капсул, которые перевозили людей и грузы из космопорта на корабль и обратно.

— Все на землю, — последовал дальнейший приказ. Под землей в данном случае подразумевался космопорт.

Все, весело топая гравитопами, двинулись к носовому шлюзу, и только Тантура, тяжело вздохнув и ещё раз проверив, все ли системы заглушены, направился к капитанской каюте. Теперь во что бы то ни стало надо было достучаться до графа: в космопорт должны были ехать все...

Но уже через десять минут Тантура влез в капсулу для перевозки.

— А где же граф? — своим бесцветным голосом поинтересовался штурман Спайса.

Тантура растерянно пожал плечами:

— Приказано без него...

— Ого! — хохотнул Лепестон. — Видать наш граф и в самом деле большая шишка, раз за ним персональную капсулу пришлют. Только добавит ли это ему смелости?

Под общее веселье капсула резво тронулась, и через несколько минут пассажиры уже были в шлюзе порта. Отсюда им пришлось пройти в карантинную камеру, так как некоторые члены экипажа побывали на контрабандистских судах. Впрочем, эта процедура никому ни испортила настроения и все весело вывалились в предшлюзовую, где их встречал прапорщик Иванько.

— Ну-ка, Михалыч, — обратился к нему штурман, ставя ему на стол коробку, — легализуй-ка нам вот это в счёт наших премиальных.

Коробку прихвальной водки дальновидный штурман захватил еще во время визита на контрабандистский флагман. Хотя это и было полузаконно, но можно было взять часть захваченного приза в счёт пяти процентов, причитающихся экипажу.

— Сейчас оформим, — одобрительно крякнул старый прапорщик.

Прихвальная водка, мягкая на вкус, пьётся почти как сладкий чай и вызывает очень лёгкий абстинентный синдром. Хотя печени от этого легче не становится.

Тут открылся выходной люк, и человек в гражданском буквально втащил графа д'Обеля в предшлюзовую камеру. На графа жалко было смотреть: весь бледный, с бегающими глазами, он, словно пьяный, еле держался на ногах. Стараясь ни на кого не смотреть, человек в гражданском под презрительные взгляды окружающих потащил графа прочь.

— Д'Обель с нянькой, — прокомментировал Лепестон, и камера потонула в хохоте.

Прапорщик шустро оформил все документы на легализацию водки и, согласно давней негласной традиции, получил в своё владение одну бутылку. Прапорщик уважал традиции, а ещё больше он уважал чтивших традиции.

Теперь все формальности были разрешены, и вся компания с вождельной коробкой направилась в казарменную столовую, чтобы отметить первый крупный военный успех Спайса...

05

Спайс проснулся от стука во входной люк каюты. Судя по громкости и частоте, стучали уже давно. Спайс, чувствуя, что всё ещё пьян, с трудом продрал глаза и взглянул на часы: было три часа ночи. Ругнувшись, он дал чуть-чуть света в каюте и разблокировал люк.

В каюту вошли командир Талмерской заставы капитан-лейтенант Макгинс и капитан Стосман. Спайс тотчас же вскочил, похвалив себя за то, что завалился спать, сняв только китель. Хотя этому причиной была вовсе не дальновидность лейтенанта...

Хмурые лица обоих не предвещали ничего хорошего. Старый каплейт выглядел ещё старше, чем был на самом деле. Видать, его ребята переборщили малость с празднованием удачного боя.

— Ты садись, — однако голос капитан-лейтенанта прозвучал почти ласково.

Спайс сел на кровать; командующий устало опустился на стул напротив и, кашлянув, начал:

— Лейтенант, видишь ли, за эти несколько часов многое произошло, — каплейт замялся. — В общем, ты обвиняешься в трусости, в неумелом командовании и пособничестве контрабандистам.

Это было то, что Спайс ожидал услышать меньше всего.

— Мы знаем, что это все сфабриковано, — дальше каплейт заговорил быстро, — я уверен, что ты и спас всю эту чёртову операцию. Но... у графа д'Обеля оказалась большая протекция наверху, намного больше, чем все мы думали... В общем, через два часа после вашего возвращения у командующего Сидорова уже лежал его доклад, где было подробно описано, как он, д'Обель, подбил два контрабандистских корабля и остался целым, в то время как ты чуть не погубил всю операцию и свой катер.

— Достаточно посмотреть бортовые журналы, — возразил Спайс, холодея от предполагаемого ответа.

— Сегодня кто-то тайно проник на катер д'Обеля и выкрал журнал, буквально взломав панель управления. Ты — первый на подозрении.

— А мой бортовой журнал? Надо только дождаться буксиров и...

— На твоём катере — прервал каплейт, — уже побывали агенты внутреннего расследования. Они доложили, что твой журнал исчез. Исчезли также все журналы контрабандистов. Главный подозреваемый — опять же ты.

На это Спайс даже не нашёлся что сказать.

— Как видишь, те, кто поддерживают д'Обеля, привлекли все свои связи. В результате все ошибки д'Обеля: трусость и неумелое командование — списали на тебя. А вспомнив, что ты уроженец Телтона, приписали тебе сочувствие катрионским террористам и обвинили в пособничестве контрабандистам.

— Во время телтонского мятежа мне вообще было только пять лет, — буркнул Спайс.

— Знаю, — устало отвечал Макгинс, — и твои родители, погибшие во время мятежа, не были террористами, иначе тебя просто не взяли бы в Имперский Космофлот. Я только что от Сидорова, — у него практически прямой приказ назначить виноватым тебя. Утром состоится заседание трибунала, приговор уже известен: разжалование и пожизненная высылка на копи Нью-Марса.

Каплейт помолчал.

— Сейчас идут допросы членов обоих экипажей, участвовавших в операции. Перед этим всех настойчиво предупредили, что любой, кто поддержит тебя, также предстанет перед трибуналом как соучастник.

Спайс криво усмехнулся про себя: этот ход он уже предвидел.

— После всего, думаю, мало кто уже осмелится перейти дорогу д'Обелю. Их трудно в этом винить, это означает крест не только на карьере, у многих семьи... — командующий тяжело вздохнул. — Единственное, что мне удалось, не доводить дело до трибунала... если ты подпишешь вот это, — последние слова дались каплейту особенно тяжело, и он был рад, что наконец-то избавился от них.

Спайс взял протянутую бумагу. Это было его, Спайса, признание по всем пунктам обвинения.

— Если подпишешь, тебя просто разжалуют и уволят из флота, правда, без права восстановления. Твой экипаж будет избавлен от преследования.

— Зачем им моё признание?

— Прямых доказательств твоей вины нет.

Спайс кивнул и молча поставил свою подпись.

— Мне очень жаль, но это все, что я смог сделать, — сказал каплейт, забирая документ и поднимаясь.

Неловко попрощавшись, Макгинс и Стосман вышли.

06

Военный космопорт гражданских судов не принимал, а потому экс-лейтенант Спайс ожидал в предшлюзовой камере, когда закончится погрузка грузового корабля, чтобы на нём навсегда покинуть Новую Кармелиту и Имперский Космофлот и добраться до ближайшего гражданского порта.

Спайс был в форме, но уже без знаков различия. Д'Обель работал оперативно, а потому уже к обеду следующего дня Спайс был свободен как галактики во Вселенной.

Вещей было немного, как, впрочем, и денег; и теперь Спайс гадал, куда же он сможет улететь из этой планетарной системы.

Из провожающих был один лишь прапорщик и то только по долгу службы. Во избежание каких-либо волнений командующий Филстонской пограничной зоны Сидоров еще с утра выгнал все свободные от вахты катера на учебную тревогу.

Вдруг открылся входной люк, и в камеру ступил Лепестон. Тоже с личным рюкзаком. Спайс обрадовано вскочил. Бортстрелок (и еще связист) был единственным, кто на допросе, несмотря на угрозы, не испугался сказать правду.

— Здорово, командир! — еще с порога воскликнул Лепестон.

— Привет, стрелок. Куда это ты собрался?

— Уволился.

— Зачем?

Лепестон зло сплюнул на палубу.

— Мы такой бой сделали, а все этому трусу д'Обелю приписали. Я лучше в гражданский флот подамся, там тоже стрелки нужны.

— А если скучно станет?

— Тогда уйду к контрабандистам. У них точно скучно не будет!

Входной люк снова открылся, и вошел капитан-лейтенант Макгинс. Спайс и Лепестон по привычке вытянулись. Хотя не только по привычке: каплейта подчиненные действительно любили и уважали. Макгинс начинал простым рядовым здесь же, в Новой Кармелите, и постепенно дослужился до командира заставы. Родных у него вроде не было, всю свою жизнь он посвятил Имперскому Космофлоту, да и не представлял себе жизни без флота.

— Ну что вы, вольно, — Макгинс, подойдя, крепко пожал руки обоим. — Жаль, что приходится уходить из Флота таким ребятам.

— Лучше уйти, чем ходить в патруль со всякими д'обеями, — ответил Лепестон. — Уж не знаю, как его экипаж будет дальше служить...

— Д'Обеля переведут в другую пограничную зону. Даже с повышением.

Лепестон присвистнул.

— Грузовик закончил погрузку, ребята, — подал голос прапорщик.

— Ну, удачи вам, — Макгинс еще раз пожал руки своим бывшим подчиненным, и те, попрощавшись, двинулись на посадку в перевозочную капсулу.

Смотря через иллюминатор на все увеличивающийся массивный корпус грузолета, Спайс вдруг почувствовал, что ему по-настоящему страшно. Всё, что он умел и любил, к чему стремился, оставалось в Имперском Космическом Флоте.

Он не представлял себе жизни без Космофлота, он ничего не умел, кроме как служить... А теперь все надо было начинать сначала.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА

— Ваше существование экономически нецелесообразно. Сумма на вашем счету не пополнялась в течение десяти дней, — персональный эконом настырно лез в голову, не обращая внимания на сопротивление Соломона.

— Купите нас, и все ваши проблемы уйдут в небытие! — запищали в ушах противные писклявые голоса, и перед глазами замелькали овальные пилюли, покрытые переливающейся оболочкой и объемной надписью «АНТИМИСЛИН».

— Связь! — сжимая зубы, рявкнул Соломон.

Сворачивая с оживленной улицы в пустынный переулок, он постепенно перешел на бег. Темные фигуры, мелькающие за спиной, на мгновение растворились в бесконечной серой толпе, но он знал, что исчез из поля зрения инспекторов экономбеза ненадолго. Знал он также и то, что рано или поздно его поймут, если ничего срочно не предпринять. Ну, а если поймут, то накажут.

— Заменяем ваши старые воспоминания новыми... более увлекательными, учтем ваши предпочтения. Наши услуги почти ничего не стоят, — рекламный пискун пытался уговаривать, валяясь в пыли на асфальте. — Вам нужно только...

Видимо, компания, оплатившая присутствие пискуну в жилом пространстве мегаполиса, давно разорилась, и теперь он доживал свой срок, забытый на дороге, доедая последние запасы энергии в давно подсевших аккумуляторах.

— Связь! — повторил раздраженный Соломон, и тут его внимание привлекло небольшое окно без стекла, расположенное в цоколе одного из старых административных домов, у самой земли, на уровне асфальта.

Не задумываясь, Соломон нырнул в вонючую влажную пустоту. Резкий запах гнили мгновенно проник в ноздри, из глаз брызнули слезы, руки погрузились в скользкую неприятную мокроту. Откуда здесь грязь, и куда смотрит санитарная служба?

Индикаторы влажности, встроенные в одежду, засветились оранжевым светом, и тут же взвизгнул радостный голосок:

— Наши наносалфетки впитают все!

Перед мысленным взором Соломона возникло горное озеро, колыхнулись невысокие лазурные волны. Улыбающийся мужчина сверкнул белоснежными зубами и бросил в набегающую волну красный прямоугольник с надписью «КОМФОРТ». Озеро тут же исчезло — впиталось в небольшую салфетку.

Соломон тряхнул головой, шумно выдохнул застрявший в груди вонючий воздух и, вспомнив о преследователях, быстро прикрыл рот ладонью. Не обращая внимания на противное хлюпанье под ногами, он потоптался на месте, решая, что же ему делать дальше. Ничего не придумав, шагнул к светлому прямоугольнику и, вытянув напряженную шею, выглянул через окно на улицу.

Знакомые фигуры в черных кожаных плащах показались из-за угла и остановились в нерешительности, разглядывая пустынную улочку.

— Заменяем ваши воспоминания, — скрипнул за окном затихающий голос пискуну, ощутившего присутствие человека, — на новые...

Соломон отпрянул от окошка и, стараясь издавать как можно меньше звуков, сгибаясь, чтобы не задеть низкий потолок, скрылся во мраке.

— Наши импланты «Суперглаз» озарят ваш путь. Они позволяют вам видеть в абсолютной темноте, — взвыл в голове истерически-радостный голос.

— Пшел вон! — шикнул Соломон и в очередной раз потребовал: — Связь, черт возьми!

Лицо миловидного оператора всплыло перед глазами. Светлые локоны изящно колыхнулись, слегка касаясь белоснежной кожи плеч. Бархатный голосок томно произнес:

— Чего желаете?

Соломон быстро продиктовал номер:

— Омега 835777890878 дельта 444 дробь 27. Одна минута.

— На вашем счету нет средств, — брови блондинки удивленно поползли вверх. — И к тому же... у вас задолженность! — последние слова, казалось, ранили девушку в самое сердце. Еще немного, и глаза девицы выпрыгнут из глазниц. Прошло мгновение, и они вернулись назад, тут же покрываясь тонкой корочкой холодного презрения. — Три кредита.

— Тьфу ты, мать твою! — сплюнул Соломон.

Разгоняя мрак, прямо в воздухе высветился небольшой экран: «Средство «Юникорм» снизит слюноотделение и уменьшит выработку желудочного сока. Изящный флакон станет безупречным подарком вашей маме».

— Откуда долг? — раздраженный Соломон с трудом сдерживал себя. — В прошлом месяце я общался ровно тридцать минут, как и в любой другой месяц. Точно одну минуту в день. Тридцать минут и ни секундой больше. За тридцать минут я оплатил в начале месяца.

— Все верно, — девушка-оператор, пересиливая себя, попыталась мило улыбнуться, — но вы стабильно оплачиваете обычный трафик, а ваш мыслевор от двадцать второго числа прошлого месяца длился полторы минуты и был зачтен по тарифному плану «ЭРОС». Извините, — блондинка смущенно затупила глаза, — но эротические мыследе-

мы с передачей тактильных ощущений оплачиваются по двойной цене. Очевидно, вы были взволнованы и не заметили предупреждения об окончании времени. За вами долг — три кредита, — как бы извиняясь, продолжила оператор. — Полтора — за превышение лимита, и полтора — за переход на другой тариф.

— Черт возьми! — вспыхнул Соломон.

Вспоминая разговор с учительницей сына Патрика, он до крови прикусил нижнюю губу. Ощущая солоноватый привкус на языке, настойчиво повторил:

— Это были произвольные ассоциации. Вторичные мысли. Черт возьми!

Пытаясь припомнить малейшие детали мысленного разговора, Соломон ощутил, что краснеет.

— Нужно было предупредить нашу компанию, чтобы мы выставили временный фильтр, если вы не в силах справиться со своими мыслями и если вас не устраивает постоянный. А так... — девица развела руками, тщательно изображая сожаление. — Оплати и думай, что хочешь! — идиотски-бодрым тоном повторила она лозунг, высвечивающийся на экране, висевшем на стене над ее головой.

— Черт, да что же это такое?! — возмутился Соломон, сжимая кулаки и напрягаясь всем телом, он мысленно проклинал себя и людей, придумавших мыслесвязь.

— Стоимость постоянного фильтра — пять кредитов в месяц. Стоимость распечатки ощущений реципиента — три кредита, — металлический голос автомата прервал мысленные стенания Соломона.

По всей видимости, девушка ощутила агрессию в голосе клиента и поспешила исчезнуть.

— Платить будете? — сухо поинтересовался автомат.

Соломон, почувствовав себя загнанным зверем, шагнул к окну. Вглядываясь в светлый прямоугольник, он без труда заметил приближающиеся силуэты инспекторов экономбеза. Один из них достал из кармана черного плаща небольшой прибор и повел рукой по окружающим домам.

В голове зашумело, как только антенна, закрепленная на маленькой коробочке, повернулась в сторону временного убежища Соломона. Просовывая руку за пазуху, он нащупал угловатую пластиковую емкость, осторожно прикоснулся кончиками пальцев к мягкой бархатной поверхности и странным образом успокоился, несмотря на то, что кожу обожгло огнем. От прикосновения закружилась голова.

— Ваше существование экономически нецелесообразно. Сумма на вашем счету не пополнялась в течение десяти дней, — угрожающий голос эконома донесся сквозь туман, колышущийся перед глазами.

— Но у меня нет средств, — возмутился Соломон.

— Корпорация «КРЕЗ» выдает любые суммы под залог ваших воспоминаний, имплантов и первичных органов. Пополнение вашего счета в ту же секунду, как только вы передадите нам свой мнемослепок. Проценты по кредитам минимальные. Берите, не пожалеете! — предложил невидимый соблазнитель тоном закадычного приятеля.

— Не хочу! — пробурчал Соломон недовольно.

— Вы прослушали тысячное рекламное объявление за день и получаете праздничный бонус от рекламодателя — пять кредитов, — эkonom, казалось, был горд собой. — Единственное условие перевода — вы должны использовать бонус до конца сегодняшнего дня. Вам необходимо пополнить счет и в самое ближайшее время сделать любую покупку.

— Перевести на счет коммуникационной компании «МЫСЛЕФОН» пять кредитов, — облегчено выдохнул Соломон.

Прошла секунда, другая.

— Транзакция осуществлена, — объявил эkonom, словно через мгновение было бы поздно совершать перевод. — Долг за оказанные услуги погашен. Можете общаться.

— Здравствуй, па.

— Здравствуй, сын.

— Ты уже вернулся?

— Да.

— Он с тобой?

Соломон отогнул запахнутый ворот серого плаща и в очередной раз сунул нос в благоухающую темноту.

— Да! — он хотел замолчать, но не сдержался. — Ты не поверишь, как он прекрасен... — Соломон вдруг вспомнил, что на его трафике все еще нет фильтра, и передаваемые мысли доступны не только Патрику, но и оператору связи.

«Боже мой!» — испугался Соломон, произвольно метнулся в темноту, но вовремя сообразил, что это не спасет его. Под ногами все еще хлюпало, и он тут же понял, что ему нужно делать, чтобы выгнать запретные мысли из головы.

Зачерпнув вонючую жижу из-под ног, он сунул мерзко пахнущую смесь прямо себе под нос. Мозг мгновенно отреагировал и родил самые отвратительные образы. Мерзкие ассоциации хлынули в сознание, принимая самые причудливые мыслеформы.

— Ты приготовил раствор? — поинтересовался Соломон быстро, пока рожденные в мозгу страшилки не рассеялись.

— Да, раствор абсолютно непрозрачен. Будь осторожен, папа, — прошептал Патрик и оборвал связь.

Интересно, успел ли оператор вычленить запретные мысли? Если да, то сообщит в медбаз.

Соломон с трудом успокоился. Тревожные мысли упрямо лезли в голову, жуткие ассоциации выползали из подсознания, мешая сосредоточиться.

Поймают, дознаются, где он был и откуда взял «это». Он тряхнул головой, пытаясь прогнать опасные видения. В груди зародился холодок, воздух потяжелел и застрял в горле. Соломон закашлялся.

«Сожгут, как пить дать, сожгут».

Неловко выползая из темного подвала на стерильный асфальт, он прищурился, пряча глаза от яркого света прожекторов. Гигантские светильники вспыхивали в вышине над головой, там, где громадный непрозрачный купол сливался с пятисотметровыми цилиндрами спальных корпусов и где бесконечные железобетонные иглы пронзали низкое свинцовое небо и устремлялись своими остриями навстречу невидимому солнцу. Соломон вздрогнул.

Вспоминая пылающий живой диск, торчащий в бесконечной, безмерной, не передаваемой обычными словами голубизне, он вновь ощутил легкое головокружение.

Сожгут?

Да, и черт с ним!

Я видел это.

В голове вспыхнул яркий огонь, и мужской голос предложил:

— Не хотите поучаствовать в играх «Прошедшие огненный ад»? Первый приз — тысяча кредитов. Никакого риска, минимальные проценты.

Соломон, не отрывая взгляда от инспектора эконобеза, замер. Тот, прислушиваясь к чему-то, кивнул напарнику и неспешно спрятал сканер:

— Соломон Гам! — закричал он громко. — Транзакция зафиксирована. Последнее предупреждение. Больше не нарушайте закон, иначе нам придется прибегнуть к принудительному внушению и выправлению вашего эго. Экономика должна работать, — продолжил инспектор менее официальным тоном, — и если каждый гражданин позволит себе ничего не покупать, что тогда? Куда девать товары, предназначенные для улучшения вашей жизни? — инспектор задал вопрос риторически и не ждал ответа.

Соломон, стараясь не показывать охватившего его страха, попытался пройти мимо.

— Я очень спешу, инспектор, позвольте мне пройти, — не совсем уверенно попросил он, а его рука, не подчиняясь рассудку, непроизвольно прикрыла выпирающую выпуклость, заметную под плащом.

— Куда это вы так спешите, Соломон Гам? — заинтересовался инспектор.

— Сыну пообещал, что буду дома к двум.

Соломон в очередной раз на секунду сунул руку за пазуху и быстро выдернул, делая нерешительный шаг назад, затравленно огляделся. Пустая улица — можно бежать, но тогда шансов уйти не останется: камеры слежения повсюду, и исчезнуть из их поля зрения может разве что невидимка.

Перед лицом распустилось мерцающее изображение. С гигантского голографического плаката улыбнулся благополучный розовощекий здоровяк. «Я люблю деньги!» — заявил он серьезно и, не моргнув глазом, растворился, на секунду превращаясь в колеблющуюся дымку световых лучиков, исчезающих над асфальтом.

Рука пылала, как будто в нее воткнули тысячу раскаленных игл. Соломон не выдержал: поднося к глазам зудящую ладонь, подул на воспаленную, усыпанную мелкими бордовыми крапинками кожу.

— Крем «БезЗуд» снимет раздражение, купите... — поторопился предложить заискивающий голос, но Соломон не стал его слушать.

Резко выдохнув, он прогнал непрошеного гостя из головы, пугливо оглядываясь, пересек улицу и вошел в стерильный подъезд.

— Назовем ее крапинка, — решил он, заглядывая в торчащий на стене глазок идентификатора.

— Соломон Гам, 308 этаж, блок 3785, — произнес голос электронного охранника, и только после этого бронированная дверь лифта бесшумно скользнула в сторону, чтобы через пару секунд так же бесшумно закрыться за его спиной.

— Хотите ознакомиться с энергозатратами вашего жилого блока за прошлый месяц? — поинтересовался эконом, управляющий пятисотэтажной башней.

— В следующий раз! — отмахнулся Соломон, отворачиваясь от голографического изображения полуобнаженной девицы, висящего под потолком.

Его раздраженный взгляд уперся в милое личико, опустился на громадные груди, торчащие прямо из зеркально-металлической стены.

— Массаж! — промурлыкали пухлые губки. — Один кредит.

Соломон прищурился и откинул голову назад. Чувствуя спиной холодную стену лифта, досчитал до пятидесяти и открыл глаза.

Зеркальные створки скользнули в стороны, и родная квартира дохнула в лицо ионизированным воздухом.

— Поднимите руки и повернитесь! — приказал динамик в стене, и гибкие шланги чистильщика потянулись к Соломону.

Вспыхнула бактерицидная ультрафиолетовая лампа, ощупывая хозяина квартиры холодными лучами.

— Вот я и дома, — прошептал Соломон и, не разуваясь, поспешил в комнату.

Коврик, лежащий на полу, за спиной, замигал огненно-красным светом, стелющимся по пластиковому четырехугольнику, но Соломон не заметил включения санитарной сигнализации — он торопился в кладовку. Не оборачиваясь, он прошел к узкой двери и, нетерпеливо толкнув металлическую перегородку, втиснулся в маленькую комнатку. Стены, заклеенные пищевой металлизированной пленкой, утяжеленной звуконепроницаемой подложкой, превращали кладовку в некое подобие стеклянной колбы термоса.

«Молодец Патрик, постарался на славу, — подумал Соломон. — Можно не опасаться — ни камеры, ни микрофоны теперь не страшны».

Вспоминая о мыслэфоне, он раздраженно покачал головой. Осторожно снял плащ и, поддерживая его одной рукой, другой распахнул дверку, ловко поддел резиновую горошину и, с трудом вырвав ее из уха, вышвырнул в комнату.

Бережно, трясущимися руками, едва дыша, Соломон достал из внутреннего кармана грязный пластиковый контейнер. Маленький остролистый росток выскользнул из пакета и, радостно выпрямляясь, закачался перед глазами.

Щелкнул магнитный замок на входной двери, и Соломон замер, напрягся так, что хрустнули зубы.

Патрик пришел.

Дверка за спиной скрипнула, в коморке стало еще меньше места.

— Зеленник! — прошептал Патрик, проползая под ногами отца и вплотную приближаясь восхищенной физиономией к небольшому кустику.

— Крапинник! — Соломон вытянул припухшую ладонь, сплошь покрытую яркими крапинками.

— А может крапивник? — задумался мальчишка. — Нет! Крапивка! — засмеялся он, радостно хлопая в ладоши. Таким счастливым Соломон давно не видел сына.

Он испугано зашипел, прижимая палец к губам. Глаза его остановились, а сердце громко заухало, сотрясая грудь и отдаваясь гулом в ушах. Прислушиваясь к странным звукам за дверью, он втянул голову в угловатые плечи. Испуганный взгляд уперся в маленький зеленый стебелек, скользнул по мохнатым листочкам к пластиковому контейнеру и тут же прыгнул назад, к двери, за которой слышались теперь уже страшные звуки.

— Биологическая угроза первой степени! — взревел металлический голос за перегородкой.

Соломон почувствовал, как холодные капли пота заскользили по его спине, а сердце заколотилось с частотой атомного сублиматора. Рядом всхлипнул Патрик.

— Что они сделают с нами, папа?

Громыхнули сдвигающиеся бронированные плиты. Массивные металлические створки закрыли окна и двери. Закупоренный жилой блок мгновенно превратился в железобетонный гроб. Из стены выдвинулись длинные газовые горелки с маленькими разгорающимися язычками пламени на концах.

— Зона соприкосновения с неизвестным биологическим объектом. Опасность первой степени. Угроза заражения — максимальный уровень!

Пламя разгоралось все сильнее. Зашипел тающий пластик, раскалились стены.

Запахло горелой кожей, шевелясь, вспыхнули волосы на голове Патрика. Безумный крик прервался.

— Вы нарушили закон и подвергли опасности население Купола №3. Вы будете уничтожены.

Во благо всем...

ФАНТАСТ

Петру Котову было тридцать лет. Чуть наметившееся брюшко и еле заметные залысины не портили хорошего впечатления о его внешности. Он был эрудирован, обладал хорошим чувством юмора. Душа компании. Но сейчас настроение было пасмурным.

До последнего очередного финансового кризиса Петр работал менеджером среднего звена в небольшой торговой фирме. Но фирма обанкротилась, коллектив распался, работы не было. Хорошо, что жена Елена трудилась в областной госадминистрации и сокращению в ближайшее время, скорее всего, не подлежала. Это давало возможность небольшой семье Котовых жить если не на широкую ногу, то и не впроголодь.

В этот день Котов, проснувшись, как всегда, позавтракал яичницей на колбасе и побрел к компьютеру. Вырвался на просторы Интернета в поисках работы. Опять всё не то! Для того, чтобы претендовать на вакансии с достойной зарплатой у него снова чего-то не хватало. То обучения в заморском колледже, то знания какого-либо языка на должном уровне, то опыта работы на подобной должности. Остальные вакансии Петр отметал, считая ниже своего достоинства вкалывать на стройке, сторожем, рекламным агентом и в качестве прочего низкоквалифицированного персонала.

Котов забил в поисковик запрос «Работа, конкурс». Снова мимо... Но неожиданно на второй странице он обнаружил надпись «Конкурс. Короткий фантастический рассказ». Ресурс fantascop.ru.

Фантастику Пётр любил ещё со школы. Перейдя по ссылке, прочитал условия конкурса и произведения конкурсантов. И вдруг неожиданно для самого себя решил: а что?!. Слабо?! Времени у него уйма, фантазии не занимать (как он про себя думал), техническое образование за плечами, пописывал в институте сценарии для КВН.

Сказано — сделано! Сначала сюжет. Так. Вторжение инопланетян. И война. Конечно же, до победного. Банально, но срабатывает. Откуда? Марс — избито, да и спорно. «Есть ли жизнь на Марсе?». Петр отмел одним махом всю Солнечную систему, а затем и собственную Галактику. Пусть пришельцы будут из... Тут Котов призадумался. Можно, конечно, выудить из Интернета мудрёную Галактику с красивым названием. Но читателю всё равно: лишних пять миллионов световых лет дела не решают. Придумал свою. Эолу. Так. Теперь образ пришельцев. Естественно, сверхцивилизация. Сверхсветовые скорости. Четыре руки, три глаза, чешуйчатые. Рост — под три метра. Оружие — плазмонейтроннолазерное (!). Подумав, Петр добавил к облику супостатов ещё пару рук и один глаз. Война и поражение пришельцев на последнем дыхании. Особо удавались описания батальных сцен. (Не буду пересказывать сюжет. Кто захочет, может ознакомиться на сайте fantascop.ru).

Закончив шедевр, Котов отослал его электронной почтой на адрес, указанный на сайте.

Сладко потянувшись, вышел на балкон и закурил сигарету. Вечерело. Солнце медленно краснело и садилось за ближайшие постройки. Петр взглянул на небо. Наморщил лоб. Может быть, зря он разместил пришельцев за пределами родной Галактики? Может быть, надо было определить их в районе Млечного пути? Или вообще в Солнечной системе? Или в параллельных измерениях? Или еще ближе? Вот учёные говорят, что за солнцем скрывается еще одна планета. Двигается по той же самой орбите вокруг Солнца, что и его родная Глория, только в противофазе, и потому всегда невидима. И название этой гипотетической планете теоретики даже дали такое смешное... как там его... эээ... а, Земля. Хотя нет, — Петр решительным щелчком отправил окурочек в полет с балкона, — вряд ли. Если там и была какая планета, то ее население, скорее всего, решало бы те же самые проблемы, что и он со своими однопланетянами, а не занималось бы отращиванием себе очередной пары рук и вынашиванием милитаристских планов. Это начинающий писатель-фантаст чувствовал интуитивно.

КОНКУРС

«Фантастика детям»

ПЕРВАЯ ПЕТАРДА

Шумный праздничный салют гремел на площади. Я выглянула в окно: в небо бил бирюзовый фонтан, а снизу уже летели острия единичных звезд.

«Красота!» — подумала я.

Гул нарастал. И вот самый последний, самый мощный взрыв — и, шипя, взметнулась ракета и рассыпалась там, в вышине, на сотни, нет, на тысячи искр. Глаз отвести было невозможно.

Но вдруг произошло нечто странное: часть боковых фонтанов не погасла, как все остальные, а улетела вбок. Словно гонимые ветром, светящиеся тучки понеслись над городом. Я восхитилась умением современных пиротехников и высунула голову в окно — проследить, где все-таки погаснет фейерверк. Но он, похоже, не собирался гаснуть. Сделал полный круг над площадью и зацепился за ветки тополей. Я накинула пальто и поспешила на площадь — созерцать чудо.

У памятника Ленину собралась небольшая толпа. Люди, задрав головы, перешептывались.

— Они не могут так долго тлеть, скоро погаснут, вот увидите, — сказала девушка с длинными прямыми волосами.

— А если дерево загорится? Все же по технике безопасности не положено, — забеспокоился полный мужчина в ду-бленке.

— Деревья мокрые, не должны... Смотрите, смотрите, они снова полетели, — ахнули длинные волосы.

Мерцающая, фейерверк перелетал с ветки на ветку.

— По-моему, они и не собираются гаснуть, — сказала задумчиво дубленка. — Надо бы сообщить куда-нибудь.

— Вам бы только сообщать! Красота какая!

— Наверное, они запрограммированы, — вмешался в диалог молодой парень в черной куртке, — или кажутся нам, как в стереокино. Наверняка, фокус.

Все вдруг замолчали.

Но тут случилось то, что вызвало всеобщий восторг. Светящиеся мотыльки подлетели к толпе и стали кружить над головами.

— Я поймал! Поймал одну, — парень в черной куртке крепко держал полупрозрачное создание, отдаленно похожее на стрекозу.

— Отпустите сейчас же, молодой человек. Вы оторвете ему крылья, — заволновались рядом.

Я придвинулась рассмотреть, но парень уже разжал пальцы. Резко защелкали фотоаппараты.

— А может, их обсыпали светящимися красками? — девушка в белой шубке рассматривала насекомое, присевшее к ней на рукавичку.

— И засунули в петарды? — усмехнулся ее спутник, высокий молодой человек.

Шубка фыркнула.

Насекомые покружили в воздухе и скрылись за домами.

Люди стали расходиться. Рядом со мной, засунув руки в карманы пальто, стоял парень. Он смотрел вслед улетевшим мотылькам, словно вслед уходящему поезду, увозившему дорогого человека.

— Удивительный фокус, не правда ли? — обратилась я к нему участливо.

— Ну, допустим... А что с того? Разве кто-то пострадал?

— Вы говорите так, словно это ваших рук дело.

Я развернулась уйти, но парень вдруг сказал мне вспину:

— Моих.

Это заявление было таким неожиданным, что я тут же вернулась.

— Ваших? Вот как?

Молодой человек посмотрел на меня грустно.

— Это — не фокус... Это — мечта.

— Но вы же не хотите сказать, что эти существа были на самом деле живыми?

Мой собеседник ответил вопросом на вопрос:

— А вы часто размышляете над тем, как возник наш мир? Наука вот говорит: из взрыва. Если первородный взрыв привел к созданию жизни, то почему человек, разумное существо, не может повторить этого? Все, что надо у нас есть под рукой, — полный комплект элементов из таблицы Менделеева. Нужно только найти подходящие ингредиенты, смешать в нужных пропорциях. Условия нужные создать.

— Если бы это было так просто, эксперимент, наверное, давно бы уже повторили.

— Вот, вот. Я и решил повторить. Я брал небольшие по мощности и объему заряды. Получались, конечно, всякие звуковые и световые эффекты, но жизни не возникало. Перепробовал все доступные вещества. Не только марганцовку и селитру... Эти — для фокусов. Я брал разные примеси. Записывал скрупулезно результаты. Два года потратил на опыты. И вот однажды получилось. Это было чудо. Вы знаете, я чувствовал себя Богом. Я создал жизнь! Я хранил свое открытие в тайне. Хотел всех поразить. Стал готовиться к этому салюту. Хотел, чтобы город увидел своими глазами. Чтобы все увидели, как жизнь зарождается сама по себе...

Он замолчал, словно ему трудно было говорить дальше.

— Вы и поразили... Все увидели, — осторожно сказала я.

— А потом, потом я хотел объявить, что вот он, мол, я — тот, кто создал жизнь из взрыва.

— Ну? И почему же не объявили?

— Потому что первая петарда была у Бога. И эта петарда была покруче моей.

Пиротехник развернулся и пошел, сначала не спеша, но потом выпрямился и зашагал пружинисто, походкой уверенного в своей правоте человека.

Комментарий редактора

Честность, порядочность, скромность... Кто-то сегодня говорит о них с тоской, сожалея о потускнении этих драгоценных граней людских душ, кто-то — с иронией, а то и вовсе со снисхождением. основополагающие ориентиры общественного бытия, увы, ныне воспринимаются многими людьми как призрачные памятники недостижимому, возведенные в незапамятные времена чудаками-идеалистами. И напрасно: на самом деле условно счастливое существование подобного рода «умудренных жизнью практиков» и возможно-то лишь потому, что есть еще сторонники других жизненных ценностей (и, слава Богу их тоже много!), которые эти самые честность, порядочность и скромность берегут, культивируют, не дают им исчезнуть как виду. К данному сообществу относится и автор «Первой петарды». А еще в нем живет ощущение метафизической природы этих понятий, и он пытается донести его до «тех, кто идет за нами». И доброй ему дороги!

А. Гудко

КОНЕЦ

Барон Мюнхгаузен славен не тем, летал или не летал, а тем, что не врет!



Главный редактор

Гудко Александр

Директор

Пономарев Сергей

Художник-иллюстратор

Светлана Никулина

Авторы

Сергей Чекмаев
Наталья Анискова и Майк Гелприн
Сергей Казиник
Леонид Шифман
Ева Соулу
Александр Гудко
Артур Шайдуллин
Сергей Преображенский
Вячеслав Фролов
Сергей Удалин
Василий Быстров
Владимир Кузнецов
Владимир Марышев
Эдуард Яров
Сергей Гатаулин
Олег Марковский
Елена Морозова

Вёрстка

Елена Шишова

Редсовет

Сергей Казиник
Евгений Якубович
Алексей Калугин
Леонид Шифман

© 2010 **Фантаскоп**

Любое использование и цитирование материалов данного электронного издания без письменного согласия правообладателя не допускаются и преследуются по закону.

Правовым сопровождением проекта «ФАНТАСКОП» занимается ЮА «Правовед»



www.1w.ru

Издательство «Логотип»

Сайт проекта: www.fantascop.ru, fantascop.pf

E-mail: info@fantascop.ru

ISSN 2219-6552 (The press)
ISSN 2220-2781 (The electronic edition)